

С. ЛИПКИН

рожденный из камня

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЦЕНА 49 КОП.

С. 118
"СЛОВО"

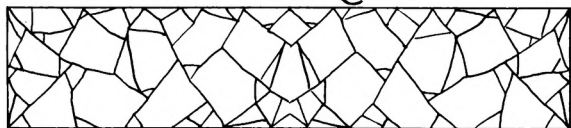

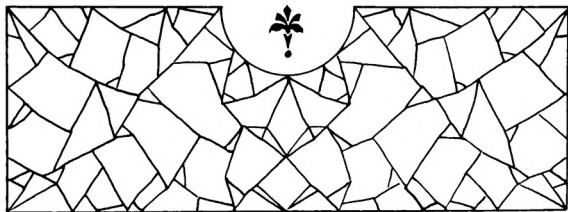
С.ЛИПКИН

РОЖДЕННЫЙ ИЗ КАМНЯ

повесть по мотивам кавказских сказаний

МОСКВА • ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА • 1974

СФ
Л61

Л $\frac{0763-618}{101(03)74}$ 423—73

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1974 г.

КНИГА О МУДРОСТИ И МУЖЕСТВЕ

Вы сейчас раскрыли замечательную книгу, и вас ждет радость, как при получении хорошей вести. Да, вас ждут удивление и радость, как при первой встрече с горами и морем: эта повесть поведает вам о многом таком, что до сих пор, может быть, оставалось для вас неведомым. А что лучше радости узнавания? Чем больше человек знает, тем он богаче и сильнее. Книги, подобные «Рожденному из камня», много дают и уму и сердцу. Час первой встречи с такой книгой обычно становится добрым, а может быть, даже счастливым часом в жизни юного читателя, и чаще всего запоминается надолго или навсегда. Я говорю так вовсе не потому, что мне хочется переоценить повесть, которую только что прочитал. Нет. Она произвела на меня сильное впечатление, взволновала и обрадовала. А это может сделать только очень хорошая, живая книга. Я отложил рукопись с сожалением, что так скоро дошел до ее последней страницы, и у меня такое ощущение, будто я возвратился из прекрасной страны, где видел сказочные горы, долины невиданной красоты, беседовал с людьми необыкновенной мудрости и благородства.

О чем же рассказывает эта книга, так обрадовавшая меня? О нартах — легендарных богатырях, пастухах, охотниках и воинах, которые, как уверяют нас кавказские сказители, вырастили первый колос на земле, впервые разожгли огонь, похитив его у одноглазых чудищ — злейших врагов людей, испекли первый хлеб на том огне, сложили первую песню на свете, выковали первый меч, чтобы защитить свои пастбища и жилища от хищных и жадных людоедов. Все необходимое для человека в его жизни было открыто, найдено и сделано нартами. Так утверждают великие безымянные поэты гор. А не верить народным певцам невозможно — они образец честности и искренности.

Нарты были мудрыми мастерами и бесстрашными воинами, но никогда не стремились зря проливать кровь или бесчестно грабить соседей. Они признавали только справедливую борьбу за родной очаг и собственную честь, за свободу нартских селений.

Откуда же взялись нарты? Создала нартов народная фантазия, их родина — ущелья и долины Кавказа.

Нартский эпос — лучшее создание изустной поэзии горцев, их поэтическое сокровище, имеющее такую же мировую художественную ценность, как и «Калевала» у финнов и карелов, «Давид Сасунский» — у армян, «Манас» — у киргизов, «Джангар» — у калмыков, «Гэсэр» — у бурят. Точно определить время зарождения нашего эпоса трудно, но несомненно одно: в нем имеются очень древние пласты и мотивы. Как знать, когда, в какой год и век нартский поэт начал славить великих богатырей, их мудрость и доблесть? Мы можем только полагать, что ему, наверно, виделись белые снега высоких гор и яркие звезды над ними. Он, должно быть, и не думал о том, дойдут ли его поэмы до таких далеких и неведомых ему потомков, как мы с вами. Важно не это, а то, что он был великим поэтом и создал сказания, похожие на горы, видимые далеко со всех сторон. Мы благодарны нашему безымянному предку за вдохновение и мудрость: их свет, как свет далекой звезды, дошел и до нас. Так у людей передается от поколения к поколению все — умение строить жилища и слагать песни.

Нартские сказания бытуют у кавказских народов — главным образом это абхазцы, адыги (адыгейцы, кабардинцы и черкесы), балкарцы, карачаевцы, осетины. Есть нартские сказания и у чеченцев, ингушей, известны они и народностям Дагестана. Благородные богатыри так почитаются в народе, что у некоторых племен даже крепостные башни в горах называются нартскими. Все самые замечательные представления горцев о человеке связаны с нартами, народ наделил своих любимцев самыми лучшими человеческими чертами и качествами — высшей мудростью, доблестью, силой, благородством, честностью. В нартских сказаниях — многовековый опыт народа, его понимание нравственности, морали, человеческого достоинства. В этом причина долголетия эпоса. Верно будет сказать, что лучший поэт каждой страны — это ее народ. Поэтому и народные сказания о нартах — величайшее поэтическое создание нашей родной земли.

В повести «Рожденный из камня» вы встретите многих из могучих богатырей гор: доблестного и умного предводителя нартов Урызмага, его мудрую жену — златоликую Сатаней, славного мастера-кузнеца Девёта, выковавшего первый серп и первый меч на свете, непревзойденного нарта — Сосруко, Рожденного из камня, а также их врагов — одноглазых людоедов, чинтских князей и злых богов.

Да, действительно очень интересную книгу вы раскрыли сейчас. Она не перевод эпоса, не научный труд о народной поэзии кавказцев, а оригинальное произведение, написанное по мотивам кавказ-

ских сказаний. Его автор Семен Липкин — известный русский советский поэт, один из лучших знатоков и крупнейших переводчиков поэзии Востока. Его заслуги в этой области велики, и переоценить их трудно. Блистательно переведены Липкиным эпосы «Джангар», «Гэсэр», абхазские и балкарские нартские сказания. Он также является одним из основных переводчиков «Манаса» и кабардинских «нартов». Могу совершенно спокойно, не боясь нарушить истины, сказать: в большом искусстве перевода эпоса нет у нас мастера, равного Липкину. Поэту присуждена Государственная премия Таджикской республики имени Рудаки, Калмыкия присвоила ему звание народного поэта, а Кабардино-Балкария и Бурятия — заслуженного деятеля искусств. Так высоко оценена нашей общественностью работа большого мастера, много сделавшего для братских связей культур, чтобы народы лучше узнали духовные сокровища друг друга.

Все же о чем книга, которую вы держите в руках? О том же, о чем и все хорошие книги от «Илиады» до «Василия Теркина», от «Дон-Кихота» до «Войны и мира», то есть о человеческих деяниях, о мудрости и доблести, а также о том, что противостоит этим высоким человеческим качествам. Автор «Рожденного из камня» в одной из глав своей повести поведал нам, как родилась первая песня нартов и чему она должна была служить. Приведу несколько строк из самой книги. Они скажут гораздо больше моих рассуждений о сути этой замечательной повести, поэтически светлой и глубокой: «Песня — источник мудрости, а мудрость есть память былого, трепет настоящего и постижение будущего». И дальше: «Пусть знают дети Кавказских гор, что боролись их предки со злом ради добра, с ложью ради правды, проливали нарты свою кровь ради любви. Так пусть всегда на слово «кровь» слышится отзвук — «любовь...».

Книга Семена Липкина и есть рассказ о великодушных нартах, которые были способны не только совершать подвиги, не ведая страха, в битве со злобными врагами людского племени, но и создать песню ради добра и любви, во имя человеческой радости. Богатыри гор отважно бились с чудовищами, не признававшими добра и песни, и ненавидевшими, как все убийцы и грабители, слово «любовь» и обожавшими слово «кровь». Для них убивать — являлось самым большим наслаждением. От них-то и защищали свои пастбища и жилища рыцари гор, они были самыми мудрыми и храбрыми людьми. У них мужество и отвага высоко ценились, являясь щитом и мечом нартских селений. Не будь у нартов доблести и бесстрашия, их селения одноглазые превратили бы в пепел. Это так. Но для победы над злыми великанами мало было одной человеческой силы и храбрости, были необходимы человеческий разум и мудрость. Поэтому у нартов ум и находчивость ставились так же высоко, как мужество и доблесть. В победах нартов над одноглазыми чудовищами ум, может быть, даже играл более важную роль, чем храбрость. Ведь злые великаны, враги

рода человеческого, в физическом отношении были сильнее благородных богатырей.

Таким образом, в горском эпосе воспет и разум человека. Это, как мне кажется, очень интересная черта некоторых из нартских сказаний. Она хорошо подчеркнута в повести. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть хотя бы те страницы книги, где рассказывается о том, как Урызмаг мудро перехитрил красноликого Фүка, а потом чинтского князя и его слуг. А небывалая мудрость и изобретательность Сатаней? В повести человечность, незыблемость добра занимают большое место. Также замечательно, что повесть очень убедительно рассказала нам о том, как и почему нарты отменили жестокий обычай сбрасывать со скалы стариков, уже неспособных пасти скот, охотиться и биться с врагами. В книге немало таких интересных и поучительных историй. В ней много света, а потому и поэзии.

Я уже сказал, что эта книга — не перевод и не просто пересказ кавказского эпоса. А поэтому не имеет значения, сколько места в ней занимают мотивы цикла сказаний того или другого из народов, у которых бытует нартский эпос. Тут не может быть никаких претензий. Наоборот, все мы должны быть признательны автору за его книгу, такую увлекательную, освещенную вечным светом горных вершин и бессмертным светом человеческой мудрости.

Кайсын Кулиев

ДОЧЬ ЛУНЫ И СОЛНЦА

Никогда не ищите силы, которая сильнее вас, а ищите добро которое добрее вас. Пусть ваше слово будет прямым, как солнечный луч, и острым, как меч. С такого слова мы и начнем нашу повесть.

Это было в те давнопрошедшие времена, когда люди запросто беседовали с богами, можно сказать, ели и пили с ними за одним столом и даже роднились с ними. А богов было много, и добрых и злых, и вот от бога Солнца, властителя неба, и от милоокой Луны родилась девочка. Родители дали ей имя Сатаней. Так была красива Сатаней,

что ее прелесть озаряла вселенную, и, когда она родилась, живые существа решили, что новое светило появилось на небе. Дракон Джелмауз, повелитель морского тумана, позавидовал Солнцу и Луне и похитил девочку. Он унес ее на далекий необитаемый остров.

Шли годы. У Луны от горя потускнели глаза, слезы выжигали их своей солью, вспыхивая на длинных ресницах. Часто плакал и многолучистый бог Солнца, и оттого, что печаль застилала лица безутешных родителей, происходило затмение Солнца и Луны. Когда плакала Луна, ее слезы превращались в дождь, и мгла окутывала землю, а когда горевал бог Солнца, в его сердце kloкотало пламя, и засушливый зной сжигал землю и губил растения.

— Где наша доченька, где наша Сатаней, жива ли она? — вопрошали с надеждой и болью Солнце и Луна. Они не знали, что их дочь растет на дальнем острове, сокрытом от их глаз непроглядным туманом, что стережет ее днем и ночью дракон Джелмауз.

Иногда из родника, кипевшего в середине острова, выходила на сырую землю богиня воды. Она расчесывала алмазным гребнем золотые кудри девушки, говорила ей слова, ласковые, как вода горных ручьев и озер. Повела девушке богиня воды, что маленький остров, окутанный непроглядным туманом, — не вся земля, что земля огромна и прекрасна, что ее освещают родители пленницы — Солнце и Луна, что есть на земле плодовые сады, густолиственные леса, высокие горы, что живут на земле люди, такие же существа, как и она, Сатаней. «Только женщины их не так красивы, как ты», — добавляла богиня. И еще добавляла, помолчав: «Они старятся от движения лет, а ты будешь всегда молодой».

Златокудрая пленница затосковала: ей захотелось туда, где трепетание света сливается с трепетанием листьев, ей захотелось к людям. А дракон Джелмауз не любил людей.

— Непостоянные они, — говорил он юной пленнице, и от его тяжелых слов сгущался над островом туман. — То они добрые, то злые, то щедрые, то жадные, то хитрые, то неразумные, то храбрые, то робкие. К тому же бывает и так, что люди любят друг друга, а у тех, кто любит, нет ни твердости, ни мудрости. Я — властелин тумана, и я знаю: только в тумане — твердость, только в одиночестве — мудрость. Я придам твоему сердцу мудрости, и ты станешь равнодушной к чужому горю. Я научу тебя твердости, и ты не захочешь жить сообща с людьми.

Так поучал пленницу дракон Желмауз, повелитель морского тумана, и потому, что он сам верил своим словам, ему казалось, что и Сатаней им верит, и перестал он стеречь девушку с прежней строгостью, а ночью и вовсе ее не стерег — храпел, распластав свое тело, серое, как туман, на морском берегу и погрузив голову в море.

Однажды ночью Сатаней приблизилась к берегу, только не к тому, на котором обычно лежал дракон. Туман простерся над островом, волны, как буйные кони с седыми гривами, прыдали на берег и отскакивали от скал, умирали в море и вновь рождались в нем. Увидела Сатаней — а глаза ее привыкли к туману, — что плывет ей навстречу, весело белея, широкий ствол березы. Сердце Сатаней дрогнуло, но истинную твердость она почуяла в сердце и прыгнула со скалистого берега на ствол березы. Как будто с губ коня, упала на нее пена волны. Сатаней стала грести, а веслами ей послужили руки и ноги.

Взметнулся ветер, погнал ее от острова к большой суше, пригнал березовый ствол к берегу. Девушке показалось, что деревья простерли к ней зеленые руки. Сатаней ступила на прибрежную траву. Там, на дальнем, безлюдном острове, всегда висел туман, всегда томилось безмолвие, как бы испытывая ту же горечь плена, что и Сатаней, и радостно было юной девушке впервые увидеть трепещущий свет утра, слитый с трепетанием листьев, услышать певучее ликование птиц. Олени с ветвистыми рогами уступали ей дорогу, а многолиственные деревья нежно касались ее своими ветвями.

Сатаней вошла в ущелье. Над ним нависали одетые мохом скалы. Посредине ущелья возвышался холм. Тяжелый смрад исходил от него, заглушая запахи леса. Вдруг холм задрожал, затрясся, поднялся и двинулся к Сатаней. Оказалось, что то не холм, а поросшая густыми волосами одноглазая великанша. Еще не знала Сатаней, что одноглазые были заклятыми врагами людского рода. А эта великанша прожила в лесной чащобе три столетия и в первый раз увидела здесь, в глухом ущелье, дитя человеческое, ибо люди не заглядывали в обиталища одноглазых. Великанша раскрыла пасть, чтобы проглотить Сатаней. Девушка испугалась, но от испуга стала еще красивее, и так светозарно зажглась ее девическая прелесть, что почувствовала великанша боль от неведомого света и закрыла свой единственный глаз. А когда захотела открыть его, не могла поднять веко. Старая великанша взревела от боли, начала в бессильной ярости глотать глину и разбрасывать камни. Пыталась она приподнять веко своими огром-

ными, волосатыми руками, но веко, длинное и тяжелое, не поднималось. Не понимая, что с ней, не видя, куда она ступает, великанша взобралась на скалу и вдруг зашаталась, незрячая, над бездной и упала с обрыва в море и разбилась о подводные острые камни.

Стемнело. Сатаней одна-одинешенька побрела по ущелью. Горный лес обступал ее. Дыхание листьев смешивалось с дыханием дикого зверья. Сатаней подумала: не пойти ли ей на поклон к богине земли? Но потом другая мысль пришла к ней: «С самого детства я видела только богов — повелителя тумана и властительницу воды. Теперь повстречалось мне чудовище. Надо мне, наконец, найти людей!»

И Сатаней продолжала брести по лесной чащобе. Так была красива дочь Солнца и Луны, что ее глаза озаряли темноту лесной ночи. Услышав ее шаги, замедляла бурная река, ветер замедлял перед ней свой прерывистый бег.

Сатаней шла вверх по тропе. Вдали показались великаны в белых шапках. Но то были не одноглазые, то возвышались Кавказские горы. С высокой скалы гулко сбежал водопад. Не сама ли богиня воды, распустив свои волосы, звала Сатаней в обитель человека? Сатаней увидела окраину селения. Многоярусные башни подпирали небесный свод. Девушка почувствовала запах кизячного дыма, и теплом жизни, теплом человека повеяло на нее.

С другой, с северной стороны селения появилась пожилая женщина. На плече у нее был кувшин с водою. Хотя Сатаней впервые увидела человека, направилась она к женщине уверенной, смелой походкой. Женщина удивилась:

— Странные у тебя волосы! У наших девушек волосы как смоль, у нас, состарившихся, — как снег, а у тебя волосы из чистого золота! Странная у тебя походка, смелая да быстрая, а нартские девушки ступают медленно и плавно. Кто ты? В чьем доме ты родилась и росла?

— Имя мое Сатаней. В раннем детстве похитил меня дракон Джелмауз, хозяин тумана, и не в родительском доме я росла, а на безлюдном острове. Теперь я хочу жить среди людей, сообщая с людьми.

— Пойдем ко мне, — сказала женщина с кувшином. — Беден мой дом, а найдется и для тебя место. Будешь ты жить у меня в кладовке, чтобы юноши до поры не видели тебя, не то передерутся из-за тебя все нарты, потому что ты красива, как Солнце и Луна.

Так Сатаней нашла пристанище в нартском селении.

ГИБЕЛЬ КРАСНОЛИКОГО ФУКА

Нарты были богатырями, меткими лучниками, выносливыми пастухами. Каждый нарт был равен другому нарту, они жили единым обществом и не признавали над собой ничьей человеческой власти. Статные, стройные, рослые, они были сложены благородно: тонки в поясе, крепки в бедрах, широки в плечах. О красоте их сложения можно было судить по тому, что когда нарт лежал на ложе, подпирая локтем голову, между его рукою и серединой стана свободно прошла бы кошка со вздыбленным хвостом.

Красивы были и бранные одежды нартов, их черески и бурки, их бешметы и папахи. Когда скакали нарты верхом, кружились их бурки, будто воронье кони, порхали их папахи, как сизокрылые голуби. Их сабли сгибались, как прутья, их кинжалы разрезали на лету волосок, их кольчуги, составленные из колец, не боялись ни свинца, ни стали.

Один из нартов, Урызмаг, с детских лет стал вожаком своих сверстников. Во всех играх, забавах и состязаниях он оказывался самым ловким, сильным и смышленным. Взрослые о нем говорили: «Настоящий нарт получится из этого мальчугана!»

Однажды увидел мальчик Урызмаг, что жители направляются куда-то в одну сторону. Один ведет барана, другой несет копченое мясо — половину бычьей туши, третий — кувшины с хмельной брагой, а бедно одетая женщина с изможденным лицом обхватила руками щербатую миску, а в миске — немного еды. За женщиной бежали ее дети, мал мала меньше, и жалобно просили: «Мать, дай нам поесть, мы голодные!»

Урызмаг удивился: у женщины в миске — еда, а дети ее голодные. Дурная она мать, что ли?

Таков был Урызмаг с детских лет: удивившись чему-либо, он всегда искал причину удивления, хотел до самой сути добраться.

Покинул Урызмаг своих сверстников и побежал за толпою, догнал ее и начал приставать к людям с расспросами. Седой старик, державший в руках бурдюк со свежим овечьим сыром, сказал мальчику:

— Разве ты не знаешь, Урызмаг, что пришла пора платить дань рыжебородому, красноликому Фуку, богу засухи? Этот жестокий криводушный бог живет на небе, но любит дары нашей земли.

— Да падут на меня твои недуги, отец, — учтиво сказал Урыз-

маг. — Непонятна мне твоя речь. Нарты не признают ничьей власти, почему же они стали данниками красноликого, рыжебородого Фука?

— Мы не признаем над собой ничьей человеческой власти, — тяжело вздохнул старик. — Мы не страшимся чинтских князей, мы угоняем княжеский скот. А с богами тягаться нам не под силу.

Урызмаг опечалился недетской печалью. Несправедливость обожгла его сердце. Он оставил игрища, удалился от сверстников. Дети и подростки бегали взапуски, метали камни, играли в альчики, боролись, состязались в ловкости и силе, а Урызмаг бродил по селению, погруженный в невеселые думы.

— О чем ты думаешь, Урызмаг, о чем печалишься? — спросили его старики. — Не заболел ли ты?

Урызмаг ответил:

— Я заболел, но не тело болит у меня, а душа: ее мучает несправедливость. Почему храбрые нарты, не признающие над собой ничьей власти, с трепетом и унижением платят дань красноликому Фуку, богу с трусливым сердцем и козлиной рыжей бородой? Я не успокоюсь до тех пор, покуда не сделаю нартов свободными. А если не освобожу данников, то, значит, я — не нарт и никому из нартов я не равен!

Родители и родичи со слезами на глазах уговаривали мальчика выкинуть из головы опасные мысли. Они говорили в страхе:

— Если Фук узнает о том, что ты ему враг, он уничтожит тебя и нас, ибо жесток и коварен красноликий бог засухи!

Но мальчик стоял на своем:

— Не буду я сыном нартского рода, если не одолею рыжебородого Фука!

Слова мальчика пристыдили односельчан, заставили их задуматься. Старики и молодые собрались на свой богатырский сход, на Хасу нартов, и порешили:

— Отныне Фук не получит от нас дани, унижающей душу человека!

А надо сказать, что в тот день, когда полагалось платить дань криводушному богу, опускал рыжебородый Фук в условленном месте с вечно синего неба огромные котлы на железных цепях. Люди наполняли котлы мясом, зерном, сырами, хмельной брагой. Но на этот раз они наполнили котлы камнями.

Медленно стали подниматься котлы к синеве неба, скрылись в об-

лаках вместе с железными цепями и, грохоча, опустились на небесную твердь. Подбежал к ним тонконогий бог с козлиной рыжей бородой, наклонился над котлами, но вместо вкусной еды и хмельного питья увидел холодные камни Кавказских гор. Заскрипел Фук зубами, его рыжая борода взъерошилась, и вечно синее небо стало красным, как лицо Фука. Повелитель засухи крикнул сердито:

— Жалкие людишки! Пыль земная! Вы вздумали тягаться со мной, чье дыхание несет смерть! Я обложу вас невиданной данью. Теперь не мяса я потребую от вас, не сыров, не хмельной браги — иную жертву принесете вы мне: сильных джигитов и красивых девушек! А если вы не покоритесь моей воле, то я выпущу бурю и разорю ваши амбары, высыплю град и побую ваши поля, пролью кровавый дождь, который не увлажнит, а изранит вашу землю. Бескормица и недород заставят вас поредеть наполовину. А если вы и после этого не станете моими рабами, то я иссушу долгим, жгучим зноем весь род человеческий, и пеплом станет все, что дышит, растет и цветет. Ничего не будет рождаться от беременных женщин, не принесут приплода овцы и кобылы!

Услышав эти угрозы, громом грохотавшие с неба, богатыри собрались на Хасу. Но не знали они, как биться со злым богом. Тогда нарты решили: «Нет среди воинов мужа, который указал бы нам правый путь. Поклонимся мудрым женщинам селения, пусть посоветуют, как нам поступить».

Таков был нартский обычай: если для правого дела оказывалась слабой сила меча и медленным был полет стрелы, то обращались нарты за помощью к женской мудрости. Дошли слова нартов до слуха Сатаней, все еще скрывавшейся в кладовке, в доме бедной женщины, приютившей ее. Сатаней сказала:

— Я пойду на Хасу нартов.

— В своем ли ты уме, девушка! — всплеснула руками хозяйка. — Не каждый юноша вправе прийти на Хасу нартов, он должен показать свою силу, совершить боевой подвиг, чтобы заслужить это право. А какой подвиг в бою может совершить женщина? И откуда у нее сила? Никогда еще существо женского рода не присутствовало на сходе богатырей.

А Сатаней в ответ:

— Когда нужно одолеть врага силой, мужчина нуждается в мече и стреле. Когда нужно одолеть врага умом, мужчина нуждается в жен-

ской мудрости. Только там побеждает воин, где умна мать воина, где мудра подруга воина.

Так сказав, Сатаней пошла на Хасу нартов. Походка ее была смелая, уверенная, не такая, как у нартских женщин, ступавших медленно и плавно. Кудри ее сверкали золотом, а не смолюю, как у нартских женщин. Никогда еще не видели нарты девушку такой светозарной красоты, и, хотя никогда еще существо женского рода не осмеливалось прийти на сход богатырей, ничего не сказали нарты нарушительнице обычая, растерялись они, остолбенели. Златокудрая девушка внимательно посмотрела на стариков и юношей, поклонилась им и сказала:

— Если у вас в селении есть опытный кузнец, пусть он изготовит такие доспехи, чтобы их не пронзила ни одна стрела, чтобы их не рассек ни один кинжал. Пусть выкует кузнец такой меч, который обезглавит любого врага. Пусть он сделает такие стрелы, которые способны пробить насквозь горные утесы. Эти доспехи, эти стрелы и меч вы должны вручить тому смельчаку, чья душа болит из-за вашего горя. А потом спуститесь в Нижнее Селение. Посреди селения выкопайте яму. Извлеките из ямы воздушный бурдюк. Этот бурдюк доставит смелого нарта на небо, и храбрец, чья душа страдает из-за несправедливости, уничтожит рыжебородого бога засухи, красноликого Фука.

Старики слушали девушку с надеждой, а юноши — с огнем восторга в глазах. Один из юношей спросил:

— Если найдется такой смельчак, станешь ли ты ему женой?

— Не о свадьбе сейчас речь, а о беде, нависшей над вами, — ответила юношам Сатаней, и поняли старики, что умна девушка, смело и дерзко явившаяся на Хасу нартов.

Один из стариков звался Девéтом Златоликим. Он был первым кузнецом на земле. Слова о нем — впереди, а пока скажем, что недаром первая песня нартов была о Девете. Всю ночь, по просьбе односельчан, ковал Девет в горской кузне панцирь и кольчугу, стрелы и меч. Утром старики сказали:

— Пусть боевые доспехи, меч и стрелы достанутся Урызмагу, ибо он смел. У него болит душа, но боль его не от телесных ран, а от несправедливости.

Нартским юношам понравилось решение стариков: не выйдет же Сатаней замуж за мальчика, значит, есть надежда, что она когда-ни-

будь станет женой одного из них! А Урызмаг облачился в доспехи битвы, вооружился мечом и стрелами и вместе со всеми нартами спустился в Нижнее Селение. Вырыли нарты яму — и увидели воздушный бурдюк. Слышали нарты от дедов и прадедов, что где-то в их стране есть чудесный бурдюк, который может подняться в воздух, перенести человека на небесный простор. «Не сказка ли это?» — думали нарты, и вот теперь воздушный бурдюк перед ними. Нарты воскликнули:

— Испокон веков мы здесь живем, а не знали, где спрятан воздушный бурдюк! Издалека пришла к нам Сатаней, а глаза ее оказались зорче наших глаз и ум — яснее нашего ума!

Урызмаг уселся в воздушный бурдюк и взлетел ввысь. Еще прекраснее показались ему сверху поля и лута нартов, еще грознее — многоярусные башни нартов, еще величавей — горы нартов, одетые лесами, трепещущие водой родников и озер. Наконец прилетел воздушный бурдюк на небо. Нога мальчика коснулась небесной тверди. Увидел Урызмаг каменное гнездо: то была крепость криводушного Фука. Дыхание зноя исходило из крепости и ложилось красной полосой на небесную твердь.

Мальчик, меткий лучник, выпустил из лука стрелу, и она пробила насквозь крепость злобного бога. Красноликий хозяин крепости выскочил наружу — и увидел на небе человека. «Кто-то, мне враждебный и сильный, помогает людишкам! — подумал бог засухи. — До сих пор еще ни разу эта земная пыль не поднималась на небесную твердь!» Фук заскрежетал клыками, как тупоголовый вепрь, и от скрежета клыков ринулась на землю песчаная буря. Разбухли у Фука от злости мешки под глазами, и град посыпался из них.

Пришла очередь испугаться Урызмагу, и мальчик сказал красноликому богу:

— Давай помиримся, бог засухи. Мы не хотим тебе зла, но мы и не хотим, чтобы зной спалил землю, чтобы ничего не рождалось от беременных женщин, чтобы не приносили приплода овцы и кобылы. Живи сам по себе, а мы будем жить сами по себе. Не обижай нартов, не требуй с нас дани — и мы тебя не обидим.

Тогда сказал свое слово рыжебородый Фук:

— Будь проклят, Урызмаг! Ты задумал лишить меня господства над нартской землей, ты ворвался ко мне на небесную твердь, — так будет тебе особая честь: умрешь не на земле, а на небе!

На краткий миг испугался Урызмаг бури и града, но не струсил, услышав слова красноликого Фука. Мальчик спросил:

— Чем будем драться? Хочешь — метнем друг в друга стрелы издалека, хочешь — испробуем силу мечей, приблизившись друг к другу вплотную. Но помни, что истинный мужчина не нападает на врага издали, истинный мужчина побеждает в единоборстве не стрелой, а мечом!

Как две молнии засверкали два меча: кривой меч Фука и меч, изготовленный нартским кузнецом для правого боя. Зашаталось в облаках гнездо-крепость. Выпал кривой меч из рук криводушного бога. Решил Фук: «Загрызу мальчишку своими кабаньими зубами!» Но едва так решил, как взмахнул Урызмаг мечом и обезглавил бога засухи. Кровавый ливень пролился на землю. До полудня стонала израненная земля. А после полудня вместо крови полился прозрачный дождь, и земля исцелилась от ран, очистилась от черной крови, она стала ярче и здоровее, и спустился на землю Урызмаг в воздушном бурдюке.

Нартские мужчины и женщины благословили того, кто избавил их от позорной дани, кто избавил землю от злобного бога засухи. А Сатаней сказала:

— Через два года, когда Урызмаг станет юношей, я войду в его дом как жена.

Не очень довольны были джигиты, услышав эти слова Сатаней, но так как все, что говорила Сатаней, сбывалось, то она действительно через два года стала женой Урызмага. И, полюбив, обрело ее сердце истинную мудрость, ибо неправ был дракон Джелмауз, не в одиночестве истинная мудрость, а в любви. И ошибался владыка тумана, когда говорил об источнике истинной твердости: истинная твердость обретается в соединении с людьми.

КАК САТАНЕЙ ОБМАНУЛА УРЫЗМАГА

Многое приносили годы Урызмагу: добычу в бою с чинтскими князьями, удачу на охоте, опыт на путях-дорогах. Что же приносили годы златокудрой Сатаней? А то приносили ей годы, что, следуя один за другим, не уносили ни крупницы от ее красоты и молодости!

Вечно юной, светозарно прекрасной, наперекор движению лет, оставалась жена Урызмага, дочь Солнца и Луны. И радовались два светила, глядя с неба на свою дочь, радовались тому, что она приносит людям добро и люди ее почитают.

А имя Урызмага возвысилось среди нартов, потому что он был смел, благороден, справедливо делил добычу. Иногда совершал он набеги на княжеский скот вместе с нартской дружиной, иногда выезжал в одиночку, и немало диковин видел он во время странствий. Не раз попадались ему на пути одноглазые чудовища, однажды встречались и бесы. Вот как это случилось.

Спустился Урызмаг с гор на равнинную землю. Заприметил нарт на степном пастбище табун одномастных коней. Погнал Урызмаг этот большой табун в селение нартов. На дороге застигла всадника ночь. Он сделал из сухих веток и сучьев плетень, загнал табун в загон и сам прилег на траву.

Лежит Урызмаг, не спится нарту. Оглянулся вокруг — увидел вдалеке пляшущее пламя. Богатырь встал, вынул меч из ножен и посккал на свет пламени. Оказалось, что вокруг костра вели свой дикий хоровод рогатые, мохнатоногие бесы. Их огневая пляска походила издали на большое пляшущее пламя. Урызмаг не сразу понял, что это бесы, что у плясунов — кривые рога и мохнатые ноги. Старший из бесов вышел из круга, приблизился к Урызмагу и сказал, почесываясь и хихикая:

— Иди к нам, попляши с нами.

Тут и другие бесы подбежали к Урызмагу, взяли нарта под руки и закричали, почесываясь и хихикая:

— Сними бурку и вступи с нами в пляс!

А какой горец откажется от пляски? Но пляска у бесов была буйная, дикая, закружилась голова у нарта. Скажут ему бесы: «Иди направо» — идет, задурманенный, направо; услышит от бесов: «Иди налево» — покорно идет налево. Но вскоре перестал он понимать, где левая сторона, где правая, перестал понимать, кто пляшет: языки пламени или мохнатоногие плясуны. Тогда-то смекнул Урызмаг — не весь же свой разум он утратил! — что не к людям попал, а к бесам. Разозлился нарт, размахнулся мечом налево и направо, но меч не страшен бесам — как языки огня, лишённые плоти, разбегаются мохнатоногие, рогатые кто куда, вопят, визжат, хихикают с противными ужимками. Присмотрелся к ним Урызмаг и заметил, что одна бесов-

ка высока и красива. И рогов на ней нет, и ноги у нее стройные, чистые. Подхватил ее нарт под руки, пустился с ней в буйный пляс. Пляшет бесовка, пляшет огонь в ее глазах, пляшет пламя костра. «Поправилась нарту наша красотка!» — решили старые бесы и сказали:

— Послушай, богатырь: какую из красавиц наших пожелаешь, ту и возьмешь себе. Захочешь ту, с которой пляшешь, отдадим тебе и ее. Она будет приветлива, послушна, а если у тебя дома есть жена, то станет ей почтительной служанкой.

Урызмагу пришлось по душе слова старых бесов. Он спросил:

— Какой выкуп вы потребуете за свою красавицу?

Старые бесы долго не думали, ответили быстро:

— Потребуем три головы: первая голова — того, кто под тобой. Вторая голова — того, кто на твоей голове. Третья голова — того, кто у твоей поясницы.

Понял Урызмаг, что бесы требуют его коня, его шлем и меч. «А без коня, меча и шлема какой я богатырь? Ох, погубить меня замыслили хитрые бесы!»

Так подумал нарт и сказал самому себе: «Перехитрю я рогатых хитрецов!» И дал нечистым такой ответ:

— Согласен, будет вам от меня все, что вы требуете. Только знайте: на моем шлеме изображен бог охоты. Боюсь, рассердится он на меня, если отдам вам, бесам, его изображение. И не будет мне больше удачи на охоте. А может ли быть счастлив нарт, неудачливый на охоте? Надо мне посоветоваться со своей хозяйкой. Не спросив ее, не могу вам отдать богатырский шлем.

Бесы бешено заплясали вокруг костра, то почесываясь, то перешептываясь, то споря, то визжа, то крича, то хихикая. Наконец ответили богатырю так:

— Пока не высохнет ночная роса, мы будем тебя ждать на этом месте, а как только рассветет — исчезнем, и не видать тебе уже никогда нашей красавицы.

Тут и бесовка посмотрела на Урызмага так, что у него сердце заиграло, и пообещал нарт бесам, что непременно вернется до рассвета: надеялся Урызмаг на своего коня. Помчался всадник быстрее ветра: очень уж ему хотелось привезти в нартское селение красавицу бесовку. Он решил, что вернется к пляшущим бесам с запасным конем, с запасным мечом и шлемом.

Сатаней ждала мужа допоздна. Нет, недаром она была дочерью Солнца и Луны, мудра была Сатаней, разгадала верная жена дурные намерения Урызмага! В полночь Урызмаг прискакал к порогу своего дома. Он постучал в окно, ибо думал, что в такой поздний час дверь заперта на засов. Но донесся до него голос его жены Сатаней:

— Какой наглец в полночное время стучит в окно? Здесь живет честная женщина, верная жена. Если кому понадобилось войти в мой дом, то на это есть дверь, она не заперта.

Урызмаг вошел в дом. Сатаней встретила мужа с лаской, накормила его отменной едой, напоила хмельной брагой из кувшина, уложила спать. Нарт приказал:

— Как только начнет светать, сразу же разбуди меня.

Но умна была Сатаней, мудра была дочь Солнца и Луны! Сотворила она за окном волшебное ночное небо, усыпанное звездами. Когда нарт в беспокойстве просыпался, он видел в окне горящие звезды, ночное небо. «Еще далеко до рассвета, успею прискакать к бесам!» — думал уставший после долгой дороги нарт и засыпал снова. Уже приближался полдень, когда Сатаней повелела исчезнуть обманному ночному небу. Жаркое солнце ударило Урызмагу в глаза. Нарт проснулся, посмотрел в окно, — день давно разгорелся. Сильно разгневался муж на жену:

— Какую красавицу я упустил! Я приказал тебе разбудить меня до рассвета, а уже полдень! Плохая ты мне жена, не буду я больше тебе мужем. Забери то, что ты считаешь самым ценным в нашем доме, и уходи, чтобы глаза мои тебя не видели!

Сатаней в ответ:

— Твое слово — приказ для меня. Я уйду. Я уйду из твоего дома, я уйду из селения нартов. Об одном тебя прошу. Много лет я провела на дальнем острове, окутанном непроглядным туманом, без людей прошло мое детство. Только у вас, у нартов, узнала я человеческое тепло. Только у вас, у нартов, обрело истинную мудрость мое сердце, ибо истинная мудрость в любви, а я полюбила тебя. Горько мне, в нестарые мои годы, снова почувствовать тоску одиночества. Горько мне, любящей, узнать, что была я тебе плохой женой. Так давай хотя бы напоследок посидим рядом, как муж и жена, поедим, попьем, и я покину твой дом по-хорошему.

Устыдился Урызмаг высоким стыдом совести, но сильнее оказался низкий стыд самолюбия, считал он позором для себя отменить свое

нартское слово. Наверно, не понимал он еще в ту пору, что только то слово нартское, которое рождено совестью. А Сатаней угощала мужа семь дней и семь ночей самыми сытными яствами, самыми вкусными напитками. На восьмое утро погрузился Урызмаг в бесчувственный сон.

Сатаней вышла на двор, запрягла в большую арбу самых откормленных быков, выложила арбу самой духовитой сухой травой, постелила поверх травы постель, накрыла ее ковром, положила на ковер сонного Урызмага, и двинулась большая арба со двора.

На окраине селения пробудился Урызмаг от крепкого сна. Протер глаза, увидел: лежит он на арбе, возле него — Сатаней, лопухом отгоняет она мух от его лица, при этом покрикивает на быков, а в руке у нее — березовая хворостина.

— Куда ты меня везешь на арбе? — спросил Урызмаг жену.

А Сатаней посмотрела на него с укором и лаской и сказала:

— Ты мне приказал: «Забери то, что ты считаешь самым ценным в нашем доме, и уходи». Больше всего я ценю в нашем доме тебя, ты мне дороже души моей. Вот я и взяла тебя и ушла из дома.

Сквозь землю готов был Урызмаг провалиться от стыда, от высокого стыда совести! Он любил Сатаней, златокудрую жену свою, больше, чем собственную душу. Он сказал:

— Прости меня. Вернемся домой. А самого себя я никогда не прощу. Вернемся, жена моя, и будем жить в любви и согласии, и пусть я умру в тот миг, когда захочу тебе сказать грубое слово!

БЕЛАЯ ЛАНЬ И ЧЕРНАЯ ЛИСИЦА

Однажды Урызмаг пустился в путь: добычу добыть, на мир посмотреть. После долгих странствий он добрался до подножия безымянной горы. Подумал: «Миновал я нартские земли, миновал пастбища чинтских князей, забрел в глушь неведомую. Устал я, на отдых стану».

Урызмаг спешился, снял седло, а коня пустил на траву: не было у него обыкновения спутывать своего надежного друга. Редко они разлучались, конь и всадник, а если и разлучались на короткое время, то конь всегда находил своего хозяина.

Конь пасется на лугу, седло лежит на пне, а меж высоких трав идет Урызмаг. Видит он вдали, на скале, белую лань необычайной красоты. «Эге, — подумал Урызмаг, — драгоценная добыча!» Но едва приложил он к тетиве стрелу, как белая лань плавно взвилась и перепрыгнула через горный хребет.

Урызмаг — за ней. Взорвался нарт на горный хребет, а белая лань снова взвилась плавно и легко и прыгнула на другой хребет.

Так и пошло у них: Урызмаг преследует лань, а та от него убегает. Настал вечер. Белая лань скрылась в белой крепости. Урызмаг обрадовался. «Теперь, — думает, — никуда ей не деться от меня. Славный подарок привезу моей умнице Сатаней!»

Урызмаг вступил в крепость. Навстречу ему — необычайной красоты белохолая княгиня. Удивительная, болезненная белизна ее лица поразила нарта.

— Да будет твой день добрым, белая госпожа белой крепости! — учтиво приветствовал ее Урызмаг, но сердитым был ответ белой княгини:

— А твой день пусть будет недобрым, ибо весь день ты преследовал меня: ведь это я была белой ланью. Кому я мешала, когда прыгала с холма на холм? Да будешь ты проклят за то, что охотишься на живых существ!

Урызмага удивили слова хозяйки крепости: на кого же охотятся исстари, как не на живых существ? И может ли мужчина считать себя мужчиной, если он не охотник? Опешил Урызмаг, повинился:

— Прости меня, белая госпожа. Разве я знал, что белая лань — это ты? А я задумал привезти жене моей, умнице Сатаней, дорогой подарок.

— Разве живое существо может быть подарком? Разве я хуже твоей жены? Разве лань хуже человека? А если опять заговорить о твоей жене, то только тем я отличаюсь от нее, что она замужем за нартом а я — за одноглазым чудовищем, полонившим и заколдовавшим меня.

— Как тебя заполонил одноглазый? — спросил Урызмаг, но не успела ему ответить белая госпожа: послышался шум за крепостной стеною. Увидел Урызмаг в окне одноглазого великана. На одном плече у чудовища — большое дерево с ветвями и корнями, на другом — красивый, ветвисторогий олень, а на лбу горит круглый единственный глаз.

Найдется ли человек, будь он даже нартom, который решится вступить в открытую схватку с чудовищем, да еще в его логове? Найдется такой человек, если есть в его душе вера в свою человеческую суть. Но страшно стало Урызмагу, утратил он эту веру, и спросил нарт у княгини с тревогой и трепетом:

— Как мне теперь быть? Что делать?

— Эх, ты, о чем раньше думал? Испугался, спрашиваешь: что делать? Одно теперь у тебя дело: лезь под кровать!

Урызмаг спрятался под кровать. Одноглазый, тяжело ступая, вошел в дом, сбросил на пол дерево, сбросил убитого ветвисторогого оленя, обнюхал дом, злобно посмотрел круглым единственным глазом на княгиню, спросил:

— Кто из чужих есть в доме? Что за живое существо сюда явилось?

— Существо человеческого рода, — ответила княгиня, ибо она поняла, что ничего не удастся скрыть от чудовища, у которого хотя и один глаз, да нюх звериный. — Пришел сюда человек. Увидев тебя, залез он с испугу под кровать. Но не причинишь же ты зла гостю, который пришел к тебе, умирая от голода и жажды.

— Что за речи у тебя? Плохие речи, человеческие! Уж не в сговоре ли ты с ним? Уж не пришел ли он высвободить тебя из-под моей власти?

Княгиня устрасилась гнева одноглазого. Чтобы успокоить его, она сказала:

— Как я могу быть с ним в сговоре, если этот человек нартского рода, а я — княжеского? Разве ты не знаешь, что между нами, чинтскими князьями, и нартами — вражда?

— Как не знать, я знаю все, что происходит на земле, — похвастался одноглазый. — Помни, однако: до сих пор, чтобы доставить и тебе радость, и себе, я только днем заставлял тебя быть существом оленьего рода, а вечером возвращал тебе твой человеческий облик. Обманешь меня — берегись: навсегда останешься ланью!

Княгиня расплакалась, и при виде ее слез вспыхнула звериная радость в круглом глазу великана: ему нравилось, когда людишки, которые гордились умом и знаниями, боялись его и плакали от страха. Хозяин белолицой княгини заорал:

— Мне по вкусу человечина! Эй, мясо людского рода, вылезай!

Пришлось Урызмагу вылезти из-под кровати. Одноглазый бросил

ся на него, отнял у нарта оружие, спрятал меч и колчан со стрелами под подушку, приказал:

— Послушай, мясо людского рода. Принес я в дом другое мясо, оленьего рода. Сними с оленя шкуру, разруби и расколи дерево, разведи огонь, сварь мясо для меня и княгини. Сперва съем оленя, который вольно жил в лесу, а потом и ты, мой подневольный слуга, станешь для меня пищей.

Хотя и сильным был Урызмаг, не понадеялся он при виде чудовища на свою человеческую силу, хотя и богатырем был Урызмаг, утратил он в тяжкий час веру в свою богатырскую отвагу. А когда человек теряет веру в себя, перестает он быть существом людского рода, становится существом рабьего рода. Не напал Урызмаг на чудовище, подчинился одноглазому. Он разрубил и расколол дерево, освежевал оленя, положил мясо в котел с двумя ушками, развел огонь, сварил оленину. Сильней разгорелся огонь и в жадном и круглом глазу великана.

— Хорошо, человецье отродье, ничего не скажешь, умеешь ты готовить вкусную пищу. Возьми, что тебе положено, остальное отдай мне и княгине! — приказал одноглазый.

Урызмаг взял себе оленью ногу, остальное отдал чудовищу. Великан был доволен:

— Ничего не скажешь, умеешь ты правильно делить пищу.

Нарт был голоден, но противна была ему еда в обиталище одноглазого, противно было ему, что он служит великану по-холопыи. А великан ел, чавкая, вытирая жирные руки о свои мохнатые бока. Не выдержало сердце нарта, еще никогда не испытывал он такого унижения. Он, который, будучи мальчиком, уничтожил бога засухи, теперь сделался слугой глупого чудовища! Урызмаг ринулся к постели, чтобы достать из-под подушки меч, но одноглазый давно уже следил за ним. Он схватил нарта левой рукой, а правой снял со спинки кровати ременную плетть и дважды ударил Урызмага.

Еще вы, внимающие нам, услышите, откуда была волшебная плетть у одноглазого. А теперь узнайте: Урызмаг упал, спина его согнулась, руки сравнялись с ногами: нарт превратился в собаку. Одноглазый вывел его на двор, туда, где жила свора охотничьих псов. А верный конь нарта, видя, что долго нет всадника, поскакал домой, и только седло осталось на одиноком пне посредине луга у подножия безымянной горы.

Посмотри, слепая судьба, что ты сделала: благородный нарт стал собакой! Руки, привыкшие к мечу и стрелам, ноги, привыкшие сжимать бока скакуна, стали четырьмя лапами, тело, как и душа, привыкшее к прямизне, согнулось и оделось шерстью! Одноглазый раздумал брать его на охоту, видимо опасаясь, что убежит, и заставлял собаку стережь свое стадо. Каждый вечер, когда лань становилась существом человеческого рода, она, белоликая госпожа, приводила собаку со двора в дом, сытно кормила ее и плакала о судьбе своей, о судьбе нарта.

— Ты видишь, как непрочно счастье! Я, которая была дочерью гордого чинтского князя, теперь живу в доме одноглазого чудовища как раба. Ты, который был грозой одноглазых, ты, который совершал набеги на чинтских князей, теперь стережешь стадо чудовища, его жалкий пес!..

Так причитала княгиня, а в полночь, когда за крепостной стеной раздавалось тяжелое дыхание одноглазого, возвращающегося с охоты, княгиня выводила собаку на двор. Давно ли был Урызмаг человеком, давно ли гремела о его делах добрая слава среди нартвов и их недругов? Но вот он стал собакой, пошла о нем добрая слава среди владельцев стад.

И дошла эта слава до некоего чинтского князя, скот которого повадились резать волки. Приехал князь к княгине, приехал вечером, когда заколдованная белая лань, скакавшая по холмам и скалам, снова принимала свой человеческий облик. Сказал князь княгине:

— Правдой оказались речи о тебе: лицо твое белее снега вершин, ты красива. А правдивы ли слова о твоей собаке? Говорят, что не смеют волки приблизиться к стаду, которое она охраняет. Прошу тебя, белоликая госпожа, отдай мне знаменитую собаку. Может быть, она уберет мое стадо.

— Не дам, — отказала княгиня. — Мою собаку нельзя бить, ее надо холить и беречь, а кормить — как самого желанного гостя.

— Клянусь тебе, госпожа, что хорошо будет у меня твоей собаке. А если говорить о еде, то разве нужно твоей собаке больше того, что истребляют волки в моем стаде за одну ночь?

Услышав ответ богатого князя, княгиня подумала: «Все же человеку, хотя он и стал собакой, лучше будет в доме человека, чем в обиталище одноглазого. Отдам собаку. Я сама бы ушла отсюда, если бы не надеялась, что когда-нибудь мне удастся в доме чудовища избавиться от колдовства, избавиться от обличья лани».

Князь обрадовался, поскакал к себе домой, держа собаку на привязи, привел ее к своим рабам-пастухам, приказал:

— Держите эту собаку в тепле и холе, служите ей как слуги, кормите как хозяина.

Когда князь уехал домой, пастухи вознегодовали:

— Чего захотел: чтобы мы стали слугами собаки! Пусть волки нападут на стадо, нам-то что, не наш скот они задерут!

Не накормив собаку, пастухи легли спать. Настала полночь. Двенадцать созвездий загорелись на небе, двенадцать волков приблизились к стаду. Раздался вой:

— Урызмаг! Нартский воин! Слышишь, как мы воем! Вот мы вышли!

Урызмаг завыл в ответ:

— Вы можете делать все, что пожелаете, я и головы не подниму сегодня!

Двенадцать волков напали на стадо и до самого утра истребляли овец. Утром прискакал князь, спросил пастухов:

— Хорошо ли охраняла собака мое стадо?

— Посмотри сам, хозяин, — сказали пастухи. — Половину стада резали волки.

Стали князь и пастухи избивать собаку. Потом, когда князь устал, он отправился верхом к белой княгине, держа на привязи измученного, избитого пса. Князь вошел в дом, сказал хозяйке белой крепости:

— Бери свою собаку назад. Правдивы слова о твоей красоте, лжива слава о твоей собаке. Половину стада задрали у меня вчера волки.

— Плохо, значит, кормил ты мою собаку, — ответила княгиня, глубоко вздохнув. — Эта собака умней и отважней многих знатных князей. Не понял ты ее.

Князь ускакал с обидой, а княгиня решила: «Видно, не каждому человеку дано разгадать, какова моя собака. Никому я больше не отдам ее. А чтобы люди не просили ее у меня, ибо им нужен неусыпный страж стада, — уговорю одноглазого, пусть она отныне и его стадо не стережет, пусть берет ее с собою на охоту, так и быть, пусть она, несчастная, станет охотничьим псом, пусть рыщет, горемычная, по горам и долам».

Тем временем конь Урызмага прискакал домой. Увидев коня без седла, Сатаней сразу догадалась, что с мужем стряслась беда. А муж был для нее дороже собственной души. И превратилась дочь Солнца

и Луны, ради мужа, в черную лисицу, побежала по следам коня. На рассвете достигла черная лисица белой крепости. Заприметил ее одноглазый и натравил на лисицу охотничьих псов. Псы погнались за лисицей, но не догнали быстроногую, вернулись назад. Только одна собака продолжала свой гон, и то был Урызмаг. Когда они убежали далеко от своры, черная лисица остановилась, мягко приблизилась к собаке, стала к ней ласкаться, говоря:

— Урызмаг, могучий нарт, вот и стал ты охотничьей собакой. Твоя душа была выше гор и глубже морей — и что же? Вместе со сворой собак одноглазого чудовища ты преследуешь меня, твою жену. Кто бы подумал, что настанет день такого испытания! Поверят ли, что ты был нартом? Или никогда ты не был нартом? Тогда ли ты стал животным, когда огрел тебя одноглазый волшебной ременной плетью, или раньше, когда ты утратил веру в свою суть человеческую? Разве ты не был сильным и смелым, справедливым и самоотверженным? Разве ты не любил меня, а я — тебя? А разве может утратить суть человеческую тот, кто любит? Страшно колдовство ременной плети, но ужасней злое колдовство бессилья, когда оно проникает в душу человека. Во имя рода людского, во имя нартской чести и нашей любви говорю тебе: вернись в белую крепость. Когда одноглазый начнет кормить своих собак, ты сам ничего не ешь, толкни пойло лапой и разлей. Одноглазый тебя бить будет, а ты визжи, вой, да пожалобней. Пожалует тебя княгиня, скажет своему хозяину: «Оставь беднягу в покое, ведь не простая это собака, она из моего, людского рода». Тогда войди в дом, свернись калачиком, полезай под кровать. Одноглазый не выгонит тебя ночью на двор, ибо захочет угодить княгине. Когда погрузится белая крепость в ночной сон, подойди неслышно к спинке кровати, схвати зубами плетъ, ударь себя плетью и обратись к главе богов с мольбой: «Всемогущий Тха, глава богов, верни мне человеческий облик, пусть я снова буду нартом Урызмагом!» Твоя мольба будет услышана, ты опять станешь человеком, и тогда сам поймешь, что делать дальше.

Лисица потерлась своей черной мордочкой о глаза собаки и побежала — устремилась к своему очагу жена Урызмага. А Урызмаг поступил так, как советовала мудрая Сатаней. Ночью, когда обиталище одноглазого погрузилось в сон, вылез из-под кровати охотничий пес, зубами снял со спинки кровати ременную плетъ, сам себя хлестнул плетью и обратился к главе богов с мольбой. Тха услышал его. Стан

заколдованного богатыря выпрямился, лапы стали руками, и человеческий облик вернулся к нарту. Ударил Урызмаг ременной плетью громко храпевшего великана, сказал:

— Всемогущий Тха, глава богов, прошу тебя, сделай мне большую милость, преврати одноглазого в ослицу, сильную и выносливую!

Одноглазый свалился с постели, согнулся. Он превратился в ослицу и заорал по-ослиному. Видно было, что ослица сильная, даром что одного глаза ей не хватало. Урызмаг ударил плетью спящую княгиню и попросил:

— Всемогущий Тха, глава богов, не ради себя обращаюсь к тебе с мольбой, а ради счастья человеческого существа. Сделай так, чтобы никогда не превращалась княгиня в дикую лань!

Белоликая княгиня весело открыла глаза, встала с постели, приблизилась к Урызмагу, сказала:

— Меня зовут Дадух. Когда моего отца, гордого чинтского князя, не было дома, одноглазый выкрал меня и заколдовал. Днем я была белой ланью, вечером становилась белолицей женщиной, госпожой белой крепости. Но и днем и вечером жила во мне человеческая тоска. Ты спас меня. Если хочешь, я стану твоей служанкой; если полюбишь, стану твоей женой.

Урызмаг ответил белой княгине:

— Я уже говорил тебе, что моя жена — златокудрая умница Сатаней. Я люблю ее, она мне дороже собственной души. Если ты хочешь, отвезу я тебя к твоему отцу, если пожелаешь, поедешь со мною в нартское селение и станешь женой какого-нибудь честного нарта.

— Я была дочерью князя, но несчастье подстерегало меня, и я превратилась в рабыню одноглазого чудовища. Отвези меня в нартское селение, может быть, найду я теперь свое счастье, став женой честного нарта. Но прежде чем уехать отсюда, ударь плетью по спинке кровати и скажи те слова, которые ты сочтешь нужными. Я-то не знала, что надо, ударив себя плетью, помолиться главе богов.

Услыхав ответ княгини, Урызмаг ударил волшебной плетью по спинке кровати и произнес нужные слова, как его научила Сатаней:

— Эй, всемогущий Тха, глава богов, не ради себя прошу, а ради благоденствия нартского рода! Преврати белую крепость в переметную суму такой величины, чтобы в ней уместилось все добро-богатство одноглазого великана!

И крепости не стало: превратилась она в переметную суму, и та-

кой величины была сума, что Урызмаг упрятал в нее все добро-богатство чудовища и погрузил на ослицу. Нарт посадил на ослицу белую княгиню, уселся рядом с красавицей и поскакал с добычей домой, к многомудрой Сатаней. Вспоминала ли ослица на долгом пути, что еще недавно была она чудовищем-великаном, что всадница, восседающая на ней как госпожа, была ее рабыней, а тот, кто возвышается рядом с белоликой госпожой, был охотничьим псом в том доме, где властвовала ослица?

Урызмаг поровну разделил добычу между нартами, ибо он был справедлив, а княгиню отдал в жены Алавгану, сыну кузнеца Девета. Когда соседи заглядывали на двор кузнеца, то видели одноглазую ослицу, но кто мог угадать, что покорное животное было некогда чудовищем, наводящим страх на честных людей.

В ПЕЩЕРЕ ОДНОГЛАЗОГО

Не только нарты славили своего вожака: имя Урызмага знали и одноглазые, эти алчные, злобные и завидующие недруги людей, но люди произносили имя смельчака с любовью и благодарностью, а чудовища — с ненавистью и страхом. Одноглазым было известно, что ни разу не возвращался Урызмаг с похода без добычи, что его меч — их смерть, что он не только отважен и могуч, но и хитроумен. А нартам было известно, что Урызмаг всегда достигает своей цели, а цель его благородна, что он ценит в людях честность, храбрость, щедрость, ловкость и силу, а презирает трусов, бахвалов, скряг и лжецов.

Любил Урызмаг померяться с нартами силою, поспорить с ними в искусстве метать стрелы из лука. А с тех пор как он превратил одноглазого в ослицу, не боялся он вступать в единоборство и с другими чудовищами, ибо навсегда поверил в свою человеческую суть. Одна у него была мечта — уничтожить одноглазых, чтобы дети людского рода жили спокойно и привольно. Эта мечта давала ему силу жизни и звала его к странствиям и подвигам.

Скитаясь, достиг он однажды местности, которая звалась Черным Оврагом. Прослышал Урызмаг, что местность эта кишмя кишит дичью, но опасность таит для человека Черный Овраг, который был очень

глубок, можно сказать, находился на уровне седьмого дна земли! Урызмаг спустился в Черный Овраг, увидел подножие горы, но даже вершина горы не достигала поверхности земли, тонула в глубине оврага. У подножия горы лежал на спине великан. Его мохнатое тело сливалось с травой, его единственное око зловеще мерцало посредине угрюмого низкого аба. Одноглазый забавлялся тем, что бросал на вершину горы могучие скалы. То были скалы необычайной величины и тяжести, назывались они абра-камни. Когда абра-камни летели вниз, великан, лежавший на спине, подбрасывал их вверх своими пятками. Овечье стадо паслось вокруг великана, вожак стада был длиннобродый козел. Неподдалеку виднелась пещера.

Урызмаг подъехал к одноглазому, произнес приветствие:

— Добрый день, сырой живот!

Одноглазый, не обидевшись, спросил:

— Эй, хитрец из рода людей, чего ты бродишь по свету, для чего путешествуешь?

— Я из рода людей, но я не хитрец, — возразил Урызмаг. — Не опасайся меня.

— Мне, великану, опасаться тебя, мелюзги двуглазой? — расхохотался великан, и от его смеха затряслось дно Черного Оврага. — Ты пригодишься мне: вы, умники из рода человеческого, порою находчивы. У меня в очаге погас огонь. Разведи огонь, на это вы, люди, мастера.

— Когда я был юношей, — сказал Урызмаг, — мы разводили огонь так. Ставили ствол дерева под солнце полудня, вспыхивала искра, и от нее-то мы и разводили огонь. А то поступали и так. Из лука пускали в небо стрелу, стрела лонзалась в звезду, падала на землю, разбрасывала звездные искры, и мы добывали пламя для очага. Теперь я уже не юноша, такие дела мне не под силу. Придумаю что-нибудь другое, полегче.

— Придумай, придумай, умелец из рода людей, — попросил одноглазый. — Если не придумаешь, то как я буду жить без огня?

Возле пещеры, у входа ее, стояла скала — абра-камень. Решил Урызмаг узнать, сумеет ли и он, как одноглазый, поднять скалу, подбросить ее вверх. Обхватил он скалу своими богатырскими руками, но абра-камень не сдвинулся с места. Урызмаг понял, что велика сила одноглазого, что нелегко будет одолеть его. Но еще раньше понял Урызмаг, что суть человеческая — в разуме, и крепко надеялся нарт

на суть человеческую. Он ударил по скале топором и отбил от скалы кусок. Затем набрал он ворох веток и сухих листьев, сложил ветки и листья возле скалы и ударил осколком скалы о скалу с такой силой, что посыпались искры. Одни искры улетели на небо и превратились в звезды, другие упали на ворох сухих листьев и веток. Вспыхнул огонь.

— Ловок ты, человек, — обрадовался одноглазый, — теперь будет огонь в очаге, сварим мясо. А не сварить ли и тебя заодно?

— Как же так: я раздобыл для тебя огонь, а ты хочешь меня съесть. Или нет в тебе благодарности? — сказал с притворным удивлением Урызмаг.

Одноглазый расхохотался:

— Зачем мне тебя благодарить, если я сильнее тебя? Заходи в пещеру!

Делать нечего, пришлось нарту войти в логово чудовища. Урызмаг молча разжег огонь в очаге. Одноглазый крикнул длиннородому козлу, чтобы тот привел в пещеру стадо. Когда овцы наполнили пещеру, великан кончиком мизинца сдвинул абра-камень и завалил вход в пещеру. Затем он схватил трех овец, зарезал, освежевал, положил в котел, подвешенный над очагом на веревке, связанной из оленьих шкур. Урызмаг сказал:

— Хорошо у тебя в пещере, нет у людей такого теплого жилья. Пока мясо варится, расскажи мне, как живут одноглазые, а я твой рассказ поведаю людям, чтобы они у вас ума набрались.

Понравилось великану, что человек похвалил его жилье, похвалил ум одноглазых. Нелюди были глупые и падкие на лесть, и одноглазый начал с важностью:

— Слушай же. Мы не похожи на вас, на двуглазых из рода людей. Нам не нужна одежда: нас греет собственная шерсть. Умно это, не правда ли, человек? И дома нам не нужны, башен мы не строим, не тратим силы попусту, живем в пещерах. И кровати нам не нужны: трава — наша подстилка, камень — подушка. Хорошо мы придумали, мелюзга двуглазая? А вот один из нас, господин белой лани, спал в постели, под головой держал подушку — и погиб, непутевый. И любовь, как вам, людям, нам не нужна, потому что от любви рождается доброта, а к чему нам доброта? И память о былом нам не нужна, потому что от памяти о былом рождается будущее, а к чему нам будущее? И стыд нам не нужен, ибо где стыд, там и совесть, а к чему нам со-

весть? Если заболевает одноглазый, то мы поим его горячей человеческой кровью. Это лучшее для нас лекарство. Вот угощу я тебя как следует, накормлю до отвала да и съем: пойдет на пользу мне твое мясо. А если бы я помнил о том, что ты мне оказал услугу, развел для меня огонь, то из благодарности я бы не стал есть тебя, и не было бы мне пользы от тебя. Теперь ты ясно видишь, что нам, одноглазым, ни к чему благодарность... Раньше нам жилось легко, беззаботно. Но с тех пор, как вы, людишки, научились владеть мечом и метать стрелы, житья нам от вас не стало. Многих одноглазых вы уничтожили, и во всем нашем роду самым старшим оказался я.

Урызмаг спросил:

— Каков срок жизни одноглазых?

— Срок нашей жизни — триста лет, — ответил великан. — Но многие не дожили до этого срока, поубивали их нарты, кто мечом, кто стрелой, кто хитростью. А возглавил нартов человек по имени Урызмаг. И вот я оказался самым старшим из одноглазых, а ведь мне еще двухсот лет не исполнилось.

— Вправду ли Урызмаг так силен и отважен, как о нем говорят? — спросил Урызмаг.

Одноглазый вздохнул:

— И силы в нем немного, и не храбрее он других человечков. Только хитер этот враг одноглазых, хитер он, мелюзга ты горная, и такой же уродливый, как и ты: ведь у него два глаза!

Сварилось мясо трех овец. Одноглазый съел их в один присест. Запив мясо жирным наваром, он уснул, только иногда бормотал во сне: «Завтра поем повкусней, завтра съем человека!»

А Урызмаг не мог уснуть: думал он свою человеческую думу. Посмотрел нарт на спящего великана и увидел, что его единственный глаз не смыкается, налился красной кровью. Решил Урызмаг: «Будь, что будет, а выколю единственный глаз чудовища. Пусть я погибну, но зато перед смертью взгляну на мир, как человек, а не тупо уставясь в землю, как скотина, или застыв неподвижно, как вещь!»

Урызмаг схватил горячий вертел и вонзил его в глаз великана. Одноглазый взвыл от боли: он ослеп. В ярости стал он шарить поросшими густой шерстью руками по земле — он искал Урызмага. Но Урызмаг притаился в дальнем углу пещеры, не дышал. Ослепший одноглазый крикнул голосом бессильной злобы:

— Так я и думал с самого начала, что ты — Урызмаг! Но ты

отнял у меня зрение, а я отниму у тебя жизнь. Поймаю тебя — убью, и твоя кровь исцелит меня!

Между входом в пещеру и абра-камнем забелела узенькая полоска: настало утро. Слепое чудовище отвалило кончиком мизинца абра-камень. Прислонясь к входу в пещеру, одноглазый раздвинул поросшие лохматой шерстью ноги и стал выпускать на волю свое стадо. Он зажимал на мгновение между коленями каждую овцу и ощупывал ей спину и бока. Но разум человека всегда осилит хитрость чудовища. Заприметил Урызмаг, что у вожака стада, у бородатого козла, длинная шерсть. Урызмаг лег под козлиное брюхо, вцепился руками в шерсть. Великан ощупал спину и бока вожака стада. На левом боку — никого, на правом — никого, на спине — никого. Одноглазый выпустил козла из пещеры, и вожак овец вынес Урызмага на волю.

Когда великан выпустил из пещеры последнюю овцу, он завалил изнутри вход в пещеру абра-камнем и стал снова шарить повсюду руками, искать Урызмага. И вдруг снаружи донесся до одноглазого голос человека:

— Не ищи меня в пещере, ищи меня на воле !

Этот голос потряс одноглазого. Он не мог понять, как Урызмаг выбрался из пещеры. Сердито отвалил он абра-камень от входа в пещеру и вышел. Давно рассвело, но для него кругом была тьма. Он сказал тоскливо:

— Ты ослепил меня. Победило твое счастье. Что дальше думаешь делать?

— Вот что я думаю делать дальше, — сказал Урызмаг. — Я хочу истребить всех одноглазых. Ты — враг людей, но скажи честно: кто сильнее — мы, люди, наделенные умом и добротой, или вы, одноглазые, наделенные алчностью и злобой?

— Вы, люди, сильнее, — услышал Урызмаг ответ слепого чудовища. — Отнял ты у меня глаз, оставь мне жизнь. А за мою жизнь отдаю тебе золотое кольцо. В нем — моя сила.

Одноглазый снял с мохнатой руки золотое кольцо и кинул его Урызмагу. Но умен был храбрый нарт: надел он кольцо на ногу овцы. И едва надел, как стало звенеть кольцо не умолкая, ибо овца не стояла на месте. Слепой великан погнался вслед за звоном, схватил нечто живое, но то был не Урызмаг, то была овечка!

— Перехитрил меня ты опять, — сказал одноглазый. — Но если ты наделен умом и добротой, то в тебе есть жалость. Пожалей меня,

и ты не прогадаешь. Есть в моей отаре черная овца. Зарежь ее и намажь свои глаза кровью ее сердца. Если ты это сделаешь, то откроются твоим глазам все недра, все сокровища земли. А потом я намажу свои глаза желчью из желчного пузыря овцы и прозрею: мне — зрение, тебе — богатство. Разве не ладно будет, Урызмаг?

Чудовище может быть пороку хитрым, как человек, но никогда оно не бывает прозорливым, как человек. Разве предвидел одноглазый, что не кровью овцы, а ее желчью намажет свои глаза Урызмаг! Вожак нартов глянул на землю, и глубины ее открылись его взору. А желчный пузырь овцы Урызмаг наполнил кровью ее сердца, положил пузырь на овечью шкуру и сказал одноглазому: «Бери!»

Одноглазый нащупал мохнатыми руками овечью шкуру, нашел желчный пузырь овцы и кровью из пузыря намазал свой единственный незрячий глаз. Страшную боль почувствовал великан, он стал кричать, метаться, биться о скалу у входа в пещеру. Успокоившись немного, он сказал:

— Опять победило твое счастье, хитрец из рода людей. Если даже ты не убьешь меня теперь, то я все равно умру, не достигну предела жизни одноглазых. Но я хочу, чтобы вы, люди, знали, что и мы, одноглазые, понимаем и делаем добро. Видишь, за абра-камнем лежит запасная веревка из оленьих шкур? Она мне служит для подвешивания котла над очагом — на тот случай, если старая оборвется. Один конец веревки привяжи к себе, другой — к рогам длиннородого козла. Тогда все овцы моей отары пойдут за тобой.

Урызмаг привязал один конец веревки к рогам козла, а другой — к дереву. Дерево начало скрипеть, и великан захохотал громко, стал бить себя в злобной радости по бокам, поросшим шерстью: он решил, что не дерево скрипит, а нарт ноет, плачет, жалобно стонет. Довольный своей хитростью, одноглазый даже запрыгал, забыл, что он слеп, взобрался на вершину горы — и упал, незрячий, в пропасть, разбился насмерть.

О том, как нартский вожак перехитрил одноглазого в его пещере, по-разному рассказывают разные люди, но только наш рассказ — чистая правда. Спору нет, и другие рассказы хороши, но зато наш — без всяких прикрас: что было, о том и рассказали.

Собрались богатыри на свой сход, на Хасу нарто́в. Ели, пили, веселились. Да отчего им было грустить? Земля их благоденствовала, недра земли им открылись, стада приумножились, а одноглазые на них теперь нападали редко, прятались в дальних пределах земного простора. Порой доходили до нарто́в служы, будто одноглазые научились управлять изделием рук человеческих, научились метать стрелы из лука, — да кто знал, правда ли это или пустая болтовня?

Не будь на́рты беспечными, они призадумались бы над этими слу-хами, ибо стократно опасней становится нелюдь, если начинает походить на людей.

Среди на́ртского веселья один Урызмаг был печален. Он сидел, потупив посеребрившуюся голову, молчал. Хотели на́рты спросить его о причине печали, да не решались. Наконец на́рт Кытава́н — а слова о нем еще впереди — не выдержал по молодости лет, осмелился обратиться к вожаку богатырей с вопросом:

— Почему ты печален, наш старый предводитель, почему хмуришься? Что тревожит тебя? Может быть, ты заболел?

Урызмаг поднял голову, оглядел на́ртский сход, сказал:

— Незваная госты́я у меня в доме. Как пришла, так и не уходит. Старость имя моей госты́и. Жена моя, златокудрая Сатаней, молода, как в свои девические годы, а от меня Старость не отходит, хотя пришла без спросу. Глядишь, и другая госты́я, Смерть костлявая, пожалует в мой дом. Но покуда я живой, хочу, как в прежние времена, счастливые и смелые, отправиться в путешествие, снова посмотреть на беспредельный мир, насладиться его светом. А печален я потому, что и странствий жажду, и боюсь встретиться с костлявой Смертью на чужбине, вдали от нарто́в.

Тяжело стало на душе у богатырей от слов их отважного вожака. В грустной задумчивости разошлись они по домам. Направился домой и Урызмаг. У коновязи перед своим домом заприметил Урызмаг всадника. Сперва показалось нарту, что сидит в седле мальчик; но, взглядевшись, он увидел, что всадник — зрелый муж с густыми черными усами. Бешмет его был не на́ртского покроя, — видно, из чинтской земли прибыл чужеземец. Малорослый всадник не поздоровался, как велит обычай, и спросил:

— Принимают в этом доме гостей из чужой земли?
— Принимают гостей-кунаков, — ответил Урызмаг. — Много лет уже в этом доме гостит моя Старость.

— Теперь у тебя буду гостить я. Имя мое — Ногай-Коротыш. Пробуду я у тебя целый год. Не очень обременю я тебя: каждый день буду съедать только по барану, а мой конь — по копне сена.

Спокойно выслушав слова чинтского всадника, Урызмаг повел его в свой дом, повесил в кунацкой его оружие. Утром он приказал зарезать барана. Туша сварилась, положили ее целиком перед гостем. А перед конем гостя поставили копну золотистого сена. И что же? Малорослый Коротыш, худой — в чем только душа держится! — съел всю баранью тушу до костей, а его конь съел всю копну сена до последней травинки.

Так весь год кормил Урызмаг чинта-кунака по барану каждодневно, так и его коня кормил круглый год — каждодневно по копне сена. Понимал Урызмаг, что неспроста гость поселился в его доме, ибо в глазах чужеземца была грозная решимость и великая печаль. Когда год миновал, Урызмаг спросил:

— Хорошо ли ты, кунак, провел год в моем доме?

— Я хотел бы, чтобы ты, когда приедешь к кому-нибудь в гости, провел год не лучше меня, — сказал Ногай-Коротыш.

— Чем же я не угодил тебе? Плохо ли я кормил тебя? Не давал ли, сколько надо, сена коню твоему? Или хозяйка моя, златокудрая Сатаней, встретив тебя случайно на дворе, косо на тебя посмотрела? В чем я провинился перед тобою?

Так с обидой спрашивал Урызмаг. Ответил ему Ногай-Коротыш, и в голосе его тоже была обида:

— Разве я приехал к тебе только для того, чтобы сытно есть каждый день, спать в мягкой постели, смотреть, как жиреет мой конь, любоваться издали красотой твоей златокудрой Сатаней? Я приехал к тебе, храбрый нарт, для того, чтобы вместе с тобой отправиться в путь, поскакать по широкому простору земли, чтобы дурное — истребить, а хорошее — выпрямить.

— Быть по-твоему, кунак, — обрадовался Урызмаг. — Завтра пустимся вдвоем в далекий путь. Я и сам истосковался по странствиям и подвигам.

Утром всадники покинули нартское селение. Кони, как ветер, полетели по уступам гор и равнинным полям. Порою ровень с облака-

ми мчались всадники, и пар из ноздрей их гривастых скакунов вился, превращался в дым, подобный серой мгле горных ущелий. Казалось, что копыта коней рвут землю на куски, казалось, что земля под конями выворачивается наизнанку. Там, где долина сливалась с небом, увидел Урызмаг стойбище, увидел табун коней. Он сказал:

— Давай угоним табун.

— Э, нарт, нехорошее слово ты говоришь, — возразил Ногай. — Кто же угоняет коней у людского стойбища? Так озоруют ничтожества, проходимцы, которые норовят украсть лепешки у наших хозяек, незаметно подкрадываясь к очагу. А мы пустились в путь не для озорства, не для воровства, а для подвига.

— Разве утнать табун — не подвиг? — удивился Урызмаг: он впервые слышал такие необычные слова.

— Только тогда дело человека становится подвигом, когда человек сражается со злом ради добра. А есть ли добро в том, чтобы утнать чужой скот? — спросил, глядя нарту в глаза, его спутник, и снова удивился Урызмаг, не найдя у него слов для ответа.

Поскакали дальше. Оказались всадники на земле неведомой, — никогда раньше не бывал на ней ни один нарт. Были здесь и просторные долины, и густые леса с деревьями в двенадцать обхватов. Увидел Урызмаг стойбище, огороженное высоким железным частоколом. Не пробьешь эту ограду грудью коня, не проползет и змея под ней. За плетнем табунились неисчислимые кони, на железных воротах висел непомерной величины замок. Ногай-Коротыш сказал:

— Перед тобою логово одноглазых. Здесь стерегут своих коней три чудовища, три брата. Смотри, каковы они: тайну железа выведали у людей, научились и из лука стрелять. А нет для людей большей беды, когда враги людей, людоеды, начинают походить на людей и перенимать людские обычаи. Одноглазые владеют необыкновенным жеребцом. Он летит быстрее орла. Умертвишь старшего из чудовищ — оседлает жеребца средний, прискачет на битву. Убьешь среднего — примчится на жеребце младший. А уничтожишь младшего — жеребец с громким ржанием пристанет к своему табуну. Так за дело, нарт! Дело это не озорство, не воровство, а подвиг и правая месть. Открой ворота.

Нет, не сумел могучий вожак нартов открыть железные ворота одноглазых: сил не хватило. Подъехав к воротам, Коротыш ударил

короткой ногой — ворота распахнулись. Оба всадника выгнали табун из загона и поскакали в обратный путь. Ветер, ливень и мрак преследовали их. Коротыш сказал Урызмагу:

— Окажи мне услугу. У меня есть с собой на саван кусок полотна. Если я сегодня попибну в битве, одень меня в белый саван, положи на седло и отпусти коня с мертвой ношей в широкую степь. С детства я скакал по ней, с детства полюбил ее польный запах, — пусть и мертвый качаюсь я в седле, окруженный со всех сторон степью, пока не упаду в милую сердцу ковыльную траву. Не успеешь исполнить мою просьбу, похорони меня там, где я буду убит... Слышишь гул ветра? Это дыхание крылатого жеребца. Слышишь, как шумит ливень? Это пена, летящая с губ жеребца. Видишь мрак? Это единственный глаз старшего из чудовищ: огненный глаз превращается в крошечный мрак, и мрак мчитя, преследуя нас. Если ты победишь чудовище, жеребец унесется быстрее орла назад и доставит сюда среднего великана. Убьешь среднего — по-орлиному взовьется жеребец и возвратится с младшим. Вступи в битву с тремя чудовищами, а я угоню коней.

Ногай-Коротыш погнался табун, а Урызмаг остался посреди дороги для дела битвы. Сильный ветер, подобный буйной рати, налетел, взметнул Урызмага вместе с конем, понес вперед и низверг на землю рядом с Ногаем. Коротыш предложил:

— Поменяемся местами. Ты гони табун, а я, как преграда, встану посреди дороги.

Так и сделали. Урызмаг погнался коней, Ногай-Коротыш остался на дороге. Появился верхом на жеребце одноглазый, старший из братьев-чудовищ. Научились одноглазые скакать верхом, как люди, хотя и без седел, но не каждый конь мог выдержать тяжесть великана, необыкновенным существом лошадиного рода был крылатоногий жеребец! Вступили в поединок противники: огромный, поросший густой шерстью одноглазый великан и маленький приземистый всадник. Зависела стрела, полетела стрела Ногай и попала в единственный глаз чудовища. Старший великан свалился на землю — он был мертв. Жеребец взвился, помчался быстрее орла назад и скоро вернулся со средним одноглазым. Завязалась битва. Коротыш уничтожил и среднего. По-орлиному взвился жеребец, полетел и быстро вернулся с младшим чудовищем. Увидел Ногай: мохнатые руки одноглазого, совсем по-человечьи, натягивают тетиву лука. Стрела Ногай со сви-

стом ринулась навстречу стреле одноглазого. Откуда, однако, у одноглазых стрелы?

Мог бы нам ответить на этот вопрос Ногай, да поздно было отвечать: почувствовал он, что в его живот вонзилась каленая стрела. И понял Ногай, что самое время ему подумать о своей смерти. Он оглянулся: младший одноглазый повернул жеребца назад — видимо, был уверен, что противник не вернется к жизни.

Сила покидала короткое, крепкое тело Ногая. Покидала, да неспешно, не хотелось ей расставаться с таким смельчаком. Ногай натянул лук, пустил стрелу вдогон одноглазому, и стрела насмерть пронзила жеребца. Конь, который летел по-орлиному, теперь лежал, как большой бездыханный камень. Одноглазый в испуге пустился в бегство. А Ногай вытащил из своего живота стрелу, сорвал с себя башлык, обвязал живот и направил коня к угнанному табуну. Когда его конь поравнялся с конем Урызмага, упал Ногай на землю. Сила его ушла, а душа его была в его силе. Отчаянный смельчак навеки закрыл глаза.

Урызмаг исполнил его завет. Он одел кунака в белый саван, привязал мертвого друга к седлу, отпустил коня с безгласной ношей в широкую степь, чтобы качался мертвый Ногай на волнах ковыля, пока не упадет в любимую с детства степную траву. А табун одноглазых погнал Урызмаг в селение нартов.

Как приехал домой, задумался воин с седеющей головою: «Кто же был Ногай-Коротыш, этот чужеземец из чинтской земли, чья сила и храбрость превзошли силу и храбрость вожака нартов?»

Узнала его думу многомудрая Сатаней и сказала мужу:

— Разве ты стар? Ты молод для богатырских подвигов! Отправься снова в путь, помчись по земному простору, узнай правду о своем погибшем кунаке. Но прошу тебя: прежде, чем покинешь селение нартов, посоветуйся с Деветом Златоликим.

Первый нартский кузнец помнил Урызмага еще с той поры, когда вожак богатырей был вожаком мальчуганов, когда его детское сердце обожгла несправедливость и он вступил в битву с козлобородым богом засухи. Девет внимательно выслушал Урызмага и сказал:

— Не знаю, откуда стрелы появились у одноглазых, ведь это я изготовил первые стрелы на земле, изготовил для нартов. Неужели правдивой оказалась молва — и впрямь научились чудовища владеть из-

делием рук человеческих? Послушай, нарт. Новое оружие изготовил я для смелых и зоркоглазых. Называется оно ружьем. Возьми ружье и одолей одноглазого, младшего из братьев-чудовищ.

Урызмаг, получив от кузнеца ружье, испробовал сначала его силу и меткость. Огонь вылетел из дула, и сердце Урызмага дрогнуло на мгновение. «Вот каков огонь, а я и не знал, — подумал он. — Огонь дает нам тепло и свет, огонь сжигает и огонь убивает».

Понравилось богатырю новое оружие. Закинул он ружье через плечо, взял с собой сто корзин пороха, взял, как и прежде, лук и стрелы и помчался уже знакомым ему путем к обиталищу младшего чудовища.

Долго ли, коротко ли скачал Урызмаг — открылась перед его глазами просторная долина. Богатырь поскакал вверх по высохшему, мертвому руслу реки. Солнце закатилось. Урызмаг решил стать на отдых. Не снимая ружья, он разрубил и расколол дерево, сложил дрова. Вдруг донеслось до него тяжелое, прерывистое дыхание. Урызмаг притаился за поленницей. Дыхание приближалось. Появился одноглазый. На низком, мохнатом лбу мерцало его единственное круглое око. Склонив голову набок, одноглазый своей щекой, поросшей старой жесткой шерстью, прижимал к плечу огромное, в двенадцать обхватов, ветвистое дерево. Видно было, что он ослабел, устал. Хрипло и тяжело дыша, одноглазый сбросил дерево наземь, сел на дрова, сложенные Урызмагом, и произнес:

— Ох-ох-ох!

Урызмаг вышел из-за поленницы и спросил:

— Откуда ты меня знаешь? Я и есть Ох-ох-ох. Мое имя всегда вспоминает тот, кому тяжело живется, кто устал, с кем беда стряслась. Это я говорю о людях. Неужели слава обо мне дошла и до вас, одноглазых? Какая же у тебя беда?

В круглом глазу чудовища зажегся гнев, дряблые щеки его затрясись, и оно крикнуло:

— Эй, тварь человеческая, как тебя занесло сюда? Здесь еще ни разу не ступала людская нога. А что у тебя за плечом?

При этих словах одноглазый коснулся рукой ружья. Нарта не устрасило чудовище. Он притворился, будто сам опасается того, что нагнал на одноглазого страх, будто хочет успокоить его.

— Не бойся меня, тварь одноглазого рода. Я тот, чье имя вспоминает обездоленный, я помогу тебе. Вижу, что ты ослабел, устал. А эта

вещь, — и Урызмаг показал на ружье, — именно то, что тебе нужно. С его помощью я, Ох-ох-ох, излечиваю от усталости любое существо. Как только больной, страждущий, слабый вспомнит мое имя и скажет: «Ох-ох-ох!» — я сразу же появлюсь на его пути с этой чудодейственной вещью, приказываю, чтобы она загрохотала. От грохота больной теряет сознание, но ненадолго. Он быстро приходит в себя и становится бодрым, подвижным. Он может прожить тысячу лет, не зная старости. Есть у этого изделия имя, как у живого существа: люди зовут его Отверстым. Говорю тебе, ибо вижу, что ты стар, а заслуживаешь молодости, ты слаб, а достоин могущества. Не стесняйся, не бойся меня. Я прикажу Отверстому загрохотать, и ты станешь молодым, бодрым, сильным.

Одноглазый вздохнул долгим, скрипучим вздохом:

— Давно я живу на земле, неведомой людям, многое видел, о многом слышал, а о такой диковинке узнаю впервые. Состарила меня судьба до срока. Когда-то нас было, в нашей семье, сто одноглазых. Некий Урызмаг и другие человечки уничтожили восемьдесят двух. Мы, оставшиеся в живых восемнадцать сородичей, ушли в дальние пределы земли, — три брата с пятью сыновьями у каждого. Но и у людишек были потери. Мы иссушили, умертвили русло одной из рек, умертвили двух воинов и унесли их, мертвых, вместе с их луками и стрелами. Решили мы научиться метать стрелы, как люди. Но с трудом досталась нам наука битвы, она измучила нас и до срока состарила. Теперь мы на охоту выходим редко, всего боимся, оленье мясо едим не часто, а люди давно перестали быть нашей добычей. Потому-то и ослабели мы. Недавно один коротыш из людского рода убил моих старших братьев, и осталось из всей нашей семьи только шестнадцать — я, да пять моих сыновей, да десять племянников. Но и молодые не лучше меня, устали они, ослабели, на исходе их силы. Если ты вернешь нам здоровье, удлинишь наш век, то мы тебя одарим таким богатством, что ты никогда не будешь знать нужды.

Урызмаг сказал:

— Я, Ох-ох-ох, помогаю каждому, кто вспоминает мое имя, а награды я не требую, богатства одноглазых мне не нужны. Но где же, однако, твои почтенные сыновья и племянники? Если они устали, ослабели, потеряли вкус к жизни, то почему ни разу не произнесли они моего имени, не простонали: «Ох-ох-ох!»? Я бы помог им. Передай сородичам, что я возвращаю живому существу силу и молодость,

но встречи со многими я не терплю, даже твари людского рода приходят ко мне поодиночке. Тогда лишь Отверстое обретает чудодейственную мощь, когда перед ним только одно живое существо.

— Уважаемый Ох-ох-ох! — воскликнул одноглазый. — Воистину ты исцелитель, я это понял сразу. Даже от краткой беседы с тобой почувствовал я себя моложе и здоровее. Так пусть же Отверстое загрохочет и сделает меня молодым и сильным!

Урызмаг пообещал одноглазому:

— Я омоложу тебя, и ты бодро вернешься домой... А далеко ли твой дом?

— До нашего дома отсюда ходьбы один день и одна ночь, — сказал Одноглазый. — А путь к дому — через ущелье, а ущелье — за этой долиной. Здесь, в долине, мы условились встретиться — я, сыновья и племянники. Мое дело — дрова приготовить, костер развести. Их дело — добыть оленьи туши. Будем жарить мясо на вертеле, этому мы у вас, у людей, научились. А потом, насытившись, пойдем все вместе домой. Скоро появятся мои сыновья и племянники, так прикажи Отверстому, чтобы прогрохотало разок, пусть увидят, что я стал сильнее и моложе.

Урызмаг выстрелил. Огонь вылетел из дула ружья. Одноглазый испугался, упал. Потом пришел в себя, смех вырвался из его утробы, показалось одноглазому, что он, одряхлевший до срока, и вправду стал сильнее и моложе, и он радостно сказал об этом Урызмагу. А тот в ответ:

— Одно выстрела мало. Дело это не простое, но если будете вы терпеливы, я непременно омоложу тебя и твоих 'бородичей. Пойду я в ущелье, и там, хорошо подготовившись, поговорю с Отверстым в тишине ущелья, расскажу ему о вас, и оно вернет силу и молодость всем вам, всем шестнадцати, но помни, что ко мне надо вам приходиться по одному. А чтобы веселее было тебе, разведу костер.

Урызмаг выскочил с помощью кресала огонь, развел костер и поскакал по долине. В полдень он достиг ущелья. Он увидел тропу, бегущую неровно вверх, и догадался, что ведет тропа к обиталищу недругов. Урызмаг засел в ущелье и стал поджидать одноглазых. А те явились в условленное место, в долину, к старшему. У каждого на плечах было по убитому оленю. Хоть выглядели эти одноглазые гораздо моложе старшего — его сыновья и племянники, — падали они с ног от

усталости и преждевременной дряхлости. Молодые похвалили старшего:

— Ох и расторопен ты, ловчее нас, молодых! И дрова приготовил, и костер развел!

Старший, как все одноглазые, был падох на лесть. Он обрадовался похвале, как будто забыл, что не он сложил дрова и развел костер, и стал хвастаться:

— Дрова сложить, костер развести — дело легкое. А приготовил я вам нечто такое, что вас осчастливит. Повстречалась мне тварь человеческого рода, и человек оказался не таким, как прочие, — умный он, почти так же умен, как мы, одноглазые. Зовут его Ох-ох-ох. Есть у него чудо-труба с отверстием, есть у той чудо-трубы имя: Отверстое. Если помянете имя человека, если скажете: «Ох-ох-ох!», то он повелит Отверстому загрохотать, и от грохота трубы к вам вернутся сила и могучее здоровье, и вы проживете на свете тысячу лет. А когда окрепнем, снова начнем истреблять людей, но человеку об этом не говорите, пусть он сперва омолодит нас. Идти надо к тому человеку по одному, не терпит Отверстое встречи со многими. Еще и не загрохотала чудо-труба для меня по-настоящему, но поглядите, каким я стал подвижным, сильным — а ведь падал с ног от усталости и множества дряхлых лет!

Показалось сыновьям и племянникам, что и впрямь их старший вроде помолодел, стал сильнее, подвижнее. Решили они, что отправятся к человеку по имени Ох-ох-ох не все вместе, как у них было заведено, а по одному. Сперва послали самого молодого, — девяносто лет насчитывало это густоволосое чудище. Еще и солнце не закатилось, когда младший из одноглазых добрался до Урызмага, поджидавшего его в ущелье. Раздался выстрел, и смерть вылетела из дула Отверстого и уничтожила одноглазого.

Пятнадцать выстрелов прогрехотало в ущелье, пятнадцать нелюдей убил Урызмаг. Шестнадцатым остался старший. Урызмаг вернулся в долину, а тот выбежал ему навстречу, заговорил быстро:

— Почтенный Ох-ох-ох, скорей прикажи Отверстому омолодить меня!

Урызмаг сказал:

— Как обещал, так и сделаю. Пойдем к твоему дому, пусть увидят твои помолодевшие сыновья и племянники, как я и тебя омоложу.

— Пойдем, — восхитился одноглазый.

Урызмаг и старший одноглазый направились к жилищу нелюдей. Шли день, шли ночь и увидели в конце ущелья сверкавшую золотом и серебром пещеру. Одноглазый, торопясь и глотая слова от волнения, сказал:

— Скорей омолоди меня, Ох-ох-ох! Посмотри, какова наша пещера: стены ее снаружи и внутри — из золота, под ногами и над головой — серебро. А войдешь в пещеру — глаза у тебя разбегутся: увидишь неслыханное множество слитков золота и серебра! Возьмешь столько слитков, сколько унести сможешь, — только омолоди меня. И еще будет тебе награда: где мы, одноглазые, тебя ни встретим, — пощадим, не убьем. И прочих человечков мы, став сильными и крепкими, будем щадить, хотя противные они все, если правду сказать, только ты один хороший, на них не похож. Ох-ох-ох, терпения нет у меня ждать больше, верни мне молодость и силу!

— Я верну молодость и силу роду людскому, — сказал Урызмаг и выстрелил. Одноглазый упал, зарылся низким лбом с потухшим единственным оком в землю. А Урызмаг перешагнул через мертвое чудище, вошел в пещеру, набрал столько слитков золота и серебра, сколько уместилось в его переметную суму, и поскакал в обратный путь, и гулко отдавался в безмолвном ущелье топот его коня.

Урызмаг скакал, погруженный в думу. А дума его была о врагах рода человеческого, об одноглазых. Думал он и о своем отважном соотарище, о Ногае-Коротыше. Знал Урызмаг, как погиб Ногай, но не знал, откуда он явился, откуда его сила и храбрость.

Долгой была дорога нарта, и однажды утром он у самой дороги увидел старый дом. Урызмаг спешился, вошел в одинокое жилье. Там сидела старуха. Она была одета, как женщина из племени чинтов. Урызмаг почтительно приветствовал ее:

— Мир тебе. Кто ты, мать? Почему живешь в одиночестве, у самой дороги, вдали от соседей? Не сердись на меня за мои вопросы, не из здешних я мест, издалека прибыл.

Старуха сказала:

— Я была матерью трех сыновей. За их непокорный нрав приказал нам князь поселиться здесь, вдали от людского жилья, вблизи обиталища одноглазых. Житья нам не было от нелюдей. Отвели они от нас воду реки, и умерло, высохло русло. Начали и мы умирать от жажды. Мои сыновья вступили с одноглазыми в битву. Был у чудовищ скакун-жеребец. Он летел быстрее орла. Один за другим уска-

кали на нем от моих сыновей братья-чудовища, усаkali далеко, туда, где табунились кони одноглазых. Сыновья мои пустились вдогон за великанами, но внезапно поднялся буран: это было дыхание жеребца. Зашумел потоп ливень, и то была пена, слетавшая с губ жеребца. Настал затем крошечный мрак, и то был единственный глаз одного из чудовищ: огненный, он умел превращаться в губительный мрак. Растерялись на мгновение мои сыновья, и чудовища напали на них и убили старшего моего и среднего. А третий, младшенький мой, вернулся ко мне израненный, слабый. Небольшого был он роста, но обладал великой душой. Он сказал:

«Братья были сильнее меня, но жажда мести сделает меня сильным. Братья были смелее меня, но ненависть к одноглазым превратит меня в смельчака. Поеду к нартам, есть у них вожак Урызмаг. Одноглазые трепещут перед ним. Окрепну я в его доме, поем нартской пищи, по-может мне Урызмаг одолеть одноглазых».

«Младшенький мой, что ты надумал, ведь нарты — враги чинтов, они угоняют наш скот, они убьют тебя!»

Так я сказала сыну, но такой ответ услышала от Ногай:

«Наши князья нападают на нартов, нарты нападают на нас. Но разве люди должны воевать с людьми? Люди должны воевать с не-людью! Это поймет Урызмаг, и никто не тронет меня в нартском селении, ибо нарты гостеприимны и благородны».

Вот и отправился мой младший, Ногай-Коротыш, просить Урызмага о подмоге, но пропал он без вести. То ли нарты его убили, то ли он сбился с пути и погиб в безлюдном месте, то ли пал в бою с чудовищами. А я живу одна, и со мной только слезы о моих сыновьях...

Урызмаг давно не плакал, с тех пор как из колыбели впервые ступил на землю, а сейчас заплакал. Так и плакали вдвоем: старуха — материнскими слезами, Урызмаг — богатырскими слезами. Вытер слезы Урызмаг и сказал:

— Мать, а ведь Урызмаг-то — я. Вместе с твоим младшим сыном совершил я набег на одноглазых, погиб Ногай в бою, но в моем сердце загорелась отвага Ногай, и ненависть его загорелась в моем сердце, и правый пнев Ногай вспыхнул во мне. Помог я твоему сыну, и мы вдвоем уничтожили братьев-чудовищ.

Старуха посмотрела на Урызмага заплаканными глазами, и такими были ее слова:

— Уже не ждала я своего сына, а дождалась тебя. Ты вошел в мой дом, и мне показалось, будто все три мои сына, живые и здоровые, вернулись ко мне.

Урызмаг дал несчастной женщине из чинтского племени все золотые и серебряные слитки, которые он взял в пещере одноглазых, и сказал ей:

— Я — твой сын, ты мне мать, поедem в селение нартoв.

И они поехали, сын и мать, в селение нартoв. И старуха из племени чинтoв с тех пoр не знала oдиoчeствa, и нарты свято хранили пaмять o ee сыновьях.

КАК РОДИЛАСЬ ПЕСНЯ О НАРТАХ

Те, для кого повествуется наша повесть, наверно, давно хотят спросить у нас: как мы узнали о нартах? Откуда нам известно, что у Солнца и Луны родилась дочь Сатаней? Как дошло до нас, что умела Сатаней превращаться в лисицу, создавать волшебное звездное небо? И вправду ли никогда не старилась златокудрая Сатаней? И не выдумка ли, что Урызмаг поднялся на небо в воздушном бурдюке и на заоблачной тверди уничтожил свирепого, красноликого бога засухи? И не вымышлена ли порода одноглазых, этих нелюдей, глупых и злобных врагов рода человеческого?

Ничего мы не выдумали, ничего не вымыслили. Все, о чем повествуем, — сущая правда, все было на самом деле, только очень давно, в те времена, которые длились до наших времен. Повесть наша пересказывает песню, а песня для того и родилась, чтобы прошедшее ожило и стало нынешним. Мы знаем не только о подвигах нартoв, об их нравах и обычаях — нам хорошо известно и о том, как у нартoв родилась песня.

Расскажем все по порядку.

Был в нартском селении молодой богатырь по имени Кытаван. Был он метким стрелком, удачливым охотником, выносливым пастухом. Но разве другие нарты были менее удачливы на охоте, или не так легко стреляли из лука, или не так бережно пасли стадо? Почему же мы завели речь о Кытаване? Откуда его слава и когда она засверкала? А тогда засверкала, зашумела его слава, когда Кытаван запел. Да, да,

Кятаван был первым человеком, запевшим песню. Вот как это случилось.

Кятаван охотился в горах. Он забрел в глухие места. Полно было там разнообразной дичи. Когда Кятаван натягивал тетиву богатырского лука, подкралась к нему в густой траве зеленоцветная змея и ужалила в ногу. Нестерпимая боль пронзила нарта до самого сердца. Чуть живой, с трудом он дополз до берега реки, до того места, где росло широкоствольное дерево.

Кятаван прижался к дереву всем своим горячим, недужным телом. Но так как его тело, даже страдая от боли, обладало нартской мощью, то дерево свалилось под его тяжестью в реку и понесло охотника вниз по бурной горной воде. Распухшая нога Кятавана погрузилась в холодную реку. Кятаван, прильнув к стволу дерева, плыл и плыл по течению. Вот уже его дом показался на высоком берегу, и, ослабев от боли, Кятаван позвал на помощь. Но необычно звучал его голос. Кятаван и сам толком не понимал, что произошло, только чувствовал, что не слова из его уст вылетают, а звуки, напоминающие говор Форной реки, что у звуков этих есть некая мера, что похожи они друг на друга, как волны реки, но не повторяют, однако, друг друга, а сходство их таково, каково сходство между листьями одного дерева. Еще не знал Кятаван, что звуки составят песню.

В теле нарта была боль, ибо его ужалила змея, в сердце его была надежда, ибо он увидел на берегу свой дом, а песня рождается от боли и надежды, и Кятаван, хотя не знал этого, запел, и звуки были такими:

— Рарі́ра, ра́йда, ра́ша! Рарі́ра, ра́йда, ра́ша!

Многомудрая Сатаней полоскала в это время в реке белье. Она увидела человека, плывущего по реке, услышала его голос и сказала соседям-нартам, ибо Урызмаг был в это время в походе:

— Кто-то плывет по реке и стонет, стонет странным, мерным стоном. Смысла нет в этом стоне, но ясно, что несчастный стонет, потому что тонет. Спасите его!

Нарты быстро побежали к реке. Они думали о том, как спасти утопающего, но вместе с этой думой в их сердце загорелась удивительная мысль: как складно сказала Сатаней: «Несчастный стонет, потому что тонет!»

Нарты бросились в реку, подплыли к Кятавану. Нога его страшно распухла. Вытащили богатыри своего сотоварища из воды, понесли

его в селение, к многомудрой Сатаней. Встали они в ее доме вдоль стены, а Сатаней принялась дуть на распухшую ногу. Стало Кытавану легче, боль постепенно утихла, но ослабел охотник, еще не совсем вернулось к нему сознание, и он тихо повторял те звуки, которые напевал, когда его уносило бурное течение горной реки:

— Рарира, райда, раша! Рарира, райда, раша!

Нарты, собравшиеся в доме Сатаней, как бы радостно подчиняясь неведомой, непонятной, но доброй силе, начали вполголоса подпевать Кытавану, — они пели, еще не зная, что такое песня. То ли думали они, что мерные звуки приносят больному облегчение, то ли полагали, что напев может развеять тоску.

Конечно, они и раньше слышали, как поют птицы, но в диковинку им было, что и они, стрелки, охотники и пастухи, запели, как птички в лесу.

Вторили нарты Кытавану:

— Рарира, райда, раша! Рарира, райда, раша!

Хорошие были это звуки, согласно и мерно лились они и прогнали недуг Кытавана. Выздоровел он, окрепло его тело, но не окрепла душа. Печалилась душа нарта, потерял он покой. Раньше думал он только о том, как совершить смелый набег и вернуться домой с богатой добычей, как устроить облаву на зверя, как угнать у врага табун одномастных коней, как уберечь стадо от волков, а теперь он днем и ночью растил в сердце иную думу. «Птицы, — рассуждал он, — свистят, чирикают, цокают, щелкают, потому что не умеют говорить *почеловечески. Но я не птица, я нарт, и надо, чтобы мои мерные звуки обрели смысл, ясный мне и всем людям, надо, чтобы напев стал песней».

Охваченный этой властной думой, повел он однажды в горы отару овец. Полдневная жара истомила пастуха, прилег Кытаван на прохладный камень, и сморил его зной. Овцы рассыпались по широкому поемному лугу. О чем-то пела горная река среди тростниковых зарослей, и, наверное, был смысл в ее песне, понятный другим водам. Овцы стали ломать тростник, ломать и есть. Почудилось пастуху, что кто-то сказал ему:

«Эгей, Кытаван, ты спишь, а овцы твои в это время едят то, чем ты себя обессмертишь!»

Кытаван в сильном смятении приподнялся на камне, увидел: овцы съели почти весь тростник, остался от зарослей один только стебель.

Кятаван срезал стебель пастушьим ножом. А что делать дальше? Кятаван стоял, озираясь, как бы ища и прося помощи. Внезапно одна из овец схватила зубами стебель тростника. Кятаван дернул рукой, чтобы овца не съела и этот, последний стебель. Стебель сломался, и был на нем отпечаток зубов овцы, а конец стебля оказался сдавленным. Подул в тростник ветерок, и чудесные звуки полились мерно, согласнo, сладко. Пораженный Кятаван, побуждаемый все той же непонятной силой, надрезал стебель тростника с обеих сторон, и тростник стал дудкой, свирелью. Дунул Кятаван в дудку, запел. Ему казалось, что он поет о нартах, о Кавказских горах, о бурных реках, о зеленых пастбищах, о цветах, о девушках, — но так ему только казалось. Впервые на земле зазвенел человеческий напев, и уже была в том напеве мера, но еще не было слова. Кятаван понял, что велика сила свирели. Понял нарт, что недостаточно человеку, чтобы победить, обладать мечом. Недостаточно ему и ружья, ибо меч и стрелы, ружье и другие доспехи брани помогают победить на просторе поля битвы, а не на просторе Времени. Тогда лишь побеждает человек, когда правда одного становится правдой всех, и настоящая победа его — на просторе Времени. А чтобы правда одного стала правдой всех и на все времена, нужны правде свирель и речь, ибо музыка и слово, слившись, становятся песней, а песня связывает потомков с предками, будущее с прошедшим, одного со всеми.

Когда Кятаван подул в дудку, стало тепло травам и лозам, почки полопались на ветвях деревьев, по высохшим руслам рек побежала вода, прохлада развеяла жару, нивы зазеленели сочнее, луга запестрели ярче.

«Рарира, райда, раша!» — доверял Кятаван своей дудке знакомые звуки. И снова он услышал голос в собственном сердце:

«Песня — источник людской мудрости, а мудрость есть память былого, трепет настоящего и постижение будущего. Поэтому нельзя петь звуки, лишенные смысла. Только тот вправе спеть песню, кто каждый звук ее наполнит мыслью. Слова песни должны следовать в лад звукам напева, в них тоже должна быть мера. И тогда-то звук найдет в другом звуке отзвук, и этот отзвук называется рифмой. Бойся изобретать рифму без смысла и цели, — тогда твоя песня станет источником глупости, а это означает, что она уже будет не песней, а скоплением бессмысленных звуков. Но если в звуке есть мысль, то усиливается мысль и в отзвуке. Подумай сам: один в поле не воин.

Чтобы защитить свою страну от врагов, нужно идти в битву сообща. Значит, там, где содружество, там и мужество. Теперь ты видишь, что в рифме, в звуке и отзвуке, должен быть смысл. А чего хотят недруги нартвов? Хотят они разрушить дома нартвов, погасить огонь в очагах. Значит, там, где пламя очага, там нужна защита от врага. Ни один звук песни не должен быть пустым, без смысла, ни один отзвук не должен быть лишним, без надобности. Пусть знают дети Кавказских гор, что боролись их предки со злом ради добра, с ложью ради правды, проливали нартвы свою кровь ради любви. Так пусть всегда на слово «кровь» слышится отзвук — «любовь», пусть навеки сочetaются в песне древний сказ и вольный Кавказ!»

Теперь вы, для которых повествуется наша повесть, узнали, как появилась у нартвов свирель, как родился первый напев, как в лад напеву последовали слова и стали песней. Кытаван поведал играя на свирели и сказывая в лад своей пастушьей дудке певучий сказ, о подвигах нартвов. То, что ели на поемном лугу овцы пастуха, обессмертило его, и это был тростник. Если бы у нартвов было только оружие битвы, то их победа кончилась бы на безвестном поле боя, в безвестном ущелье или в безымянной долине. Благодаря свирели и речи, благодаря музыке и слову правда нартвов победила на просторе Времени, ибо музыка и слово стали песней, и песня переходила из рода в род, из поколения в поколение, и дошла до нас, чтобы научить нас помнить о былом, чувствовать трепет настоящего и разуметь будущее.

ДЕВЕТ ЗЛАТОЛИКИЙ

Вы узнали от нас, как родилась на земле первая песня, и наступила, значит, самая пора сообщить вам, как появился на земле первый нарт. О нем, о первом нарте, о кузнеце Девете Златоликом, и сложил свою первую песню Кытаван, спел ее на Хасе нартвов, и песня обессмертила имя певца.

Однажды, сказывал нартский певец, проснулся Тха, глава богов. Из уст его вылетело дыхание и превратилось в небесный свод. Захотелось могучему Тха выкурить трубку, высек он кресалом искры, и превратились они в звезды. Затянулся Тха разок-другой, поплыл из трубки дым и превратился в облака. Тогда глава богов подумал:

«Есть небо, есть звезды и облака, но где же всему основа, всему начало?» И увидел он планету, которая светилась ярче всех звезд, и он ее назвал Землей. Она-то и стала всему основой, всему началом.

Из хрящей своих создал Тха высокие горы, из волос — деревья и травы. И так стало у него хорошо на душе, что он заплакал счастливыми слезами, солеными и сладкими, и от соленых слез счастья произошли моря, а от сладких слез — реки.

Внезапно услышал Тха в первозданных садах переливчатое пение. Это пели птицы. Удивился Тха:

— Кто создал пернатых? Я или не я дал им очарование голоса и восторг полета?

Сомнение закралось в душу главы богов, и тогда он услышал протяжный рык. Оказалось, что в первосотворенных лесах рыщут разнообразные звери. Но кто сотворил зверей? Тха не знал этого, и мы об этом никогда не узнаем, но в нашем сердце есть пытливость и нет обиды, а в сердце бога Тха закралась злость, и желчь его пролилась на землю, и родились из этой желчи рогатые бесы и одноглазые чудовища-великаны. Они помышляли только о зле, ибо породила их злость главы богов. Увидев их, сильно оторчился Тха, и в его разум проникло страдание, и это страдание одарило его высшим понятием. Уразумел Тха, что только существа людского рода способны одолеть зло. Когда Тха понял это, он обратился с великой просьбой к самой Жизни:

— Сотвори людей для блага земли.

И Жизнь, которая превыше всех богов, вняла просьбе Тха, и появились на земле люди.

Вначале обиталищами людей были пещеры. Корыто делалось тогда из камня, сито — из дерева. Именно в это время, не раньше и не позднее, бог огня стал супругом богини земли. Земля зачала и через девять лет и девять дней родила мальчика. Богиня земли назвала его Деветом Златоликим, потому что как золото сияло личико ребенка. А богиня воды искупала его рано утром в реке, напоила его чистой родниковой водой и стала воспитывать мальчика. Она не только давала ему питье и пищу — она его научила языку воды. А богиня земли научила его языку камня, а бог огня — языку пламени.

Тело Девета было из железа, кровь — из огня, и ярко полыхало пламя в его груди. Однажды он взобрался на вершину горы и повел беседу с камнями. Обрадовались камни тому, что человек свободно

разговаривает на их языке, и открыли Девету, что в них таятся сокровища, которые сделают человека сильным: железная руда и уголь.

Так Девет проник в существо камня. Он первый на земле расплавил железо, точно густую смолу. Предок молотобойцев, он сперва так справлялся с кузнечной работой: наковальней служил ему валун, горном — утренняя заря, мехами — шкуры лани, а молотом — собственный кулак. Гольями руками он мял, словно глину, раскаленное железо.

Пошел Девет к роднику. Там, где лежали дубовые обрубок и чурка, опустил он обожженные, натруженные руки в прохладную воду и обратился к своей воспитательнице, к богине воды, с мольбой на языке озер и рек:

— Научи меня, как быть дальше. Сил моих больше нет доставать из огня железо голыми руками. Надоумь, помоги!

Богиня воды ответила кузнецу на своем нежно журчащем языке:

— Посмотри на дубовую чурку, что валяется на берегу родника. Разве не похожа она на наковальню? Посмотри на дубовый обрубок: разве не напоминает он кузнечный молот?

Девет вернулся в кузню и, глядя на чурку и обрубок, сковал из железа молот и наковальню. Сподручней стало ему работать, но понимал он, что нужно ему и то, чем достают железо из огня, но как это сделать? Снова спустился кузнец к роднику. Он увидел, что на тропинке лежат крест-накрест две змеи. Девет пригвоздил острой палкой две скрестившиеся змеиные шеи. Смотрит кузнец: от нестерпимой боли то смыкаются, то снова расходятся головки змей, то смыкаются, то снова расходятся хвосты змей, но сами-то змеи скреплены острой палкой. «Вот оно, чем достают железо из огня! Вот они, клещи!» Так подумал первый нартский кузнец и вернулся в кузню.

Девет положил крест-накрест две железные полосы, накрепко их соединил, два конца сомкнул и сплющил, как две змеиные головки, два других конца спрямил и облизил, как два змеиных хвоста. Так появились первые в мире клещи. Теперь все орудия кузнечного ремесла были у пращура молотобойцев!

Тут мы должны ненадолго прервать наш рассказ, чтобы объяснить тем, которые слушают нас, почему Девет и его соседи-горцы стали называться нартами.

В ту пору, когда вершина Эльбруса еще не была двуглавой, собирались на ней каждый год глава богов Тха, бог лесов и охоты, бог животных, бог птиц, бог плодородия и бог ремесел. Они собирались и пили сано — чудную воду богов, брызжущую волшебной пеной. Сано окрыляло разум и умножало отвагу. Санопитием называлось это собрание на вершине Эльбруса. Однажды сказал Тха:

— Позовем на санопитие Девета. Он, правда, не бог, он всего лишь человек, но в кузнечном ремесле своем Девет — вы скоро в этом убедитесь — превзойдет даже бога ремесел. Он достоин быть нашим гостем.

Боги согласились, пригласили Девета на санопитие. Девет взмошел на вершину Эльбруса и низко поклонился собранию небожителей. Бог плодородия преподнес ему чашу и сказал:

— Отведай, человек, божественного сано.

Девет осушил чашу до дна, и сладкий, острый холодок пробежал по его жилам, и кровь его забурилась отважно, и еще более прекрасным показался Девету беспредельный мир.

— Что, вкусна вода богов? — ласково спросил его бог плодородия, а потом приказал: — Ступай на землю и Расскажи людям, каково наше сано.

— Откуда у вас, почтенные боги, этот чудесный напиток? — спросил Девет, и ответил ему Тха:

— Здесь, на Эльбрусе, бежит, пенится широкий, сладостный ключ. Его вода и есть наше сано. Чтобы ключ не иссяк, чтобы не лилась вода на землю, преградили мы некогда путь воде огромной, необъятной скалой, и теперь даже мы, боги, не в силах сдвинуть скалу с места; только по собственной воле может скала дать ключу дорогу вниз. Если вода дарует богам отраду, то людям она подарит богатырскую силу, и люди, утолив жажду этой водой, обретут другую жажду — жажду подвигов, и тогда они станут нартами, богатырями.

Девет подошел к необъятной скале. О ее могучее каменное тело бился многопенный, сладостный ключ. Вода текла, а железо отделялось от нее, оседало и зеленоцветной ржавчиной покрывало подножие скалы. Девет прикоснулся губами к скале и сказал ей на языке камня:

— Прошу тебя, мать-скала, сдвинься с места, дай чудному ключу пролиться с горы вниз, к людям.

Скала тысячи лет простояла в одиночестве, ни одно существо че-

ловческого рода не разговаривало с ней на ее языке. Услышав родную речь, скала возжелала сделать добро человеку. Медленно и тяжело стала она отодвигаться от потока, и чудный ключ, почуяв свободу, пенясь и сверкая, побежал вниз, к людям.

Боги, увидев это, сначала рассердились, вознегодовали, но Тха их успокоил:

— Пусть будет так, как сделал Девет. Пусть он и его соседи-горцы станут нартами, богатырями, пусть они пьют божественное сано, а сано пусть отныне зовется нартсано, богатырской водой. А сам Девет пусть никогда не слабеет, даже в старости.

Девет поблагодарил собрание богов, спустился вниз, в горскую кузню. Соседи сказали ему:

— Пока ты был на вершине горы, пришла к нам в селение радость. Сверху пролилась чудная вода, брызжащая острой и сладкой пеной. Пьешь эту воду — и отвага разливается по жилам, зовет к подвигам.

— Для подвигов нужно оружие, — сказал Девет и стал в своей кузне ковать кольчуги и шлемы, стрелы и мечи. Оружие изготавливал он на склоне Кавказа, а закалял на юге, в Черном море.

От кузнечного ремесла стала расти человеческая сила. Надев кольчугу, даже робкий превращался в храбреца. Стреле подчинилась безграничная даль, мечу — горные склоны. Люди обрели невиданную мощь.

Однажды кузнец, который, как нам известно, хорошо понимал говор воды, речь камня, язык пламени, услышал слово богини земли:

— Не только железная руда и уголь — мои дары людям. Есть у меня еще один дар. Я могу накормить людей тем, что они в земле посеют. Скажи соседям, чтобы посеяли семена проса.

Люди, по совету кузнеца, посеяли просо. Пспело просо на поле, но чем убрать урожай? Устроили сходку. Судят и рядят старики, шумят, спорят молодые, а загадку не разгадают: чем убрать урожай? Молчал на сходке первый кузнец: не знал и он, какое нужно орудие, чтобы убрать урожай проса.

Девет, опечаленный, покинул на закате сходку, вернулся в кузню, высек огонь из кресала, закурил трубку и произнес вслух:

— Чем же убрать урожай? — Сам не заметил он того, что свой вопрос кузнец задал на языке пламени, и пламя ответило ему:

— День гаснет, сейчас закатится, взойдет на небе тоненькая молодая луна. Внимательно приглядишься к ней, — не круглая она и не прямая.

И когда, пробивая облака, взойдет на небе полумесяц, понял Девет: чтобы убрать урожай проса, нужно изготовить серп — орудие, похожее на полумесяц, только нужно приладить к нему ручку! И Девет выковал серп, и люди сжали просо первым на свете серпом.

Тогда-то горские люди стали богатырями, стали нартами. Не умолкала с тех пор слава о Девете, о его искусстве, ибо он, пращур кузнецов, первый на земле проник в тайну железа, понял естество камня, познал силу огня и воды, выковал оружие для воина и серп для земледельца. Девета прозвали Отцом нартвов задолго до того, как он женился и родились у него дети.

А женился Девет Златоликий так.

В одной семье было сто братьев и одна сестра. Сестру при рождении называли Гундой, но соседи обычно ее величали Гундой Прекрасной, ибо она была неописуемо красива. Братья сильно любили свою сестру. И то сказать: их было сто, а сестра у них — одна! Ничего не жалели братья для Гунды Прекрасной. Чтобы земная пыль не коснулась ее ног, поместили братья свою Гунду в башню, а чтобы всем видна была неописуемая красота девушки, чтобы радовала эта красота людские сердца, соорудили братья башню из прозрачного хрусталя.

Еда, которую доставляли Гунде в хрустальную башню, состояла только из костного мозга дичи: ничем иным не кормили братья красавицу сестру, ибо такова эта пища, — чем больше ест ее женщина, тем становится стройнее и красивей.

И воистину красива была Гунда! Тело ее было как свежий сыр, белое и нежное, и сияло оно как зеркало. К Гунде сватались юноши со всех концов земли, не раз в ее честь устраивались игры-соревнования, джигиты спорили между собой в силе и ловкости, в борьбе, в прыжках, в пляске, в метании копья. Чтобы заслужить благосклонность Гунды Прекрасной, охотники и стрелки отправлялись в дальние трудные походы, совершали неслыханные подвиги. Самый богатый из чинтских князей, владевший неисчислимыми стадами, просил Гунду стать его женой, но получил отказ. Невестки говорили о Гунде: «Она так разборчива, так привередлива, что ищет волосок в яичном желтке».

Жены ста братьев завидовали красоте Гунды, завидовали тому, что их мужья нежно и преданно любят свою единственную сестру.

Однажды, когда сто братьев поехали на охоту, сто завистниц приготовили всякие великолепные яства, зажарили и куриное мясо, и медвежье, и телячье, и оленье, а из свежего сыра и проса сварили вкусное кушанье — тянучку. Одна из невесток, жена старшего из ста братьев, поднялась к Гунде и сказала сладким голосом:

— Милая Гунда, не скучно ли тебе в хрустальной башне? Не надоела ли тебе еда из костного мозга дичи? Ты сидишь одна-одинешенька, а у нас внизу весело, мы сварили множество разнообразных, отменных, вкусных кушаний! Сойди к нам, посиди с нами, зеркальце наше ясное!

Не хотелось Гунде нарушать запрет братьев, не хотелось ей спуститься на землю, но и невесток огорчить она не решилась, и поддавалась она ласковым и льстивым уговорам, сошла со своей хрустальной башни на землю. Увидела Гунда стол, уставленный всевозможными яствами, и ахнула от удивления. Она ведь, кроме костного мозга дичи, ничего никогда не ела, не пробовала. А тут и телятина, и медвежатина, и оленина, и курятина, и вкусная тянучка из проса и сыра. Старшая невестка сказала умильным голосом:

— Отведай, милая сестрица, из моих рук этот кусочек сыра в просяной муке.

Завидующие глаза девяноста девяти невесток смотрят, ждут: что будет дальше? Ведь старшая невестка положила в кусок тянучки золотое кольцо. Надо сказать, что другие невестки ее сначала отговаривали: к чему, мол, так жестоко поступать с Гундой, не лучше ли, пока мужья не вернутся с охоты, кормить ее каждый день жирными, сытными кушаньями, чтобы она, привыкшая есть только костный мозг, утратила стройность и красоту. Но старшая невестка была злее прочих, она сказала:

— Жирная пища отнимет у Гунды только ее красоту, а золотое кольцо лишит ее жизни!

Доверчивая Гунда, не подозревая жестокого умысла, проглотила кусок сыра в просяной муке — и поперхнулась, закашлялась. Лицо ее, которое всегда сияло как зеркало, посинело. Она упала замертво на землю, на которую братья запрещали ей ступать ногой. Завистницы-невестки унесли бездыханную Гунду в лес и бросили в волчью

яму. По лесной тропинке, одна за другой, вернулись они к себе, в дом ста братьев.

Завистники не заметили, что неподалеку сидел на широком пне Девет. Он вышел в лес, чтобы подышать его свежестью, отдохнуть от жаркой работы в кузне. Девет увидел: сто женщин бросили нечто в волюю яму и удалились быстро, как совершившие дурное. Кузнец ринулся к яме, прыгнул и вытащил девушку на поверхность земли. Он держал ее, бездыханную, на руках и, очарованный, смотрел на нее. Так прекрасна была Гунда, что кузнец, чистый сердцем, смутился и от смущения стал неловким, уронил Гунду на траву. Гунда открыла глаза и закашлялась, и выпало из ее рта золотое кольцо. Дыхание вернулось к ней, снова засверкало ее лицо как зеркало, и тихим, дрожащим голосом она сказала Девету:

— Кузнец, ты дал новую жизнь железу, ты вернул жизнь и мне, сестре ста братьев. Если хочешь, стань мне сто первым братом, если пожелаешь, стань мне единственным моим, стань мне мужем.

Девет повел Гунду Прекрасную к дому ста братьев. Те только что вернулись с охоты, и страшное горе охватило их, когда они увидели, что хрустальная башня пуста, что нет их любимой сестры. Девет Златоликий обрадовал их, — он привел из лесу Гунду, живую и невредимую! Кузнец поклонился ста братьям и сказал:

— Жены у вас плохие, и это ваша забота, а сестра у вас хорошая, и пусть она будет отныне моей заботой. Жен своих оставьте себе, а сестру отдайте мне. Будет она моей женой, но не скрою от вас, что не хрустальная башня станет ее домом, а горская кузня.

Для ста братьев было высокой честью породниться с первым нартским кузнецом. И Гунда Прекрасная стала женой Девета Златоликого и народила ему девятнадцать сыновей.

КАК БРАТ НЕЧАЯННО УБИЛ БРАТА

Мы рассказали о первом нартском кузнеце, и это был рассказ радостный. А теперь поведем рассказ печальный, рассказ о первом человеческом горе, о том, как впервые брат поднял руку на брата. Поднял-то он руку без злого умысла, не желая убийства, но кровь была пролита, — первая кровь человека, пролитая человеком.

Девятнадцать сыновей родила Гунда, жена Девета, а сколько подарила мужу дочерей, неизвестно, ибо не в обычае было у нарттов вести счет дочерям. Когда нарт вступал в пору зрелости, ему, двадцатилетнему, брили голову, а потом вручали коня и оружие, а потом справляли свадьбу, но не самого джигита женили, а его младшего брата, следовавшего за ним по возрасту. Таков был порядок, и потому позднее всех сыновей Девета женился его первенец Алавган, унаследовавший от отца кузнечное ремесло. А женился Алавган на красавице Дадух, на госпоже белой крепости, на той самой женщине чинтского рода, которую спас от одноглазого Урызмаг и привез в селение нарттов на ослице, и уже забыли нарти, что это животное было некогда одноглазым чудовищем, забыла и ослица прежнюю жизнь и привыкла ко двору кузнеца.

А в доме Девета всегда было весело, ибо все его девятнадцать сыновей, начиная, как велит обычай, от самого младшего, привели жен в отцовский дом, и множество Деветовых внуков бегало, резвилось возле горской кузни.

Второго сына кузнеца звали Гу. Он был пастухом, старательно пас овечье стадо. А третий сын Девета, по имени Чех, был славным охотником и звероловом. Он изучил повадки зверей и птиц, был удачлив и всегда кормил старого отца свежей дичиной.

Сыновья Девета и их жены жили в согласии, в дружбе, но крепче всех дружили между собою погодки — Гу и Чех. Обличьем они были так похожи друг на друга, что сама мать-земля не могла их различить, пока не приняла одного из них до времени в свои вечные, мягкие объятия. Да, сходны были обличия двух братьев, но нравом они были разные: Гу был молчалив, а Чех — боек, насмешлив, остер на язык.

Однажды, когда зажегся семейный очаг в доме первого нартского кузнеца, стал добродушно посмеиваться Чех над братом-пастухом:

— Только зверолов и охотник может считаться истинным мужчиной. И тебе, дорогой братец, надо бы заняться настоящим мужским делом — охотой. А то проводишь ты свои молодые дни на пастбище, единственные твои собеседники — баран и овца. Ухом ты неловишь рычание зверя, глазом не ищешь добычу, — ослабели у тебя слух и зрение. Дождешься того, что не заметишь, не услышишь, как украдут лучших твоих ягнят, и люди осудят тебя, скажут, что Гу — негодный пастух.

Гу не обиделся на слова брата, ибо знал, что в обычае горца — беззлобная шутка, что брат любит его. И так ответил второй сын Девета третьему, ответил спокойно, неторопливо, как принято у пастухов:

— Ты прав, Чех, велика твоя охотничья сила. Зорким соколом, быстроногим волком величают тебя нарты, и я тобой горжусь, мой брат. Как могу я, слабый да робкий, сравняться с тобою в меткости, в зоркости? А что до твоих слов, будто украдут у меня лучших ягнят, то сам посуди, откуда на высокотгорном пастбище взяться вору? Кто осмелится украсть скот у нартов? На лугах зимой и летом — тишина, ночью мои собеседницы — звезды, днем — трава, кругом одни скалы да высокие деревья, да изгороди для загона скота, да овцы и бараны, а возле стада собака да я!

Рассмеялись прочие сыновья Девета, понравились им слова пастуха, в них тоже слышалась им добрая насмешка над братом-охотником. Все легли спать: восемнадцать братьев — вокруг очага, а Гу пошел на пастбище, прилег на траву, укрылся буркой.

Настала темная ночь. Чех-острослов встал с постели, оделся, вышел из дому, поднялся на высокотгорное пастбище и осторожно, как змея, подкрался к стаду.

Что он задумал, меткий стрелок и охотник?

Вот он ползет, как змея, стебелька не сдвинет, веточки не заденет, а сам думает, беззвучно смеясь: «Ох и потешусь я завтра утром над братом! Где ты был, неусыпный страж, — спрошу у него, — когда украли у тебя баранов? А кто украл — не знаешь? Эх ты, беспечный пастух, не приметил вора! А говорил, что нет воров на пастбище нартов!»

Но Гу не спал. Он лежал у погасшего костра, напрягая слух. Знал он, что горцы любят шутку, а Чех, острослов и насмешник, ради веселой шутки и ночь за ночь не сочтет. Пастуху почудился шорох. Трава дрожит? Деревья шумят? Молчалив был Гу, не боек и на язык не остер, но умен, смекалист. «Нет, — говорил он себе, — то не деревья шумят, не трава дрожит, то мой братец Чех ползет к отаре, чтобы потешиться, посмеяться надо мной. Но я сам подшучу над ним: и его напугаю, и себя позабавлю».

Так подумав, Гу крикнул. В те времена у мужчины было три крика: охотничий, военный и пастуший. От пастушьего крика скалы рассыпались, как песок, и песок полетел в пропасть ночи. Гу натянул

свой лук — а чем бы нарт ни занимался, не было нарта без лука — и пустил стрелу, пустил во мрак ночи, пустил не целясь, пустил забавы ради. Показалось, что буря загудела в кустах, окутанных тьмою, и протяжный стон ответил загудевшей стреле, ответил из-за изгороди для загона скота. Стрела устремилась без прицела, но, безрассудная, пронзила цель: она впиалась в сердце Чеха, она убила его. Светло-алая кровь, кипя, вылилась из сердца. Гу, в смятении, уже предчувствуя горе, бросился к брату, но только тело брата нашел он во тьме ночи.

Пастух, дрожа от ужаса, потрясенный тем, что совершил, обнял это холодеющее тело, такое близкое ему. Хотелось несчастному Гу заплакать, но таковы были сыновья Девета Златоликого и Гунды Прекрасной: бог печали не дал им слез, не дал им жалобных слов, чтобы горевать об утрате. Гу, предок всех страдальцев, прашур горемык, плакал безмолвно, бесслезно: рыдала его душа, рыдала первым страшным рыданием, а уста его оделись немотой, а глаза были сухими. Он приник широкой грудью своей к безгласному телу, и окрасилась его грудь светло-алой кровью убитого брата.

Посмотри, нелепая судьба, что ты натворила: добрый пастух Гу стал братоубийцей, тот самый Гу, который так любил своего брата-охотника! Посмотри, нелепая судьба: если Гу сейчас не заплачет, то грудь его разорвется. Почему же бог печали не дал ему силу рыдания? Если не закричит Гу, то его сердце не выдержит горя, перестанет биться. Почему же, кроме крика охотничьего, крика военного, крика пастушьего, не было тогда у мужчины крика отчаяния? Да и кто услышал бы крик несчастного? Ночь, темная ночь овладела вселенной! Спит все живое, спит все недвижимое, спит бестревожным сном, спит и не знает, что брат убил брата!

Бог печали пожалел несчастного Гу: он превратил нартского пастуха в красногрудую чайку, ибо кровь брата была залита грудь неповинного братоубийцы. И дал бог печали красногрудой чайке силу рыдания.

С тех пор над Черным морем, у берегов Кавказа, реет чайка и рыдает об убитом брате, рыдает и просит у мира прощения и жалости.

Не раз люди спрашивали у гор, у рек и морей: «Как возникло зло среди нартвов? Как проникли в их невинные, чистые сердца зависть, измена, обман?» Отвечали вопрошавшим людям камни гор и воды рек

и морей: «Нам довольно наших собственных тайн, а чужой тайны мы знать не хотим!»

То, что утаили от людей горы, моря и реки, вы узнали теперь от нас, ибо песня рождена для того, чтобы высказать слово, а не таить его. Вот правда: тогда проникло в души нарттов зло, когда брат впервые, хотя и нечаянно, поднял руку на брата, когда дети пастуха Гу стали враждовать с детьми зверолова Чеха. Друг подозревал в недобром друга, а от подозрения рождаются злость и измена. После нечаянного братоубийства появились в роду богатырей нарттов двоедушные, жестокосердные, злоязычные. Их было мало, всего пятеро, но немало горя они причинили самому славному среди нарттов, великодушному и справедливому, не во чреве матери зачатому, а рожденному из камня. Запомните, люди добрые, внимающие нам, необычное имя сына камня, запомните, чтобы никогда не забыть, имя Сосруко.

РОЖДЕНИЕ СОСРУКО

Когда приходит весна — молодеет земля, когда рождается дитя — молодеет жизнь. Не то дерево старится, чьи года множатся, а то дерево старится, что не дает побегов. А побег человека — его дети, и рано дряхлеет человек, если у него нет детей.

Рано одряхлел нарт Урызмаг — не от множества годов, а от бездетности. Видел он, как сосед-нарт приносил на плечах ветвисторогого оленя, и думал: «К чему мне охотничья добыча? Разве есть у меня дитя, чтобы порадовать его олениной?» Видел Урызмаг, как возвращаются воины с угнанными отарами, и думал: «Разве малы числом мои стада? К чему же мне еще, если нет у меня наследника?»

Охладело сердце Урызмага к походам и набегам, к подвигам и приключениям, а этот холод сердца и есть старость. Уже юноши, глядя на него, не верили рассказам отцов, что был некогда Урызмаг вожаком нарттов. Почти все односельчане перестали спрашивать совета у старика, а те, что были помоложе, негодовали:

— Где это видано, чтобы у немощного старца была такая молодая жена? Правильно было бы, если бы тонкобровая Сатаней стала женой одного из нас, и тогда сделалась бы она матерью многих детей.

А Сатаней и вправду сияла юной девической красотой, годы ее

не старили, а только прибавляли ей прелести и молодости. Но больно было ее светозарным глазам смотреть на двory нартов, где бегали дети, резвились, играли в альчики. Чувствовала Сатаней свою вину перед мужем, но что она могла сделать, если судьба не дала ей радости материнства? А седоголовый Урызмаг, когда он, бывало, медленно возвращался со схода богатырей, с Хасы нартов, дряхло опираясь на посох, говорил жене своей, переступив порог дома:

— Бесценная моя, многомудрая Сатаней, великим счастьем ты одарила меня — своей любовью. И не твоя вина, что не родила ты мне сына, не твоя вина, а воля судьбы.

Так утешал старый нарт свою вечно юную жену, но знала Сатаней, что давняя, тяжкая тоска поселилась в сердце ее мужа, и от этой тоски одряхлел он до времени.

Однажды Урызмаг на Хасе нартов сказал юношам:

— Старая моя голова стала для вас обузой. Не веду я вас в походы, не еду с вами в набег, тупятся мои стрелы в колчане и меч в ножнах. Я знаю, что суров нартский обычай, что обрекают нарты на гибель бессильных стариков, сбрасывают их в корзине с вершины горы в пропасть. Но неужели я погибну так позорно, не на поле брани, не совершив последнего подвига? Решил я умереть по-иному: не в пропасти земли погибнуть, а в море. Сколотите, прошу вас, большой и крепкий сундук, положите меня в тот сундук и бросьте в морскую пучину.

Стали спорить молодые нарты. Одни говорят: «Урызмаг был вожакom богатырей, об этом и в песне поется, его мудрость, повествует песня, принесла нам славу, богатство. Как будем жить без его мудрости?» А другие возражают: «Росказням верить нельзя! Только сила доказывает истину, а какая сила в словах песни? Неужели этот дряхлый старик мог быть мудрым и отважным? Ладно, так и быть, поверим тому, хотя это невероятно, что был Урызмаг вожакom нартов. Но зачем нарушать обычай? Хорошо, не низвергнем его в корзине в пропасть, но тогда почему нам не сделать так, как он сам просит, не дать ему погибнуть в море, раз он состарился? Кому нужен нарт, у которого нет силы поднять меч и пустить из лука стрелу?»

После долгих споров решили молодые нарты пойти к Сатаней, поведать ей о последней просьбе ее мужа. Сатаней в это время ткала. Ткань легко стекала с ее ткацкого станка. Хорошие будут у нартов бешметы и черкески, — не нарадуется душа златокудрой тка-

чихи! Но заныла, затосковала, заболела ее душа, когда услышала Сатаней слова молодых нартов. Белолицая и тонкобровая, высокая и статная, посмотрела Сатаней на юных воинов, и были в ее глазах женское очарование и женская печаль. Она сказала:

— Дороже мне собственной души мой муж, отважный вожак нартов, но пусть будет так, как решил Урызмаг, ибо это решение сильного, гордого сердца.

Нарты сколотили большой, крепкий сундук, посадили туда Урызмага, положили в сундук немного просяных лепешек и кувшин с водой, отнесли сундук к Черному морю и бросили в морскую пучину. Сундук поплыл, качаясь на волнах, и мы еще вам расскажем о том, что стало с престарелым вожаком нартов, а покуда он плывет в сундуке по морю, мы поведем рассказ о Сатаней.

Убитая горем, пришла Сатаней на берег реки. Сердце ее устало болеть, и в изнеможении легла дочь Солнца и Луны на прибрежный камень. В сердце своем она упрекала Солнце и Луну:

«Для чего произвели вы меня на свет? Хотя я и росла далеко от вас, на безлюдном острове, разлученная с вами, — вы-то сами никогда друг с другом не разлучались. Почему же судьба разлучила меня с мужем? Хотя я живу далеко от вас, в селении нартов, познали вы все же родительскую радость, когда я на свет родилась. Почему же судьба лишила меня этой радости? Вам кажется, что вы наделили меня светом разума, умением волшебства, неуывдаемой молодостью. Но чего стоят все эти дары, если не дано мне дара материнства! Пусть уж лучше была бы я глупа, но чтобы в моем доме рос ребенок! Пусть была бы я теперь стара, но чтобы сын был опорой моей старости!»

Так в отчаянии говорила в сердце своем Сатаней, и сердце ее распалось. Почувствовала Сатаней, что распался и прибрежный камень, на котором она лежала. Сама не зная почему, бросила Сатаней быстрый взгляд вверх, на небо, и увидела нечто странное: Солнце и Луна сверкали на небе одновременно! И почудилось Сатаней, будто сразу два луча, солнечный и лунный, устремились к ней. Вскочила Сатаней, отпрянула от камня, а два ослепительно ярких луча, солнечный и лунный, одновременно вонзились в камень, и увидела Сатаней, что оба луча, соединившись, резко вывели на камне человеческий образ, облик ребенка.

Предвестие счастья засияло, зазвенело в душе Сатаней, и душа

ее была потрясена. Новую, великую силу Сатаней почувствовала в себе, и, уверенная в этой новой силе, она подняла прибрежный камень, на котором появился человеческий образ, и унесла камень к себе домой. Сатаней положила необыкновенный камень в ларь с отрубями.

Прошло девять месяцев. Услыхала Сатаней в доме шум. Прислушалась и поняла, что шум исходит из ларя. Сатаней приподняла крышку ларя и приложила ухо к камню. Внутри камня что-то кипело, а сам камень стал шире, а человеческий образ на камне — явственней. Сатаней обмотала камень шерстяной нитью. Через три дня нить оборвалась. Снова обмотала Сатаней шерстяной нитью камень, внутри которого было кипение, и снова оборвалась нить. Камень стал еще больше, еще горячее, и пылали огнем черты человеческого образа, черты дитяти на раскаленном камне.

Сатаней отправилась к Девету Златоликому. Огонь кузни озарял суровое лицо могучего старца. Как предсказал когда-то Тха, старел Девет, но не слабел. Сатаней сказала пращуру кузнецов:

— Пойдем ко мне, Девет. Хочу тебе доверить одну тайну.

Когда Девет увидел в ларе пылающий камень, когда увидел на камне человеческий образ, он воскликнул:

— Я понимаю речь камня, мне ясен язык огня, но то, что я вижу у тебя в доме, выше моего понимания!

— Чтобы понять это, надо разуть язык лучей Солнца и Луны, — ответила Сатаней и рассказала кузнецу, как солнечный луч и лунный луч, соединившись, вонзились в камень и резко вывели на нем образ дитяти. И услышала она слова Девета:

— Из камня родится мальчик. Не ты его зачала, но он — внук Солнца и Луны, твоих родителей, а ты — его мать.

Руки нартского кузнеца привыкли к пламени, и он отнес пылающий камень в свою кузню. Сатаней пошла за ним, стала рядом с Деветом, и кузнец изо всей своей богатырской силы ударил по камню молотом. Семь дней и семь ночей работал нарт-кузнец, и Сатаней казалось, что каждый удар молота по камню был ударом по ее сердцу, и сердце ее сжималось и трепетало. Наконец камень раскололся, осколки рассыпались, и оказался в сердцевине камня пылающий ребенок. Да, тело мальчика пылало, искры летели от него, и пар клубился над ним!

Сатаней была счастлива. Она схватила новорожденного, чтобы

прижать его к своей груди, — ведь о таком мгновении она мечтала долгие годы, годы бездетности, — и вдруг закричала Сатаней громким криком боли: она обожгла себе руки. Ребенок упал на подол ее платья, прожег его и скатился на землю.

Девет бережно схватил клещами ребенка за бедра и окунул его в воду. Вода закипела, закрубился пар. Семь раз окунал нартский кузнец пылающего ребенка в воду, и семь раз вода закипала. Девет закалял мальчика до тех пор, пока тело новорожденного не превратилось в булат. Только бедра остались незакаленными, потому что они были схвачены клещами. Запомните это, а сейчас послушайте, что сказал кузнец ликующей матери :

— Сатаней, возьми своего булатного сына, пусть он растет в твоём доме. Жаль, что бедный Урызмаг уже никогда не узнает, что в его доме растёт дитя.

С того дня у Сатаней стал расти ребенок, стал расти быстро: за день он вырастал настолько, насколько другие дети за месяц. Сатаней дала ему имя Сосруко, Рожденный из камня.

Радость вошла в дом Сатаней, вошла, чтобы стать хозяйкою дома, но привела она с собой незваную гостью: опять собеседницей Сатаней стала Печаль. А потому печалилась умица Сатаней, что муж ее, Урызмаг, плыл в сундуке по волнам Черного моря и не знал, что сын у него родился, что старое дерево пустило побег. Сатаней чуяла мудрым сердцем, что не погиб ее муж в морской пучине, но горько ей было, что не может она поделиться с мужем самой великой своей радостью, радостью материнства, что не дано сейчас Урызмагу вместе с нею наслаждаться, умиляясь детской улыбке булатного сына.

Нарты прослышали, что растёт в доме Урызмага мальчик, и нашлись такие злоязыкие, которые говорили одинокой матери:

— Целый год прошел, как ты, Сатаней, живешь без мужа. Откуда же у тебя ребенок?

— Мой сын родился не как другие дети, — спокойно, с достоинством, отвечала соседям Сатаней. — Он родился из камня, а закален Деветом, понимающим речь камня.

— Он родился от нечистой силы! — кричали жестокосердные. — Он погубит род нартов!

А Сатаней отвечала:

— Он, Рожденный из камня, возвысит имя и суть человека.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УРЫЗМАГА

На дальнем морском берегу и поближе, в заречье, обитали многочисленные племена чинтов. Правили ими князья. Князья были заклятыми врагами нартов, ибо нарты не терпели над собой ничьей человеческой власти, не признавали никаких князей, жили единым обществом, и каждый нарт был равен другому нарту.

А чинты не знали равенства. Над всеми у них в каждом племени возвышался князь, а под князем были большие слуги, а под большими слугами — средние, а под средними слугами — малые, а под малыми слугами — простой народ: звероловы, пастухи, охотники, воины. Князья чинтов были свирепы, они опустошали земли соседей, истребляли тех, кто не признавал их власти, превращали жителей побежденной страны в прах, а жилища — в пепел. Шел, правда, слух, что было племя мирных, крохотных чинтов, которое не знало князей, но никто из нартов ни разу не видел их.

Ближе всех к морю обитало племя рыжих чинтов. Конечно, не все они были рыжими, и черноволосые среди них попадались, но рыжие были в большинстве. Однажды малые слуги властителя рыжих чинтов пригнали коней на водопой, а водопой был недалеко от того места, где река впадала в море. Вот и видят малые слуги, — не хотят кони приблизиться к водопою, фыркают, рвутся прочь. Когда малые слуги осмотрели местность повнимательней, заметили они, что как раз вблизи водопоя пристал к морскому берегу большой, крепкий сундук. Подошли к сундуку — а он покрыт песком и водорослями. Малые слуги сами не осмелились поднять крышку, а понесли сундук к средним слугам. Средние слуги понесли сундук к большим слугам, а большие — к Главному Большому Слуге. Главный Большой Слуга вскинул в удивлении густые рыжие брови и приказал поднять крышку сундука. Открыли сундук, увидели: лежит в сундуке старик в бурке, лежит, с трудом дышит. Главный Большой Слуга говорит:

— Кто ты? Как попал в сундук? Как попал сюда?

— Я — нарт Урызмаг, — ответил старик в бурке. — Мои односельчане положили меня в сундук и бросили в море.

— Почему они так поступили?

— Потому что я стал старым и слабым, а для битвы с одноглазыми да с вами, чинтами, нужны молодые и сильные.

— Как ты узнал, что мы — чинты? Разве у нартов нет рыжеволосых?

— Есть у нартов рыжеволосые, да нет среди нас негостеприимных. Нарт сперва накормит гостя, уложит его в постель, а потом уже спросит, кто он и откуда.

Главный Большой Слуга обрадовался неожиданной добыче: имя Урызмага давно уже приводило в трепет чинтских князей и их воинов. Главный Большой Слуга быстро направился к властителю рыжих чинтов и, чтобы возвысить себя в глазах князя, не сказал ему, что Урызмаг стар и слаб, а сказал так:

— Да погибну я, князь, от гнева твоего, но сперва меня выслушай. Служба моя тебе недреманная, верная, и вот Урызмаг, вожак нартов, наш непобедимый доселе недруг, — в твоих руках.

Рыжие волосы вздыбились на голове чинтского князя, рыжие брови дугами выгнулись, и воскликнул он с жестоким весельем:

— Хорошую ты принес мне весть! Можно сказать, я всю жизнь ждал этой вести! Хочу взглянуть, каков нарт Урызмаг.

Когда старого нарта привели к властителю рыжих чинтов, князь опешил: не думал он, что знаменитый пленник так стар. Но и долго думать об этом он не хотел, ибо велико было его торжество, и он захохотал. Захохотали и его большие слуги, и средние, и малые. А Урызмаг будто не слышит издевки-хохота, стоит в бурке, без тапахи, спокойный, белоголовый, смотрит на князя с презрением, на слуг — с жалостью. Князь перестал хохотать: не понравился ему взгляд Урызмага. Сразу же оборвали свой хохот и княжеские слуги: не будучи равными друг другу, они сравнивались в низости и подобострастии.

Князь крикнул:

— Плохо твое дело, Урызмаг! Плохо ты стоишь передо мной, плохо смотришь на меня, Урызмаг! Прикажу заковать твои руки и ноги в оковы, прикажу заточить тебя в подземелье, Урызмаг! Медленной смертью будешь умирать. Что тогда скажешь, Урызмаг?

— Скажу, князь, что ты глуп.

Опять расхохотался князь, но уже не торжество гремело в его хохоте, а слышалась тревога. А слугам князя стало страшно, но и сладко, оттого что чужеземец оскорбил их жестокого владыку. Князь рыжих чинтов спросил:

— Почему же я глуп? Разве я у тебя в плену, а не ты у меня?

— А какая тебе корысть от того, что я твой пленник? Мне-то все равно, где умереть, в пучине моря или в княжеском подземелье. А нартам не все равно, нартам позор будет, если их вожак умрет в плену, в подземелье врага. Одно дело — бросить меня, старого и слабого, в пучину моря, чтобы поглотила меня вольная морская синеза, а другое дело — отдать меня на поругание врагу, чтобы сгнил я в оковах в тюрьме. Вот и выходит, князь, что ты глуп, не понимаешь, что мертвый я тебе не нужен, а за живого Урызмага дадут тебе нарты большой выкуп.

— А велик будет выкуп? — спросил жадный князь.

— Дадут тебе нарты за меня сто раз по сто однорогих быков, сто раз по сто двурогих, сто раз по сто трехрогих, сто раз по сто четверогих и сто раз по сто пятирогих.

Вот это выкуп так выкуп! «И чем только не владеют нарты, — даже быками, у которых рогов больше, чем два!» — подумал князь, а слуги князя — большие, средние, малые — стали считать, каково же будет число всех быков, но не сосчитали, обились со счета. Брови чинтского князя изогнулись рыжими дугами, глаза от жадности стали круглыми и такими же жгучими, как его рыжие волосы. Он сказал, произнося слова хрипло и быстро:

— Ты хорошо стоишь передо мной, Урызмаг. Ты хорошо смотришь. И говоришь ты хорошо, Урызмаг. Теперь скажи, как мы извезем нартов о том, что ты у нас в плену и что нужно дать за тебя выкуп? Отвечай, Урызмаг!

— Отправь к нартам двух гонцов, — посоветовал старый нарт, — ибо для такого большого выкупа одного гонца мало. Пусть один гонец будет рыжеголовым, а другой — черноголовым, чтобы видели нарты, что у князя множество слуг, что из разных они земель, что подвластны князю не только рыжеволосые, но и черноволосые, и потому вправе князь потребовать большой выкуп.

— Ты умен, Урызмаг, — одобрил князь речь старого нарта. — Ты хорошо объясняешь, Урызмаг, хорошо советуешь. Ты стар, а жить хочешь, Урызмаг! Будь у меня такой слуга, как ты, завладел бы всеми племенами чинтов. Сейчас приведут к тебе двух гонцов. Расскажи им, как добраться кратчайшим путем до селений нартских, расскажи правильно, Урызмаг!

Слуги привели к пленнику двух гонцов — рыжего и черноволосого. Урызмаг сказал им, как добраться до нартов кратчайшим путем.

Князь посмотрел на Большого Главного Слугу, а тот, ошарашенный взглядом князя, подтвердил с важностью:

— Пленник нас не обманывает, кратчайший путь к нартам объясняет правильно.

А Урызмаг продолжал разговор с гонцами:

— Когда соберут огромное стадо — выкуп за меня, — пусть нарты впереди стада поставят одного красного быка и одного черного. Эти быки поведут за собой все стадо. А если быки запрямятся, не захотят повести стадо в землю чинтов, пусть нартские пастухи выроют яму и закопают тело черного быка. Тогда красный бык образумится и поведет стадо верным путем, поведет куда следует.

Семь дней и семь ночей скакали гонцы. На закате восьмого дня они прибыли в селение богатырей. Нарты собирались уже расходиться по домам, когда к месту, где происходила нартская Хаса, приблизились усталые, запыленные всадники. Увидели нарты, что всадники из числа их заклятых врагов, но были нарты гостеприимны, усадили гостей за стол, накормили их сытными яствами, напоили вкусной брагой, велели дать их коням отменного сена, — как добрых гостей приветствовали чинтов. Когда насытились гости, утолили жажду, отдохнули, спросили их нарты:

— Да длится ваша жизнь счастливо! Ради чего прибыли вы, почтенные гости, в селение нартов, — ради погожего дня или ради ненастья?

— Ради выкупа, — ответили гонцы. — В руки нашего князя, властелина всех рыжих чинтов, попал Урызмаг. Если вы не хотите, чтобы ваш старый вожак стнил у нас в подземелье, если вы хотите, чтобы он вернулся к вам целым и невредимым, если вы хотите, чтобы он умер не в тюрьме, а в морском просторе, то дайте за него князю выкуп.

— А чего требует князь всех рыжих чинтов?

— Сам Урызмаг назначил за себя выкуп: сто раз по сто однорогих быков, сто раз по сто двурогих, сто раз по сто трехрогих, сто раз по сто четвероногих и сто раз по сто пятирогих. Впереди стада поставьте двух быков: красного и черного. Эти быки и поведут все стадо. А если они запрямятся, то выройте яму и закопайте в нее тело черного быка. Тогда красный бык образумится и поведет стадо в землю чинтов.

Совесть не переставала мучить нартов с того дня, как бросили они

в море старого своего вожака, и обрадовались богатыри, узнав, что Урызмаг жив, хотя и в плену. Слова гонцов принесли им облегчение, но и крепко задумались нарты: «Однорогих быков достать не трудно: отрежем у ста по сто раз быков по одному рогу. Собрать двурогих — совсем просто, но где найти быков трехрогих, четверорогих, пятирогих? Непонятный выкуп назначил сам за себя Урызмаг!»

Нарты отвели обоих гонцов на ночлег, а сами пошли к Сатаней: только она, многомудрая, решили нарты, может помочь советом. Сатаней, выслушав соседей, рассмеялась. Она рассмеялась от счастья, узнав, что муж ее жив, что он по-прежнему умен умом бесстрашной молодости. Она подумала: «Он, который мне дороже собственной души моей, помолодеет, когда вернется домой, когда узнает, что сын растет в его доме!» И Сатаней сказала нартам:

— Без моего Урызмага не видать вам победы над врагом, не видать добычи. Вы еще птенцы, а он орел. Вы его бросили в море, как дряхлого да негодного, а он, смелый и мудрый, учит вас, как разгромить врага, указывает, какое войско надо снарядить для победы. Быки однорогие — пешая рать, быки двурогие — конная рать, быки трехрогие — копыеносцы, быки четверорогие — лучники, быки пятирогие — воины, снаряженные всеми видами оружия. Красный бык — рыжеволосый гонец чинтского князя, черный бык — черноволосый гонец. Когда гонцы увидят, что не стада мы собрали, не выкуп, а войско, то начнут они сбивать нартов с пути. А вы, как советует умный Урызмаг, выройте яму и закопайте в нее черноволосого гонца. Рыжеволосый испугается такой участи и безропотно поведет вас к рубежам земли чинтского князя.

Молодые нарты пришли в восторг. Они подумали: «Действительно, пропадем без мудрости и отваги старого Урызмага, без ясного ума вечно юной Сатаней!» Может быть, тогда-то, пусть ненадолго и смутно, пришла им в голову мысль, что нельзя стариков сбрасывать в корзину с вершины горы в пропасть? Но еще не скоро, и не по своему зачину, отменили они старый обычай, а поэтому не о нем будет сейчас наше слово, а о войске нартов.

Горские богатыри снарядили большое войско, приказали чинтским гонцам вести воинов во владения князя всех рыжих чинтов. Но где же стадо, где выкуп за пленника? Увидели гонцы сто раз по сто пеших бойцов, сто раз по сто всадников, сто раз по сто копыеносцев, сто раз по сто лучников и сто раз по сто нартов, вооруженных всеми

видами оружия. Сметнули гонцы: идут нарты большим войском, чтобы разгромить чинтского князя и освободить из плена своего старого вожака! Делать нечего, подчинились гонцы приказу нартов, повели их войско, но вскоре хитрить стали: то в одну сторону ведут нартов, то в другую — в пустыню безводную, бестравную хотят завести, чтобы нарты и их кони погибли от голода и жажды.

Тогда нарты вырыли яму и закопали в нее одного из гонцов по самые плечи — только черноволосая голова его осталась на поверхности песчаной земли. Рыжеволосый испугался, сказал, трепеща:

— Я поведу вас верным путем.

— Веди! — приказали нарты. — А вернемся назад, вытащим из ямы второго гонца. Поэтому веди нас путем правильным, скорым, если хочешь, чтобы не погиб твой сотоварищ.

Так было с войском, а Урызмаг в плену у чинтов считал дни и часы, ибо он знал, какова скорость движения нартской рати. Когда, по его расчетам, настал долгожданный день, Урызмаг сказал своему стражнику — одному из малых слуг:

— Пусть князь поглядит с башни, не гонят ли нарты стадо быков — выкуп за меня.

Услыхав донесение малого слуги, князь всех рыжих и Главный Большой Слуга поднялись на крепостную башню. Ничего нельзя было разглядеть: огромное облако пыли скрыло небо и землю. Приказал князь доставить на башню Урызмага. Малые и средние слуги повели старого нарта и, толкая его в спину, заставили подняться на башню. Урызмаг встал рядом с князем и Большим Главным Слугой и посмотрел в ту сторону, где земля сливается с небом. Старый нарт понял, почему поднялось над землей огромное облако пыли, и сказал:

— Вот и слово мое исполнилось, пригнали нарты выкуп за меня. Отправь своих воинов навстречу стаду, отправь их в большом числе, ибо стадо велико, но пусть воины будут безоружны: быки нартские, в особенности трехрогие, четвероногие и пятирогие, испугаются, если увидят оружие, рассыплется стадо по степному простору, а нрав у нартских быков бешеный, как бы беды не случилось!

Князь приказал, чтобы его воины в большом числе вышли навстречу нартскому стаду без оружия, только с плетями да с палками.

Тогда-то началось побоище! Истребили нарты княжеских воинов. Велико было число тех рыжеволосых чинтов — мало кто в живых

остался. А нарты, следуя строгим порядком, соединенные по родам войска, приблизились к крепости князя. Увидев их, Урызмаг — и откуда только сила в старике заиграла! — схватил князя за руку и сбросил его с крепостной башни, да еще крикнул при этом:

— Посмотри, князь, на выкуп за меня!

И когда Урызмаг сбросил князя с башни вниз, начали нарты бросать свои папахи вверх, приветствуя старого своего жожака. Обрадовались они тому, что Урызмаг цел и невредим, но еще больше обрадовались нарты тому, что нет на них греха, что не погиб Урызмаг по их вине. Старый нарт спустился с башни, и почтительно сопровождали его Главный Большой Слуга и прочие большие, средние и малые слуги.

— Бегите по домам своим, — посоветовал им Урызмаг, а нартам сказал: — Эх, джигиты, не прожить вам без меня, старика! Если не будет с вами седой моей головы, то ворона вас утащит в свое гнездо.

— Ты прав, Урызмаг, — ответили нарты жожаку. — Ты орел, а мы птенцы. Но говорят, что там, где гнев, не бывает мудрости. Так не гневайся на нас, неразумных, а раздели мудро между нами добычу.

И Урызмаг мудро разделил между нартами добычу — скот чинтского князя. А что значит делить добычу мудро? Это значит делить ее по справедливости, чтобы никто не был обижен. Попробуйте делить сами — нелегкое это дело, не всякому оно по силам!

МЕЧ И КОНЬ СОСРУКО

Права старая мудрость: человек в гневе лишается разума, но так как мудрость стара, а гнев всегда молод, то случается, что гнев одолевает силу разума. Вот и опасалась многомудрая Сатаней, что разгневается Урызмаг, когда, вернувшись, узнает, что в его отсутствие появился у него в доме ребенок, не поверит в чудо, не поверит, что Сосруко родился из камня. И спрятала мать свое дорогое дитя в подземелье. Так и не узнал Урызмаг, вернувшись домой, что он стал отцом.

Нарты, сознавая свою вину перед Урызмагом, не желая причинить ему обиду, не заводили с ним речи о Сосруко, не спрашивали о маль-

чике, ждали, чтобы старик сам заговорил о сыне. Шел между нартами слух, что Сатаней где-то прячет своего булатного мальчика, прячет от глаз Урызмага, но помалкивали об этом односельчане до поры до времени.

Сосруко рос во мраке земли, и земля была его ложем, а пищей кремень. Рожденный из камня грыз камень! Когда исполнилось мальчику три года, тесным стало ему подземелье, эта нора узкая, ибо в три года, он был высок и крепок, как двенадцатилетний, и большая сила в нем была: недаром питалось дитя одним только кремнем! Решила Сатаней вывести своего сына из-под земли. Мальчик, выросший во мраке, не привык к дневному свету. Глазам его стало больно. Он спросил у матери:

— Куда ты меня привела? Как называется это место?

— Это место называется миром, — ответила мать. — Мир прекрасен, а мы его дети.

Боль в глазах Сосруко утихла. Он хорошо видел во тьме, а дневной свет увеличил его зоркость. Высоко над Сосруко светилось нечто такое, что показалось ему чудесным. Мальчик смотрел на сияние не щурясь, и существо его наполнилось тихой радостью. Он спросил:

— Что это светится над нами?

— Это Солнце, — сказала Сатаней. — Ты ведешь от него свой род, ибо я — дочь Солнца и Луны.

Глаза Сосруко были такие зоркие, что разглядели за сиянием Солнца множество жарких искорок. Он спросил:

— Что это за маленькие светильники, горящие над Солнцем?

— Я их не вижу днем, — ответила обрадованная мать, — но я знаю, как их зовут. Это звезды. Если ты видишь их даже в солнечный день, то враги твои не скроются от тебя и в темную ночь.

— А кто мои враги? — спросил Сосруко. — Пока я был в подземелье, ты рассказывала мне о моих друзьях, о сородичах-нартах, учила меня их обычаям, но ничего не говорила ты мне о моих врагах.

Сатаней, подумав, ответила:

— Твои враги — Ложь и Ненависть, Жадность и Неволья.

— А скоро ли я вступаю в битву с моими врагами?

— Не скоро, сынок. Тяжела и долга будет твоя битва. А прежде чем начать ее, ты должен стать мужчиной.

— Когда же я стану мужчиной?

— Долго тебе ждать, сыночек мой, поры зрелости. Всего лишь три

года тебе исполнилось, настал только первый день твоей жизни на светлой земле. Ты еще не в силах поднять меч, сесть на коня.

— Разве не бывает мужчины без меча и коня?

— Не бывает, — твердо сказала Сатаней.

— Откуда же у мужчины конь?

— Кони пасутся на пастбище. У одних людей их много, у других поменьше. У истинного богатыря один конь, да многих стоит.

— Значит, могу я пойти на пастбище и выбрать себе одного из коней моего отца?

— А как выберешь? Ведь твой отец еще не знает о тебе, того гляди, подумает, что вор забрался к нему на пастбище. Да и не каждый конь годится для того, чтобы всадник, сидя на нем, одолевал могущественных врагов. Нужен такой конь, чтобы он был другом всадника, его помощником в битве, его сотоварищем в пути, его сопекальником в горе, чтобы он разумел человеческую речь.

— Скажи мне, мать, есть ли в этом прекрасном мире для меня такой конь?

— Станешь мужчиной, тогда и узнаешь.

Сосруко вздохнул и сказал:

— Повелада ты мне, матушка, все, что надо было мне знать о коне. А что ты мне поведаешь о мече?

— Мечи изготавливает Девет Златоликий, первый нартский кузнец. Ему знакомы язык огня, речь камня, слово железа, разговор воды. Это он закалял тебя, чтобы твое тело стало булатным.

— О мать, прошу тебя, отведи меня в кузню Девета, хочу посмотреть, как куется меч для мужчин!

Могла ли мать, так долго ждавшая ребенка, отказать ему в первой детской просьбе? Повела Сатаней своего мальчика в кузню Девета. Первый нартский кузнец, как всегда, ковал оружие для воинов, серпы для земледельцев. Сатаней низко поклонилась Девету и сказала:

— Да продлятся твои годы, нарт-кузнец! Вот мой сын, Рожденный из камня. Он хочет посмотреть, как ты куешь мечи.

— Будь благословенна твоя кузня, — сказал мальчик. — О Девет Златоликий, дождусь ли я того часа, когда ты выкуешь меч для меня? Ты сделал булатным мое тело, сделай же отважной мою душу, дай мне меч!

Девет пытливо посмотрел на мальчика своими покрасневшими от кузнечного пламени глазами и ответил:

— Ты должен стать воином Добра и Правды, Любви и Свободы. Нужны такому воину хорошие чуваки, и не трудно их стачать. Необходимы такому воину бешмет и черкеска, и не трудно их сшить. Потребны такому воину бурка и папаха, и не трудно их изготовить. И меч для воина сковать — не велик труд. Но нельзя сделать отважной душу человека: тот, кто рождается истинным человеком, рождается отважным, ибо человечность — это и есть отвага. Не тот храбрец, кто убил многих противников на поле боя, а тот храбр, кто возвысил звание человека. Но не уверен я, что пришла пора твоя держать в руках меч. Хотя и выглядишь ты двенадцатилетним, но всего три года прошло с тех пор, как я выдолбил тебя из камня и закалил тебя, пылающего, в воде. Чтобы я узнал, есть ли в тебе сила, попробуй, мальчик, вытащить из земли мою наковальню.

Наковальня Девета была вбита так глубоко, что люди говорили, будто она опирается на седьмое дно земли, и это была сущая правда. Только тот именовался нартом, только того допускали богатыри на свой сход, на Хасу, кто мог хотя бы немного пошевелинуть наковальню Девета.

Сосруко детскими своими руками обхватил наковальню, дернул, но даже не пошевелил ее. Снова дернул — и во второй раз не сумел пошевелинуть. И в третий раз не сумел. Девет сокрушенно произнес:

— Ты еще дитя, Сосруко, рано тебе думать о мече. Вернись в свое убежище да грызи камень.

Стыд и боль стеснили сердце мальчика. Ни слова не сказал он матери на обратном пути. И боль была в сердце Сатаней, потому что даже малая боль ребенка есть великая боль матери.

Всю ночь Сосруко не спал. Когда запели первые петухи, булатный мальчик осторожно выбрался из подземелья. Показалось ему, что Солнце ласково смотрит на него, — так смотрит дедушка на внука. Сын Сатаней побежал к жилищу Девета. Он пробрался в кузню до прихода хозяина, обхватил огромную наковальню, дернул — и вытащил ее, вырвал из седьмого дна земли. Проснулась, значит, в трехлетнем Сосруко его богатырская сила! Мальчик бросил наковальню у входа в кузню, а сам спрятался за старым тополем: хотел он узнать, что скажет кузнец, когда увидит свою наковальню у входа в кузню.

Утром, как всегда, пришел Девет, чтобы работать кузнечную

свою работу, да не мог войти в кузню: у входа лежала наковальня. Пыль седьмого дна земли виднелась на ее основании. Девет подумал:

«Необыкновенный силач-богатырь появился на земле! Еще не знала земля такой великой мощи! Может быть, и душа у этого богатыря такова, что ей ненавистны Зло и Ложь, Вражда и Неволя? Пусть же начало жизни его станет концом всего дурного на земле!»

Когда первый нартский кузнец так подумал, приблизились к его кузне трое нартвов, трое братьев.

Старший повел речь:

— Да будешь ты вечно с огнем, Девет! У нас, у троих братьев, большой спор, и мы нуждаемся в твоей мудрости. Мы косим сено на высокогорных лугах. И вот примечаем, что младший всегда нас опережает. Станет он с нами в ряд, махнет два-три раза, глядь — ушел далеко вперед. Поставим его позади, а он махнет пять-шесть раз кошой, глядь — нагнал! Обозлились мы: младший оказался ловчее старших! Однажды воткнули мы косы косовицами в землю и сели обедать. Вдруг видим — коса младшего упала острием книзу и пошла сама косить.

— Так вот в чем причина, — сказал Девет. — Сила и ловкость, значит, не в младшем брате.

— Да, сила и ловкость не во мне, — подтвердил младший. — Коса мне досталась особенная. Мы и решили сделать из нее меч. Только заспорили мы: кому достанется меч? Он должен принадлежать мне, не правда ли, Девет?

Кузнец молча взял в руки чудесную косу. Он узнал ее: он сам некогда сработал ее для бога плодородия, когда у того сломалась его старая коса, а бог ремесел не сумел сделать для него хорошую косу, и тогда владыка плодородия, по совету Тха, попросил Девета сделать такую косу, чтобы косила как нужно. Давно это было!

— Откуда у вас эта коса? — спросил у братьев Девет.

— Мы нашли ее на высокогорном лугу, — сказал старший. — В полдень нашли, в самый разгар нашей работы. У младшего неожиданно сломалась коса, косовище от острия отскочило. Как тут быть? Видим — в траве блестит новеньким острием другая коса. Вот и дали мы младшему взамен сломанной другую косу, найденную в траве.

Девет понял, что щедрый бог плодородия пожалел косцов, подарил им свою собственную косу. Понял нартский кузнец и то, что крепко могут поссориться братья из-за меча, и сказал трем косцам:

— Это коса бога плодородия. Могу я сделать для него новую косу, еще лучше прежней, но могу ли сковать для вас меч из его прежней косы? Поссоритесь вы из-за меча. А ссора — начало драки, драка — начало вражды, вражда — начало гибели. Вы нашли косу все вместе, одинаковые у вас права на нее, поэтому я решаю так. Видите, не могу я войти в свою кузню, лежит у входа моя наковальня. Нужно перенести наковальню на прежнее место и вогнать ее в прежнюю глубину. Кто справится с этим, тому и достанется меч, который я сработаю из косы бога плодородия. Согласны?

— Согласны, — разом ответили все братья и приступили к делу.

Первым обхватил наковальню старший, дернул, но и пошевелил ее не сумел. Снова дернул — ничего не вышло. Дернул в третий раз — вроде бы чуть-чуть пошевелил наковальню. Не удачливей был и средний брат. Подошел младший. Дернул раз — пошевелил наковальню. Дернул снова — приподнял ее немного. Дернул в третий раз — перенес ее на один шаг и упал вместе с наковальней на землю, не донес до кузни.

— Не под силу вам, братья, поднять мою наковальню, — сказал Девет. — Потеряли вы право на меч.

— Что могли, то исполнили, — отвечали братья. — Слово нарта крепче железа. Быть, Девет, по-твоему. Жаль, а что поделаешь? Видно, ни один из нас не достоин владеть мечом, сработанным из косы бога плодородия.

В это время к кузне подбежал Сосруко. Он давно уже в нетерпеливом волнении поглядывал из-за тополя на братьев, когда они пытались поднять наковальню. Мальчик почтительно поклонился старшим и сказал:

— Живите в счастье, братья-нарты! Будь всегда с огнем, Девет Златоликий! Позвольте мне тоже испробовать свою силу.

Старший брат рассердился, крикнул:

— Чего тебе здесь пробовать? Иди испробуй, каково на вкус материнское молоко!

Средний брат подхватил:

— Давно ли тебя от груди отлучили? Иди испробуй, какова твоя сила, сам покачай свою люльку.

И младший захохотал:

— Давно ли ты выпулился, птенчик? Иди испробуй свою силу на просяной лепешке!

Тогда Сосруко обхватил наковальню, рванул, поднял, отнес на прежнее место и вогнал в землю, в ее седьмое дно. А может быть, и в восьмое или девятое! Отдышавшись, мальчик сказал:

— Прости меня, первый нартский кузнец, потревожил я утром твою наковальню, но теперь опять поставил ее на прежнее место.

— Вот это малыш! — подивились братья и поклялись рассказать на Хасе нартов о необыкновенной силе мальчика. Девету пришлось по душе их клятва, он сказал:

— Братья-нарты! Я выкую каждому из вас по мечу из наилучшей стали. А из косы бога плодородия выкую меч для другого богатыря. Чтобы вам не было обидно, я отдам этот меч не взрослому воину, а мальчику, сыну Сатаней. Согласны?

— Согласны, Девет! Да не погаснет огонь в твоей кузне! — ответили братья. — Выходит, этот мальчик — тот самый сын, о котором не знает его отец!

Братья-косцы отправились на Хасу нартов, чтобы рассказать богатырям о необыкновенной силе сына Сатаней, о Рожденном из камня. Когда они ушли, Девет спросил мальчика:

— Какой тебе нужен меч?

— Мне нужен меч не длинный и не короткий, чтобы те злоедущие, что живут вблизи, помнили о нем, а те ненавистники добра, что обитают вдали, трепетали бы перед моим мечом.

Три дня ковал Девет из отменной стали три меча и, довольный своей работой, раздал мечи трем братьям. Девять дней и девять ночей не выходил Девет из кузни, ковал оружие для Сосруко. На утро десятого дня послал кузнец за мальчиком.

Сияя счастьем, Сосруко вбежал в кузню. Девет вручил ему богатырский меч и сказал:

— Этот меч необычный, он сработан из косы бога плодородия. Поэтому пусть твой меч всегда служит рождению Добра и Правды, Любви и Свободы.

— Да продлится твоя жизнь, Девет Златоликий! — воскликнул Сосруко. — Я клянусь, что не опозорю меча, сработанного из косы бога плодородия.

— Что тебе еще нужно, сынок, в чем нуждаешься?

— Коня бы мне, Девет!

— Есть хороший конь для тебя. Твоя мать знает о нем. Скажи многомудрой Сатаней, что я ей говорю: «Пришла богатирская пора твоего сына, дай ему коня!»

Когда Сосруко пришел к Сатаней, когда увидела мать, что на бедре ее сына сверкает рукоять меча, она почувствовала радость и гордость, и еще светозарнее стали ее глаза. А в ответ на просьбу сына Сатаней сказала:

— Узнай, мое дорогое дитя, то, о чем не знает ни единая душа, кроме Девета. В день твоего рождения появился в морской пучине жеребенок. Теперь он живет в горах, теперь твой ровесник стал конем, достойным тебя. Он чуждается других коней, не спускается на наши пастбища, его обитель — высокие скалы. Возьми седло и уздечку, поднимись на вершину Эльбруса, позови: «Тхожей!» — и услышишь в ответ ржание. Если сумеешь оседлать Тхожея, он твой.

Сосруко повесил на плечо седло и уздечку, поднялся на вершину Эльбруса. Казалось ему, что приветливо смотрит на него седоглавый каменный исполин. Было тихо, и Сосруко разбудил тишину.

— Тхожей! — позвал он.

И конь цвета пламени возник перед мальчиком. Сосруко, по нартскому обычаю, подошел к коню с левой стороны. Конь поднялся на дыбы и бросился на мальчика, чтобы убить его одним ударом. Ловкий Сосруко увернулся, подошел к коню с правой стороны, но и тут не подпустил его к себе Тхожей. Тогда Сосруко сказал:

— Я думал, что ровесник подружится с ровесником, что я найду в тебе сотоварища в битве, сопечальника в горе, собеседника в странствиях, что мы вместе отправимся в дорогу, начнем битву ради Добра и Воли. Неужели не будет мне такого счастья?

Тхожей взглянул на мальчика глазами, прекрасными, как звезды, радостно заржал, подошел к Сосруко, прикоснулся к нему шелковистой гривой и сказал голосом человека:

— Буду я тебе верным конем, боевым сотоварищем и спутником, но сперва тебя испытаю. Садись на меня.

Сосруко оседлал Тхожея, одним прыжком вскочил на коня, и Тхожей взлетел как ястреб. Казалось, он хотел, чтобы его юный всадник разбился о небесную твердь, но едва только Тхожей достиг простора небес, как Сосруко быстро переполез под брюхо коня. Тхожей ринулся вниз — так низвергается с горы бурный поток. Казалось,

конь хотел, чтобы всадник разбился о землю, но Сосруко снова оказался в седле. Решил, видимо, Тхожей, испытывая мальчика, чтобы Сосруко разбился, ударившись о закат, который разгорался справа, но мальчик оказался на левом боку. Попытался конь разбить Сосруко ударом о восход, пламенивший слева, но ловкий наездник оказался на правом боку. Вновь поднялся огнецветный Тхожей на небо и, как падучая звезда, скатился с небесной выси, упал на вершину Эльбруса, упал с такой силой, что вершина раздвоилась. С той поры и стал Эльбрус двуглавым — таким, каким вы его видите в наше время.

А Тхожей устал. Затрудненным сделалось его дыхание в седловине между двух горных вершин. Пар из его ноздрей стлался по кустам кизила, падал вниз и смешивался с дымною мглой ущелий. Конь сказал:

— Вижу я, что ты — Рожденный из камня, что ты — воин Правды и Воли. Одна у нас дорога, одна у нас и судьба.

— Если так — трогайся! — приказал Сосруко и направил коня вниз, в селение нартов.

Урызмаг был в это время на сходе богатырей. Сатаней услышала топот коня и выбежала навстречу юному всаднику. Какое счастье для горской матери увидеть, что сын ее стал воином, что сын ее сидит в седле, а на бедре у него — богатырский меч! И Сатаней сказала:

— Дитя мое, мальчиком ты поднялся на вершину Эльбруса, но кажется мне, что мужчиной ты вернулся в селение нартов.

КАК УРЫЗМАГ УЗНАЛ О СВОЕМ СЫНЕ

Нарты обычно собирались в доме Аліджа, скромного воина из уважаемой семьи. Это был старый дом. Он давно подкосился и давно упал бы, если бы его не подпирали столбы — пятьдесят столбов спереди и пятьдесят сзади, и такие огромные были они, что каждый из них тащило по восемь волов! Да еще снизу поддерживала старый дом железная подпорка, а вела к дому тоненькая, словно паутинка, тропа, она огибала болото, и стоило коню оступиться на тропе, как он застревал в болоте.

Почему же нарты, владевшие многочисленными стадами и сокровищами земли, избрали для своего собрания такой неказистый дом?

Разве не воздвигли нарты для себя дома побогаче, поудобней? Воздвигли нарты для себя великолепные дома, но еще в ту пору, когда они жили бедно, начали собираться горские богатыри в доме Алиджа и привыкли к старому зданию, и привычка стала обычаем, а легко ли идти против обычая?

Ежедневно собирались нарты на свою Хасу, и приходили все, кто в это время не был в походе, не охотился, не стерег стадо. Собирались нарты, пили хмельную брагу и нартсано, ели вкусные кушанья, которые готовили сами, беседовали о минувшем, рассуждали о будущем, пели, как научил их Кытаван, плясали, как могут плясать одни только горцы.

Мальчику Сосруко очень хотелось попасть на Хасу нартов, отправиться с хабрецами в поход. Хотелось ему побеседовать с мужчинами о делах битвы, о чинтских князьях, о минувшем и о будущем. Да и в норе надоело ему жить, горько было мальчику, что даже с родным отцом еще ни разу не пришлось ему поговорить, приласкаться к нему, а Сосруко знал от матери, что Урызмаг был вожаком нартов, что некогда победил он бога засухи. Гордился своим отцом Сосруко!

Однажды, когда запели утром вторые петухи, Сосруко, ничего не сказав матери, выбрался из подземелья, повел своего Тхожея по тропе, которая, извиваясь, вела к дому Алиджа. Возле дома сидели на длинной скамье нарты. Назовем их имена: Гиляхсыртан, Пануко, Пшая, Гутсакья и Сырдон. Эти нарты были непохожи на других богатырей, никогда никто с ними не дружил, поэтому, полные злобы, они дружили только друг с другом. Долговязый, худой Гиляхсыртан всегда радовался чужому горю, Пануко раздувался от спеси, грузный Пшая считал себя умнее всех, Гутсакья молот всякий вздор без умолку, Сырдон был кознелюбив.

Когда-то в молодости были и они славными воинами, смелыми наездниками, а потом разленились, их рукам стали желанными не мечи, а чаши с хмельным питьем, перестали они разить острыми стрелами врагов, полюбили они другое занятие — извергать хулу на молодых и храбрых.

Увидев мальчика, болтун Гутсакья сказал:

— Посмотрите, многотимые нарты! Какой-то мальчик, ростом с травинку, ведет коня за уздечку, сюда направляется!

— Не маленький это мальчик, не с травинку ростом, лет ему две-

надцать, если не больше, — сказал, издали поглядев на Сосруко, Сыр-дон.

А Пануко, чьи багровые щеки раздувала спесь, спросил мальчика:

— Чей ты сын? Чьим ты вскормлен молоком? Из какой ты земли?

Сосруко вежливо поклонился нартам, ответил с достоинством:

— Благородные богатыри! Мой отец — Урызмаг, вожак смелых. Моя мать — многомудрая Сатаней. Я не вскормлен молоком матери, я вскормлен кремнистым камнем Кавказских гор. И рожден я из камня Кавказских гор. Я — нарт, и я равен другим нартам.

Пшая сказал, задыхаясь от толщины своей:

— Несуразицу ты говоришь, глуп ты еще для беседы со старшими. Если ты сын Урызмага, то почему Урызмаг не знает о тебе? Не вчера ли он жаловался нам на свою бездетность? Если мать твоя Сатаней, то почему же ты явился на свет из чрева бездушного камня? Не сходится у тебя слово со словом. Поди прочь! Как смеешь ты, скудоумный, называть себя нартом, если даже разговаривать не научился с нартами как следует!

— Я теперь знаю, как следует вести разговор с такими, как вы, — сказал Сосруко. — Сейчас вы увидите, что слово у меня сходится со словом, а все слова — с делом.

Рядом со скамьей, на которой сидело пятеро завистников, возвышалась коновязь из чистого серебра. Девяносто и девять коней были привязаны к серебряным кольям — девяносто и девять коней девяноста и девяти нартвов, собравшихся в этот день в доме Алиджа.

Мальчик подошел к коновязи, схватил одного из коней и подбросил его как мяч. Конь взлетел над старым домом, а быстроногий Сосруко оббежал вокруг дома, подхватил падающего с высоты коня и поставил его на место. Так, одного за другим, перебросил Сосруко через дом Алиджа девяносто и девять мощнотелых скакунов. Он подбрасывал их и, проделав вокруг дома девяносто и девять кругов, подхватывал коней на лету и ставил их снова у коновязи. Пять злоедущих нартвов посмотрели друг на друга выпученными от изумления глазами. Грузный Пшая прогремел:

— Это наваждение, колдовской сын!

— Это адово отродье, эта отрыжка земли, этот наглый малец погубит весь нартский род! — уронил со своих тонких губ ядовитые слова Гиляхсыртан.

— Из-за него, безродного, мы лишимся нартской славы! — добавил кознелюбивый Сырдон.

— Что творится с нартской землей? — громко вопрошал Пануко, и багровели его наполненные спесью щеки. — Этот сосунок, этот ком грязи осмеливается разговаривать с нами, как с равными!

Болтун Гутсакья, который и мгновения помолчать не мог, рассмеялся:

— Братья-нарты, опомнитесь, чего вы испугались? Вы, наверно, забыли, каковы нартские кони? Они сами перепрыгнули через дом, взвились высоко над землею вдогонку друг за другом, а потом сами стали на место. Они уже не раз так забавлялись, я сам это видел, клянусь правдивостью, свойственной каждому нарту. А вы-то решили, что не кони резвы, а сосунок силен да удал. Откуда вы взяли, что такой малыш обладает неслыханной силой?

— О его силе повсюду рассказывают трое братьев-косцов, — сказал Сырдон. — Они говорят, что он поднял наковальню Девета, ту самую, которую мы можем едва-едва пошевелить, поднял ее, понес и вогнал снова, да уже не в седьмое дно земли, а пониже, в девятое. Помните мое слово, не будет нам добра от чужеродных!

— Пустое болтаете, почтенные воины, нет в нем никакой силы, — заговорил болтун Гутсакья, радуясь собственному голосу. — Все померещилось вам, братья-нарты. Перед вами всего лишь дитя, сосунок, он еще, клянусь богом животных, и в седле-то ни разу не сидел. А сядет в седло — его из-за луки седла не будет видно! Приглядитесь к нему, богатыри, посмотрите, как неумело он держит за уздечку свою жалкую лошадедку!

Раздраженный болтовней Гутсакьи, заржал таким могучим ржанием Тхожей, что зашатался подпираемый ста столбами дом Алиджа. Те, кто был в доме, выбежали во двор, крича: «Что случилось?» Был среди них и Урызмаг. Обремененный годами, он ступал медленно, вышел позднее всех. Он тоже был взволнован. «Неужели нартская земля затряслась?» — спросил старик у тех, кто выбежал из дома раньше. Не успели нарты ответить старому вожаку, как Сосруко вскочил на коня, обиженого злоречием, и заставил Тхожея подпрыгнуть до свода небесного, и увидели нарты, как шелковистая грива огнецветного коня коснулась дымного облака. Прошло одно лишь мгновение, а юный всадник уже снова был на земле перед домом Алиджа. Заметили нарты, что за это мгновение вырос мальчик на локоть и целый вершок.

Сосруко спешился, повел Тхожея за уздечку, потом остановился поодаль, то и дело поглядывая на богатырей.

Опираясь на посох, побрел Урызмаг домой. Сильно одряхлел телом былой вожак нартов, но разум его не старился, разум его оставался ровесником молодых. Непонятное волнение охватило его, когда он увидел маленького всадника. Решил Урызмаг, что нечего ему сейчас, в полудреме сидеть на Хасе нартов. Он хотел поделиться неясной, взволнованной думой с многомудрой Сатаней. Неторопливым шагом продвигался он к дому, не зная, что пятеро вероломных ведут в это время беседу.

Начал ее Сырдон:

— Житья нам не будет, поверьте мне, от сына Сатаней. Уже сейчас нет нам от нартов прежнего уважения, а Сосруко, вот увидите, превратит былую нашу славу в прах. Избавимся от Сосруко, пока не вырос нам на горе. А растет он быстро. Смотрите сами, вот он стоит на повороте тропинки: за одно мгновение он стал выше на локоть и целый вершок! Того и жди, когда вырастет, захватит он власть над нами, и мы, свободные нарты, должны будем ему подчиняться, как подневольные чинты своим князьям.

Грузный Пшая не согласился с Сырдоном: было в нем, толстомясом, зернышко жалости, пожалел он мальчика. Но, полагая себя умнее всех, завидовал он одряхлевшему Урызмагу, завидовал его громкому имени, не по нраву ему было то, что все еще признают нарты остроту ума Урызмага. Пшая сказал:

— Если избавимся от мальчика, что люди скажут о нас? А то они скажут, что не под силу теперь нам одолеть могучего врага, вот и лишили мы жизни беспомощного ребенка. Не от Сосруко надо нам избавиться, а от Урызмага. Его давно уже поджидают в Стране Мертвых, давно там спрашивают: скоро ли, мол, Урызмаг, станет жителем нашей страны?

— Хорошо ты говоришь, умнее ты всех нас, клянусь моей смекалкой! — похвалил Пшаю Гутсакья. — Только скажи, как мы избавимся от Урызмага: в корзине его сбросим с вершины горы, по нашему старому обычаю, или опять его заставим плыть в сундуке по волнам, пока не утонет в морской пучине?

— Убьем Урызмага другим способом, — сказал Пшая, довольный похвалой болтуна. — Унизим его сначала, а потом и жизни лишим. А придет время — чего нам спешить, — и Сосруко отправим вслед за

отцом в Страну Мертвых. Мой ум не спит, задумал я нечто необычное. Пошлем за Урызмагом, пусть придет на Хасу нартов.

— А кого пошлем? — спросил Пануко, спесиво раздувая багровые щеки.

— Да вот его и пошлем, — прошипел тонкогубый Гиляхсыртан и показал рукой на Сосруко. Громко и злобно захохотали пятеро завистников, понравилось им то, что предложил Гиляхсыртан, а тот позвал: — Поди сюда, малыш!

Сосруко, ведя коня за уздечку, подошел к пятерым, пожелал:

— Доброй беседы вам, почтенные нарты!

Не помнил Сосруко недавней обиды, он уважал всех нартов, не забыл он ни один из рассказов матери о подвигах смельчаков, мечтал он о дружбе с вольными богатырями. Грузный Пшая сказал мальчику:

— Поди за своим отцом, за уважаемым Урызмагом, скажи ему, что зовем его на Хасу. Захочет — поест он пищи с дымом, а пожелает — отведает пищи без дыма.

Посмотрел пристально Сосруко на грузного Пшаю, посмотрел на остальных, сидевших на длинной скамье, увидел в их глазах такие дурные думы, которые с мягкими словами Пшаи не сходились. Но была уже в мальчике горская выдержка, и виду не подал он, что заподозрил завистников в плохих намерениях. Он рассмеялся простодушно, по-детски:

— Понял я вас, великие воины! Пища с дымом — горячая, пища без дыма — холодная. Я пойду за отцом, я приведу сюда вожака нартов.

Вспомните, что Сосруко в этот день впервые встретился с отцом, и хотя мальчик смотрел на него издалека, увидел он в нем истинного богатыря. Зоркими своими глазами, даже днем различающими звезды на небе, Сосруко увидел разум, живо и остро светившийся в глазах отца. Счастлив был Сосруко, думая о том, что сейчас заговорит наконец с Урызмагом и услышит от него ответное отцовское слово. Но думал Сосруко и о том, что дурное замыслили против его отца пятеро завистников, и была боль в его маленьком сердце. Не часто на небе одновременно светят Солнце и Луна, но часто в сердце одновременно живут счастье и боль.

Сосруко спешился у ворот родного дома, привязал к столбу Тхожея, вошел в жилище родителей. Сатаней посмотрела на сына изумленными глазами, ибо она три года скрывала дитя свое от отца в под-

земелье. Урызмаг бросил на мальчика умный, пытливым, вопрошающий взгляд. Рожденный из камня поклонился старому отцу, поклонился матери, сияющей молодой прелестью, и сказал:

— Явился я как вестник. Нарты приглашают Урызмага на Хасу. Но я думаю, что вожака нартов ожидает в доме Алиджа не добро, а зло.

Урызмаг снова бросил на Сосруко внимательный взгляд. Крепким было булатное тело мальчика, мужеством дышало его детское личико. Что-то дрогнуло в старом сердце Урызмага, дрогнуло, зазеленело, засветилось. Но подавил свое волнение знаменитый нарт и сказал с нарочитой угрюмостью:

— Видишь, Сатаней, верная жена моя, до чего дошло: нарты присылают за мною не мужчину, а мальчишку. Оскорбить меня хотят былые мои сподвижники.

— Ты не прав, Урызмаг, — отвечала златокудрая дочь Солнца и Луны. — Этот мальчик — вестник того зла, которое задумали против тебя пятеро вероломных, пятеро завидующих. Для того чтобы возвестить добро, годится любой вестник, а зло возвещает только тот, кто храбр, кто не боится, кто его весть приведет в ярость воина, к которому он послан, кто не боится, что может жизнью своей заплатить за дурную весть. Понял ли ты теперь, что не унизили тебя богатыри, достойного гонца послали они за тобой! А зовут они тебя для того, чтобы умертвить, и такую смерть избрали они для тебя: говорит мне мое сердце, что хотят злоедушные тебя отравить хмельной брагой, смешанной с ядом. Поэтому, муж мой, душа моя бесценная, прошу тебя и заклинаю: пей хмельную брагу через медную трубочку!

— Через какую трубочку? — удивился Урызмаг.

Сатаней проколола дырку в горле мужа, вставила в горло медную трубочку, а другое отверстие трубочки оказалось во рту Урызмага. Вожак нартов медленно, опираясь на посох старости, побрел к дому Алиджа. За ним поодаль следовал Сосруко, держа за уздечку неразлучного друга Тхожея. Там, где начинала извиваться тропинка, ведущая к дому Алиджа, поджидали Урызмага девяносто и восемь нартов. Когда их прежний вожак приблизился к богатырям, обратился к Урызмагу, спесиво раздувая щеки, с такой речью багроволицый Пануко:

— Решили мы, нарты: хватит нам на Хасе нашей вести беседы да пить хмельную брагу. Пора нам за ум взяться, показать свою меткость, доказать свою силу. Сперва испытаем, кто из нас лучше всех

стреляет из лука. Цель — железная подпорка Алиджева дома. Мет-нем стрелу, а как попадет в мишень, попытаемся стрелу вытащить.

Девяносто и восемь нартов натянули тетивы богатырских луков. Урызмаг, девяносто девятый, был стар годами, но глаза его смотрели молодо, задорно. Только одна стрела попала в железную мишень, и то была стрела Урызмага! Изумились нарты, растерялись, друг на друга им смотреть было стыдно. Первым опомнился грузный Пшая. Он с важностью произнес:

— Не тот стрелок меткий, кто попадает в цель, а тот стрелок славный — и в этом-то мудрость, — кто в силах вытащить свою стрелу из мишени. Испытаем, братья-нарты, свою силу.

Так предложил Пшая, твердо надеясь, что старый Урызмаг ни за что не вытащит собственную стрелу. А Урызмаг сказал хрипло, ибо ему мешала вставленная в горло медная трубочка:

— Начинайте, братья-нарты. Стрела-то моя, — значит, мне последнему ее вытаскивать.

Видимо, Урызмаг подумал так: «Может быть, кто-нибудь вытащит стрелу прежде меня. А если дойдет черед до меня и я не вытащу, — не велика беда. Победил я, состязаясь в меткости, не зазорно мне, на исходе лет, проиграть, состязаясь в силе».

Девяносто и восемь нартов, напрягая всю богатырскую мощь свою, стали вытаскивать стрелу Урызмага из железной подпорки. Ничего у них не вышло. Как торчала стрела в мишени, дразня своим оперением, так и продолжала торчать, крепко засела в подпорке Алиджева дома.

Тогда мальчик Сосруко звонко крикнул:

— Я попробую!

Он подбежал к оперению стрелы и без всяких усилий выдернул ее из железной подпорки. Нарты были посрамлены — и кем! Мальчишкой! Но хватило им ума не прогнать Сосруко: мол, ничего особенного не совершил сын Сатаней. Если бы они приказали мальчику уйти, облеклось бы в слово то, что сильнее нартов оказался ребенок, а поступок, ставший словом, обретает право на вечность. Да ведь и не в самом доме Алиджа, а возле него происходит состязание, утешали себя богатыри, значит, не вступил Сосруко в дом их бесед и пиров, не допущен на Хасу нартов!

Долговязый Гиляхсыртан, напоминавший змею, вытянувшуюся от-весно, прошипел:

— Начнем испытание мечей. Надо разрубить одним ударом два толстых железных вертела.

Девяносто восемь нартских мечей ударили по двум сложенным вместе железным вертелам, но только слегка поцарапали их. Наступила очередь Урызмага. Отвыкли его морщинистые руки от рукояти, ибо таков был обычай у нартвов: взялся рукой за рукоять — так вытаскивай меч и руби, а Урызмаг давно уже не шел в битву с обнаженным мечом. И вот теперь тяжело, не сноровно вытаскивал он из ножен свой некогда славный меч. И так больно, при взгляде на отца, стало сердцу Сосруко, бьющемуся в булатной груди, что не выдержал мальчик, обнажил меч, сработанный из косы бога плодородия, и быстрым, ловким ударом рассек пополам два железных вертела. Увидели нарты, что опозорил их Сосруко, что мальчуган оказался сильнее и ловчее зрелых мужей, и охватил их стыд: не высокий стыд совести, а мелкий стыд самолюбия. Только грузный Пшая был спокоен, ибо его никогда не покидала уверенность в том, что он умнее всех: таким лукавым и потешным счастьем наградила его судьба! Пшая сказал:

— Хватит нам игр и забав, займемся делом! Войдем в дом Алиджа, отведаем хмельной браги.

Девяносто и девять богатырей скрылись в доме, а мальчуган Сосруко остался на дворе: ведь не было у него права восседать на Хасе нартвов. Огнецветный конь его, опустив голову, склонился к юному всаднику, утешно касаясь его своей шелковистой гривой.

А мы заглянем в дом Алиджа. Вот сажают Урызмага на место почета, вот преподносят ему чашу с пенистой брагой. Хороша брага, хмельна и сладка, да с отравой. Урызмаг пьет брагу, пьет через медную трубочку, брага из трубочки льется на пол, возле ног старика — большая лужа. Раздаются крики:

— Он опьянел от первой чаши! Он под себя ходит! Не пристало ему восседать на Хасе нартвов! Пора такого дряхлого, бесполезного старика сбросить в пропасть с вершины горы!

Не все нарты кричали так, а только пятеро вероломных, но зловещим был крик пятерых, ибо пятеро вероломных способны заглушить голоса множества добронравных. Тут и поднял чашу Гиляхсыртан — не ради здравия, а ради угрозы.

— Пусть у старого кабана затупятся зубы, пусть старого кабана съедят до кости муравьи!

Эту угрозу услышал Сосруко, ибо Гиляхсыртан произносил свои слова так громко, что задрожали стены покосившегося дома. Сосруко подбежал к жилищу Алиджа, вышиб одним ударом стену между столбами, ворвался в дом, поднял Урызмага на руки, вынес его на двор, посадил на коня и поскакал домой. Перед воротами дома Сосруко почтительно помог старику спешиться, вытащил трубочку из его продырявленного горла. Урызмаг не сказал ему ни слова, только опять посмотрел на мальчика живыми, острыми, вопрошающими глазами. Старый нарт вошел в дом, Сосруко и Тхожей остались на дворе.

— Подобру-поздорову ли ты вернулся, Урызмаг? — спросила Сатаней. — Что узнал на Хасе нартов из того, о чем не знал раньше?

— Узнал я одного малыша, — ответил Урызмаг. — Как войдет он в годы, будет знаменитым нартом, полюбят его люди.

— Ты хотел бы, милый муж, чтобы этот малыш был твоим братом?

— Нет, не хотел бы. Недаром говорится у нас: «Брат тогда тебе брат, когда ты сильнее его. А если ты слабее, не брат он тебе».

— Хотел бы ты, любезный сердцу моему супруг, чтобы этот малыш был твоим сыном?

— Хотел бы, златокудрая жена моя, да к чему хотение мое — не дала нам судьба ребенка.

И тогда сказала Сатаней, ликование и нежность были в ее словах.

— Этот малыш — твой сын, твоя опора-скала. Три года назад мои родители, Солнце и Луна, низринули с высоты на землю два своих луча, и те лучи, ослепительно соединившись, вывели, как резцом, на камне образ дитяти. Девет извлек дитя из камня, закалил мальчика, а я дала нашему сыну имя Сосруко, Рожденный из камня.

— Как же случилось, что мальчик родился в мое отсутствие? — спросил сердито Урызмаг, и уже грубое слово собиралось сорваться с его языка, но вовремя вспомнил Урызмаг, как поклялся когда-то жене своей, что никогда не скажет ей грубого слова.

Поняла Сатаней, что творится в душе Урызмага, и спросила:

— Почему потемнели твои глаза? Чем ты огорчен, супруг мой? Разве не мечтал ты о сыне, разве не сбылась наконец мечта твоих долгих лет?

Пока Урызмаг в растерянности, в смятении и еще не веря в свое счастье, искал наилучшие слова для ответа, его сын Сосруко, как бы угадав, что наступил такой миг, когда он должен показаться отцу,

вбежал в дом и припал к коленям Урызмага. Почудилось Урызмагу, что очаг жизни зажегся в его бездетном доме и обдал старого нарта ласковым, долгожданным теплом. Урызмаг обнял мальчика и сказал:

— Ты моя опора-скала, сын мой, Рожденный из камня.

КАК СОСРУКО ВЕРНУЛ БОГАТЫРЯМ СЕМЕНА ПРОСА И ВПЕРВЫЕ ПОЯВИЛСЯ НА ХАСЕ НАРТОВ

Прошло, казалось, всего лишь несколько дней с того мгновения, как Урызмаг узнал, что он — отец необыкновенного мальчика, Рожденного из камня, а увидели все, что преобразился белоголовый нарт, глаза его под седыми дугами бровей отныне смотрели не только живо и остро, но и радостно, стан выпрямился, не дремал теперь старик, слушая шутки ровесников или задорные речи юношей.

Однажды, когда Урызмаг приготовился осушить преподнесенный ему рог с хмельной брагой, неожиданно появился на Хасе нартов бог плодородия. Его белая борода походила на волнистое облако. Он сказал:

— Говорю всем, кто еще в силах носить чужаки на ногах: устал я! До сих пор я помогал людям, в меру своей силы, собирать урожай проса. Но число людей стало больше, а сила моя уменьшилась. Сын Фука, того самого, которого некогда уничтожил Урызмаг, — мой давний враг. Жестокий бог недорода и бескормицы, он гордится своей губительной мощью, гордится и грозит, что отомстит нартам за смерть своего отца, бога засухи: наступят, мол, на земле неурожайные годы, умрут людишки с голоду! Вот и решил я подарить каждому нарту по одному зерну проса. Благодатные это зерна: целый котел крутой каши можно получить, если сварить одно зерно. Берегите, нарты, мои семена, они спасут вас, если недород и бескормица нагрянут на ваши поля. Каждый год сейте семена, а первый обмолот нового урожая оставляйте на следующий год.

Нарты поблагодарили владыку плодородия, провозгласили в честь его здравицу:

— Да возвеличишься ты, старец-даритель, ибо ты — щедрый источник нашего благоденствия!

Бог плодородия был доволен хвалой, он покинул Хасу нар-

тов, ушел, а дни стали проходить за днями. Когда нарты сварили крутую кашу из семян проса, подаренных владыкой плодородия, все поразились: из каждого зерна вышел целый котел вкусной пищи! Тогда и был установлен среди нартов обычай: первую заздравную чашу осушать в честь того, кто дарует земле плодородие. А его благодатные семена нарты хранили в медном амбаре, стерегли амбар днем и ночью.

Сын Фука, бог бескормицы и недорода, задумал выкрасть из медного амбара семена проса. Велика была его губительная мощь, но покуда еще не такова, чтобы одолеть владыку плодородия, а с нартами, решил сын Фука, справиться будет легко, и наконец-то он получит семена чудесного проса, о которых мечтал долгими столетиями, попирует он на собственном своем поле, а на всей остальной земле попирует недород, отпразднует свой страшный праздник бескормица!

Сын Фука лицом походил на одноглазого великана, телом — на дракона. Когда настала ночь такая же темная, как наружное дно котла, сын Фука пробрался в нартское селение, подполз к амбару и ударил по нему своим драконьим хвостом. Удар был такой силы, что прогремел гром и вспыхнула молния, озарившая ночное небо. Нарт — хранитель амбара — был убит, а сам амбар раскололся надвое. Сын Фука схватил семена проса и пустился в бегство. Трава на его пути выжигалась драконьим хвостом.

Утром нарты проснулись, и один сказал другому:

— Сильная ударила вчера молния! А гром был такой, что дома дрожали.

Посмотрели нарты — а медный их амбар расколот надвое. Кинулись к нему — семена исчезли, а нарт — хранитель амбара — убит.

Собрались нарты на свой богатырский сход. Как быть, что делать? После долгих споров решили, как всегда, когда им было трудно, попросить совета у многомудрой Сатаней. Выслушав их, Сатаней сказала сурово:

— Давно уже на благодатные семена проса зарился сын краснотелого Фука. Не раз пытался бог недорода и бескормицы отнять чудесные семена силой, да не мог одолеть доброго бога. А теперь владыка плодородия состарился, ослабел, и отдал он вам свои семена, чтобы сын Фука не отнял их у него. Но вы не уберегли семена. Плохо ваше дело, опозорили вы честь нартов, обрекли землю на голод.

— Как же нам быть? Неужели жить нам с опозоренной честью?

Неужели спокойно будем смотреть, как люди начнут умирать с голоду? Нет, пока мы живы, жива нартская честь, и мы отнимем у бога недорода и бескормицы наши семена!

— Теперь я слышу мужскую речь, — сказала Сатаней, и голос ее немного смягчился. — Я помогу вам. Я расскажу, как добраться до сына Фука. Слушайте. Сперва должны вы пересечь семь горных цепей. Затем доедете до того места, где Солнце поднимается по небосклону...

— Ого, как далеко! — перебил нарт Ашамез.

— Это один пробег для хорошего всадника, — возразила Сатаней и продолжала: — Поедете дальше, переплывете три малых моря и семь великих морей, достигнете того места, где Солнце опускается по небосклону...

— Ого, как далеко! — не выдержал нарт Уахсит.

— Это три пробега для умелого всадника, — сказала Сатаней. — Поедете дальше, достигнете того места, где Солнце заходит за край неба. Там и стоит крепость сына Фука.

— Ого, как далеко, — покачал головой нарт Сибилчи. — Мы за всю жизнь не доберемся до этого места.

— Доберетесь, если тронетесь в путь, — рассердилась дочь Солнца и Луны, которая знала земные дороги. И добавила: — Неужели вы хотите навсегда отдать богу бескормицы и недорода те семена проса, которые спасут людей от голода?

Сатаней пристыдила нартов. Они снова собрались на совет и порешили отправить в дальний путь Бадына: он почитался в то время самым храбрым и выносливым среди воинов. В дом Бадына вступил глава нартских пиров и бесед Назрен Длиннобородый. Когда Назрен скакал верхом, его борода покрывала гриву лошади, потому-то и прозвали почтенного нарта Длиннобородым.

Увидев гостя, Бадын велел, чтобы Назрена пригласили во внутреннюю часть дома. У нартов был такой обычай: самых славных, самых дорогих гостей принимали не в кунацкой, а во внутренних покоях. Бадын приказал нарезать лань, откормленных быков, жирных баранов. Хозяйка дома, статная, высокая и, как мужчина, широкая в плечах, преподнесла Назрену рог светлой хмельной браги. Началось пирование, которое длилось семь дней и семь ночей. На восьмое утро Назрен Длиннобородый сказал:

— Большая честь выпала тебе, отважный Бадын. Решили нарты

отправить тебя в далекий путь, чтобы ты отнял у вора, у бога недорода и бескормицы, благодатные семена проса. Отправили бы мы другого нарта, да храбрее тебя нет среди нас, а путь опасный, нелегкий, горским всадникам неведомый.

Бадын поблагодарил за честь, приказал снарядить своего сухопарого скакуна и пустился в путь. Прошел месяц, два миновало — нет Бадына: и сам исчез и слух о нем пропал. Отправили нарты вслед за Бадыном еще сорок всадников — не вернулись и они. Отчаяние охватило Страну Нартов. А когда мужчины в отчаянии — горе женщинам и детям! Но Сосруко родился не для горя, а для счастья людского. Удрученный всеобщей тревогой, он спросил у матери:

— Мать, где живет сын Фука, из-за которого Страна Нартов в глубокой печали?

— Сынок, зачем тебе знать, где он живет?

— Я хочу отправиться к нему. Я верну нартам семена проса, благодатные семена владыки плодородия.

— Ты еще мал, сынок, еще не созрел для такого дальнего, трудного пути, для борьбы с жестоким богом бескормицы и недорода.

— Если я, человек, родился из твердого камня, то могу ли я допустить, чтобы перестало родиться просо из мягкой земли? Могу ли я быть спокойным, если нартская земля в тревоге?

То были слова мужчины, и, услышав их, Сатаней возликовала. Она так ответила сыну:

— Вижу, Сосруко, что настал срок твоего богатырства. Я помогу тебе, расскажу, как добраться до врага людского рода. Ты пересечешь семь горных цепей и достигнешь того места, где Солнце поднимается по небосклону. Если не доедешь...

— Это, мать, для Тхожея — один скачок, — сказал Сосруко.

— Поедешь дальше, пересечешь семьсот рек, а там как раз то место, где Солнце стоит посередине неба. Если не доедешь...

— Это для Тхожея — два скачка.

— Хорошо. Поедешь дальше, переплывешь три малых моря и семь великих морей. Достигнешь того места, где Солнце касается края неба. Но если не достигнешь...

— Это три скачка.

— Тогда, сынок, — воскликнула Сатаней, сияя самым светлым счастьем мира, счастьем матери, — ты увидишь крепость бога недоро-

да и бескормицы! Она стоит на том самом месте, где Солнце заходит за край неба.

— Скажи мне, мать, почему сын красноликого Фука обитает там, где Солнце заходит за край неба?

— Потому что он зол и жаден. Он хочет уничтожить все, что приносит людям радость. Он и на солнечный свет зарится. Ведь где свет Солнца, там и цвет садов и полей. Вот и поселился ненавистник жизни там, где Солнце за край неба заходит, думает, что в темноте, тайно от людей и богов, ему удастся проглотить лучи Солнца.

Напутствуемый Сатаней, Сосруко сел на Тхожея и, облаченный в доспехи битвы, поскакал за семенами благодатного проса. Долго ехал, и пересек семь горных цепей, и достиг того места, где Солнце поднимается по небосклону. Здесь он остановился, чтобы подтянуть подпруги, и двинулся дальше. Долго ехал, миновал семьсот рек, достиг того места, где Солнце выходит на середину неба. Здесь он только чуть замедлил бег коня, подтянул на скаку подпруги и, не останавливаясь, поехал дальше. Переплыл юный всадник три малых моря и семь великих морей и достиг того места, где Солнце касается края неба. А небо там было мглистое, неприветливое. Сосруко остановился, подтянул подпруги, сам подтянулся и сказал Тхожею:

— Мы вступаем во владения исконного врага людей. Прошу тебя, верный мой сотоварищ, сделай все, что в силах сделать конь, скачи вперед, подняв голову к небу!

Тхожей проржал:

— Клянусь покровителем животных, что не пожалею себя, сделаю все, что в силах сделать конь. А ты не робей, Сосруко, я хорошо знаю эти места. Я родился поблизости — на дне седьмого великого моря от кобылицы Тхож и ускакал отсюда в горы нартской земли, ибо судьбою было мне заповедано стать твоим конем, твоим сподвижником...

Там, где начинались владения сына козлобородого Фука, возвышалась высокая, бестравная горная вершина. На вершине стоял дозорный. То был человек, то был нарт! В одной нагольной шубенке стоял он и в зной и в дождь. В зной шубенка его коробилась, в дождь вытягивалась. Сын Фука возлежал внизу, в крепости, а дозорный докладывал ему обо всем, что видел с бестравной вершины. Заметив одинокого всадника, дозорный крикнул сыну Фука:

— Скачет всадник.

— А как скачет? — спросил сын Фука.
— По бездорожью.
— А по какой стороне он скачет?
— Он не ищет тенистой стороны. Он скачет, объятый заходящим пылающим Солнцем.
— А что он ест в пути? Не сладкие ли яблоки и сочные груши?
— Он ест самые кислые яблоки и самые горькие груши.
— А что он пьет в пути? Не родниковую ли чистую воду?
— Он не ищет прозрачных источников. Он пьет, что попадает на пути.

— Не по вкусу мне этот всадник. Не похож он на тех, которых я убил. Но пусть едет. А как доедет до моих Меч-ворот, то слетит голова его, а я посажу ту голову на кол — рядом с другими сорока нартскими головами. Только тебя я пощадил, ибо мне нужен был дозорный. Я оставил тебе жизнь, так ты за это послужи мне: жизнь дорогого стоит! Я пойду: мне нужно вспахать поле, чтобы посеять для себя семена проса. Не столько радости я предвкушаю от крутой каши, сколько от мысли, что я похитил семена владыки плодородия! А ты, как только мои Меч-ворота обезглавят всадника, возьми его голову и посади на кол, рядом с головами тех безумцев, которые пытались отнять у меня благодатные семена. Ты-то умен, ты-то понял, что борьба со мною бесполезна, бессмысленна, тебе и жизнь оставлена. А глупому суждена смерть.

Сын Фука вперил единственный глаз в скачущего всадника, потом отвернулся и двинулся в ущелье, волоча за собой свой драконий хвост. Следил за всадником и дозорный. Он подумал: «Кто это скачет сюда? Не узнаю в нем никого из нартв-сподвижников. Увы, и этот храбрец погибнет, обезглавленный Меч-воротами, а помочь я, несчастный, ему не в силах!»

Между тем Сосруко подъехал к логову одноглазого Фука. Оно было опоясано семью крепостными стенами, и только через единственные ворота можно было проникнуть в крепость. То были не простые ворота, а огромные мечи. Даже птица не могла пролететь через такие ворота: мечи смыкались и рассекали птицу надвое.

Едва Сосруко приблизился к Меч-воротам, как раздался звон: зазвенели мощные лезвия, ударяясь друг о друга.

— Ого, — удивился юный всадник, — впервые вижу такие ворота!

Он выдернул волос из хвоста коня и бросил этот волос в ворота. Лезвия сомкнулись и рассекли волос надвое. Сосруко воскликнул:

— Девет, первый нартский кузнец, слышишь ли ты меня? Ты сковал мне меч из косы бога плодородия. Разве такая коса не сильнее Меч-ворот бога недорода и бескормицы? Не я, неопытный и незрелый, вступил в первую битву: это плодородие вступило в схватку с бескормицей!

Так сказав, Сосруко отъехал назад, ринулся как вихрь вперед и на всем скаку взмахнул мечом и рассек Меч-ворота. Мощные лезвия упали с протяжным, жалобным звоном. Сосруко въехал в крепость, пригибаясь под огромными рукоятями, которые низко и бессильно повисли над всадником. Дозорный, увидев, что воин одолел Меч-ворота, был поражен и обрадован. Он спустился с вершины навстречу всаднику и узнал его.

— Сосруко, дитя мое, ты ли это?

Узнал и Сосруко дозорного:

— Добрый день, храбрый Бадын! А мы-то считали, что ты пропал без вести.

— Не я пропал, а честь моя пропала, — ответил Бадын, ибо это был он. — Не успел я доехать до Меч-ворот, как попал в плен к сыну Фука. Обхватил он меня драконьим хвостом и сказал: «Либо убью тебя, либо подарю тебе жизнь, а жизнь дорогого стоит. Станешь у меня дозорным. Выбирай». Вот я и выбрал жизнь, стою днем и ночью, в дождь и зной, в нагольной шубенке, сообщаю своему хозяину о приближающихся воинах.

— И об этих сорока ты сообщал? — спросил Сосруко и показал на сорок голов на сорока колах.

— Моя вина, — тяжело вздохнул Бадын.

— Как же ты говоришь, что выбрал жизнь? Ты выбрал смерть, ибо только ей ты служишь. А гибель в борьбе со злом и есть начало новой жизни.

— Ты прав, Сосруко, видно, камень, из которого ты родился, дал тебе не только силу тела, но и силу души и разума.

— Камень, из которого я родился, — Кавказских гор камень. Слезы наших женщин орошали его, терпение наших мужчин сделало его твердым, два луча, солнечный и лунный, ослепительно соединившись, вывели на нем мой образ. А ты, Бадын, утратив свободу нарта, утратил ли и образ нарта?

— Не утратил я образ нарта, — с твердостью камня сказал Бадын. — Я помогу тебе, и ты отнимешь у бога-вора семена проса. Знай: эти семена хранятся в кожаном мешке, а мешок у сына Фука. Наш супостат взял его с собой и отправился пахать. А пашет он на вершине высокой горы.

Сосруко посмотрел на вершину утрюмой, скалистой горы и понял, что взобраться на нее будет нелегко. Он спросил:

— Разве злоедушный бог не нашел себе лучшего поля?

— Ты, видно, плохо знаешь сына Фука. Он выбрал для пашни эту неприступную вершину, чтобы просо не досталось людям, ибо ни один всадник еще не сумел взобраться на эту вершину.

Сосруко направил коня к подножию горы. Гора была крута и высока. Ее скалы, поросшие колючками и мохом, обрывались над бездной. Тропинок не было. При виде этих скал Сосруко пришел в ярость, ударил плетью коня, и Тхожей, будто почуяв крылья, взлетел на вершину горы.

Глазам Сосруко открылось поле. Бог недорода и бескормицы пахал, согнув свое драконье тело, а на суке исполинского дерева висел кожаный мешок с семенами проса.

«Хорошо обернулось мое дело!» — подумал Сосруко, помчался к дереву, сорвал кожаный мешок и ускорился. Бог недорода и бескормицы выпрямился, посмотрел единственным глазом на быстро удаляющегося всадника. А тот спустился к подножию горы, посадил к себе в седло поджидавшего его Бадына, и оба нарты помчались, опережая ветер. Сын Фука, глядя на них сверху, захохотал:

— Никуда вы, людишки, горная мелюзга, не укачете от меня!

Злобный сын Фука не торопясь пошел домой, не спеша поел, отдыхнул немного. А в это время Тхожей, на всем скаку, обратился к хозяину с такой речью:

— У бога недорода и бескормицы есть треногий конь. Видишь, как получилось: седок одноглазый, а конь треногий. Я и треногий конь родился от одной матери, от морской кобылицы Тхож. Я — второе дитя, а первенца увел сын Фука. Ни резвостью, ни быстротой, ни силой не уступлю я старшему брату, ибо и он и я отведали по три раза материнского молока, — сколько он, столько и я. Если же ты хочешь, чтобы я был сильнее старшего брата, отпусти меня к матери, на дно седьмого великого моря. Я отведаю в четвертый раз ее молока, стану непобедимым, недосыгаемым для треногого и вернусь к тебе.

— В своем ли ты уме, милый Тхожей, — встревожился Сосруко. — Не близок путь до самого великого моря! Не то что назад вернуться — и туда не успеешь доскакать, как примчится на треногом сын Фука, и тогда мне и нарту Бадynu — конец.

— Ах, Сосруко, — обиделся Тхожей, — помни, что коню-сподвижнику надо верить.

— Хорошо, — согласился Сосруко. — Возвращайся поскорей. А мы, Бадын и я, будем тебя ждать под широким тополем.

Всадники спешили, а Тхожей ускакал к матери, к морской кобылице. Бадын и Сосруко направились к тополю, чтобы сделать привал в его тени, но и до края тени дойти не успели, как Тхожей прибежал назад. Сосруко сильно удивился, спросил:

— Почему ты вернулся? Ты раздумал скакать к матери?

— Я уже был у матери, на дне седьмого великого моря, я уже отведал в четвертый раз материнского молока, — проржал в ответ огнецветный Тхожей.

— Какой же ты быстрый! — восхитился Сосруко.

— Нет, я еще не показал своей быстроты: туда я шел шагом, а назад возвращался мелкой рысью. Только теперь вы оба, ты и Бадын, увидите мою быстроту. Садитесь на меня.

Сели на коня взрослый нарт и юный всадник, а Тхожей не торопится, идет шагом. Оглянулись воины — за ними несется во весь опор бог недорода и бескормицы верхом на вороном треногом коне. Треногий скачет во весь опор, Тхожей идет шагом, а не может старший сын морской кобылицы догнать младшего брата. Злодушный бог рассердился, ударил треногого коня тяжелой свинцовой плетью. Пожалел сын Фука, что не было у него волшебной ременной плети: пригодилась бы она ему сейчас, превратила бы треногого коня в крылатого! Но, обладая одним оком, сын Фука был расположен к одноглазым чудовищам, вот и подарил он когда-то свою волшебную плеть тому самому одноглазому, который был властелином белой княгини, подарил, а сам остался с простой плетью, со свинцовой. Он крепко бил треногого коня, и дорогу огласил вопль старшего сына морской кобылицы:

— Эй, огнецветный, мы с тобой родились от одной матери, от кобылицы Тхож, узнаю тебя по твоей огненной масти, по твоей резвости! Видишь ли, слышишь ли, как меня избивает всадник? Пожалей меня, милый брат, остановись!

Но Тхожей продолжал идти шагом, а сын Фука все сильнее и сильнее хлестал свинцовой плетью несчастного вороного. «Эх, надо было мне отнять назад волшебную плетть у одноглазого великана, хозяина белой княгини, пригодилась бы сейчас!» — думал сын Фука, не зная, что одноглазое чудовище давно уже превратилось в ослицу, — не помогла ему волшебная плетть! А треногий конь завопил опять:

— Милый брат, пожалей меня, дай нагнать тебя!

Тхожей, вполоборота повернув голову, ответил старшему брату:

— Мне ли, младшему, учить тебя? Вспомни наставление матери: если глупый и злой седок бьет тебя, сбрось его и пришибей к земле ударом своих копыт!

Вороной послушался младшего брата, рванулся под самые облака и сбросил сына Фука. Одноглазый бог недорода и бескормицы полетел вниз головой и разбился о камни пропасти, а из пропасти поднялось на поверхность земли пламя: это драконий хвост злоедушного бога ударился в пропасти о скалу и вспыхнула молния.

Не будет теперь на земле недорода и бескормицы, один урожайный год последует за другим, плодоносным, победил воин Добра злого бога! А вороной конь, почувя волю, поскакал к седьмому великому морю, к своей матери, морской кобылице.

Долго ехал Сосруко, держа перед собой кожаный мешок с семенами благодатного проса. Вместе с ним был в одном седле нарт Бадын. Когда прибыли всадники в Страну Нартов, Бадын сказал:

— Многое понял я, глядя на тебя, Сосруко. Раньше я думал, что тот истинный человек, кто истинный нарт. А теперь я узнал, что тот истинный нарт, кто истинный человек, а тот человек истинный, чей подвиг не для почета и знатности, а для блага людей. Ступай домой, отдохни с дороги, а я пойду к богатырям-сподвижникам, я приду с заветным кожаным мешком, я расскажу о твоём подвиге — пусть позовут тебя на Хасу нартов, тебя, победившего бога недорода и бескормицы, тебя, вернувшего нартам благодатные семена проса! И пусть удостоят тебя самой великой чести, пусть первому тебе дадут отвесть крутую кашу, приготовленную из нового урожая.

С ликованием, с почестями встретила земля нартов Бадына, пропавшего без вести и теперь вернувшегося из далекого далека. Бадын заслужил любовь нартов своею отвагой, к тому же принадлежал он к почтенному, всеми уважаемому роду, но вы зададите нам вопрос,

вы, слушающие нашу повесть: разве Бадын победил бога недорода и бескормицы? Разве Бадын вернул земле нартвов благодатные семена проса? «Это сделал Сосруко, — честно говорил Бадын своим друзьям, восседая на самом почетном месте на сходе богатырей. — Мы, нартвы, — говорил Бадын, — должны гордиться таким воином Добра, как Сосруко, земля нартвов должна быть ему благодарна. Он вызволил меня из позорного плена, и я не успокоюсь, пока мы не пригласим Сосруко на Хасу нартвов, как равные — равного!»

Речь Бадына одобрил глава нартских пиров и бесед Назрен Длиннобородый. Но тут встал с места Пануко. Его багровые щеки раздувала спесь. Он сказал:

— Мало ли в мире худородных и чернокостных? Если мы будем приглашать на Хасу нартвов всех, кого произвели на свет пришлые женщины, неизвестно как и откуда забредшие в Страну Нартвов, то не хватит места на Хасе людям родовитым и знатым.

Сел Пануко, поднялся Гиляхсыртан. С его тонких губ, словно капли яда, потекли такие слова:

— Кто из вас, братья-нарты, видел Сосруко в бою — в пешем или в конном? Кто боролся с ним? Кто изведаль силу его меча? Никто! Может быть, Бадыну померещилось, что Сосруко рассек Меч-ворота? Или, может быть, вы скажете, что сын Фука пал от меча сына Сатаней? Он упал в пропасть, ибо его сбросил туда его собственный конь. Нет подвигов у Сосруко! Неужели среди славных воинов мы дадим место этому сосунку?

Как ни был грузен Пшая, но и он поднялся, чтобы блеснуть и удивить умом:

— На Хасе нартвов достоин быть только тот, кто познал просторы мира, кто рассек мечом горные скалы, кто прошел моря и сушу. А Сосруко и через овражек не перейдет, он еще дитя малое!

— Умен Пшая, верно говорит: не перейдет Сосруко даже через овражек, нельзя ему позволить восседать среди нартвов! — крикнул кознелюбивый Сырдон, как бы забыв, что Сосруко прошел там, куда побоялись двинуться самые смелые нартвы, что Сосруко вернул Стране Нартвов семена благодатного проса.

А болтун Гутсакья добавил, радуясь, как все пустословы, звукам собственного голоса:

— Мы закалили наши тела в битвах — а Сосруко? Мы пролили

реки вражеской крови — а Сосруко? Мы угнали многочисленные стада у чинтов — а Сосруко? А Сосруко — дитя малое, рано ему восседать на Хасе нарттов.

Понимали пятеро завистников: теперь, когда Сосруко вернул Стране Нарттов семена благодатного проса, возвеличится имя юного богатыря, а их имена развеются как прах. Сама ненависть говорила устами этих пятерых!

Слушал их глава пиров нартских Назрен Длиннобородый и с укором смотрел на завистников и зложелателей. Слушали их и другие нартты, и гул неодобрения, подобно гулу горной реки весною, прокатился по дому Алиджа. Слушал Урызмаг, но нельзя было понять, дошли ли до его старческого слуха поношения пятерых. Да и негоже ему было поднимать голос за собственного сына. Но поднял свой голос Бадын:

— Стыдитесь, пятеро злобных смутьянов! Ваши слова — ложь! Кто сказал, что Сосруко не изведал просторы мира, если он пересекает семь горных цепей, переплыл три малых моря и семь морей великих? Вы-то сами сделали это? Сосруко не богат годами, но богат отвагой, он и выглядит богатырем, а вы-то богатыри? Все ваши слова — клевета и навет, кроме одного: не пролил еще Сосруко вражеской крови. Но сын Сатаней совершил подвиг добра без кровопролития, и хотя сын Фука погиб не от его меча, он погиб потому, что Сосруко явился ум и бесстрашие. Сосруко сделал то, чего не сумели сделать мы, зрелые мужи. А если вы говорите, что Сосруко — худородный да чернокостный, то разве мы, как чинты, делим людей на господ и слуг, разве каждый нарт не равен другому нарту?

Правильные слова говорил Бадын: равны были нартты между собою, равны, да не одинаковы. Тот выделялся отвагой, другой — выносливостью, третий ловко плясал, четвертый был умен и прозорлив, а Сосруко обладал всеми этими достоинствами, потому-то завидовали ему пятеро злоедущих, ибо сами они во всем уступали Сосруко...

Назрен Длиннобородый предложил:

— Позовем Сосруко, поглядим — мужчина ли он, достоин ли восседать на Хасе нарттов. Кто пойдет за ним?

— Я пойду за ним, — обрадовался Гутсакья, обрадовался тому, что еще раз раскроет рот, но теперь уже не для пустой болтовни, а для зова-приглашения.

Вот и пришел он в дом Сатаней. Златокудрая умница кроила новую черкеску сыну, поистрепанную в пути, а булатнотелый сын ее отдыхал на постели. Увидев гостя, Сосруко встал. Гутсакья поздоровался, как велит обычай, и произнес:

— Хотят нарты позвать Сосруко на Хасу, заслужил он этой чести своим подвигом, да четверо возражают. Гиляхсыртан говорит, что Сосруко еще из пеленок не вышел; Пшая говорит, что Сосруко еще не мужчина; Сырдон — противник худородных и чернокостных; Пануко напоминает, что еще ни разу не пролил Рожденный из камня вражеской крови. Но мы, досточтимые нарты, и я среди них, клянусь пирами нартакими, решили так: пусть придет Сосруко в дом Алиджа, пусть докажет, что он достоин звания нарта. Как поступишь, Сосруко?

Сосруко молча вышел на двор. Следом за ним — Сатаней и Гутсакья. Сосруко дал коню две меры кремня, чтобы Тхожей сил набрался. Огнецветный конь грыз камень, и от его губ отлетали искры. А Сосруко обнажил меч, проверил его остроту: размахнулся и ударил огромный камень — нет горского двора без камня! — и рассек камень пополам. Да еще сказал при этом:

— Ты видишь, Гутсакья, мой меч, сработанный из косы бога плодородия, как бы сам выскакивает из ножен, чует врага на расстоянии. Запомни и Расскажи об этом кому следует.

Проверил Сосруко и крепость своего сердца: он ударился оземь булатной грудью — и принял тело земли. Сатаней, любуясь своим сыном, благословила его:

— Поезжай на Хасу, докажи, сын мой милый, братьям-нартам, что не напрасно закалил тебя Девет, что ты, Рожденный из камня, достоин песни! Да сияют дни твои, да повсюду прославляет человек твои дела, пусть песня о твоей отваге и благородстве опережает тебя в пути. Поезжай, мальчик мой, на Хасу, вернись ко мне мужчиной!

Сосруко поблагодарил мать за напутственное слово, сел на коня, отправился на Хасу. Заторопился туда пешим ходом и Гутсакья. А Сатаней, оставшись дома, склонилась над черкеской, которую кроила для сына, и стала гадать по ножницам. Лезвия сходились и расходились, а мать по звуку сдвигаемых колец пыталась выведать у судьбы, что будет с ее ненаглядным сыном на Хасе нартов.

К дому Алиджа между тем приблизился верховой. Загремел гром, затряслась долина, и нарты испугались:

— Что за гром загремел? Почему долина затряслась? Кто этот

всадник? Кто осмелился нарушить покой и веселое пиршество нартов?

Когда Сосруко спешился, привязал коня к коновязи, вступил в дом и почтительно всем поклонился, нарты успокоились, и долина успокоилась вместе с ними. Назрен Длиннобородый ласково посмотрел на Сосруко и сказал:

— Почему ты насупил чело, Сосруко? Мы ждали тебя. Сними доспехи, потолкуй с нартами. Спляши на Хасе — покажи свою статью. Поиграй колесом — покажи свое проворство. Вступи в борьбу с именитыми богатырями — покажи свою мощь, дитя мое.

Такими словами приветствовал глава нартских пиров и бесед Рожденного из камня, и нарты встали с места в честь того, кто вернул их земле благодатные семена проса, кто уничтожил, на радость людям и полям, бога бескормицы и недорода. Пануко, тая злобу, подошел к юному богатырю с большим рогом хмельной браги и сказал:

— Выпей, если ты достоин рога нартов!

Сосруко поднял рог, провозгласил здравицу — никогда еще не слышали нарты подобных слов:

— Я пью за то, чтобы все люди, какие есть на земле, стали богатырями-нартами. Я пью за то, чтобы ни один человек никогда не проливал крови другого человека. Я пью за то, чтобы каждый человек был равен другому человеку!

— Что же, выходит, что нарт даже чинту равен? Что даже чинтскую кровь проливать не надо? — спросил вернувшийся в это время в дом Алиджа болтун Гутсакья. — Эй, Сосруко, поверь мне, мальчик, еще нет в тебе нартского ума, не то что для битвы — ты еще для хорошей здравницы не созрел!

Гутсакья, довольный собой, посмотрел на братьев-нартов — он ждал их одобрения, но как бы не слышали нарты болтовни Гутсакьи. Не снизошел до ответа пустослову и Сосруко. Не моргнув глазом, он осушил большой рог с хмельной брагой. Тогда Гиляхсыртан преподнес ему второй рог, еще больше первого. Из уст двоедушного нарта потекли такие слова:

— Говорят, Сосруко, что у тебя два отца: один отец — Урызмаг, сидящий здесь, между нами, другой отец — камень, валявшийся возле горной речки. А раз ты отпрыск двух отцов, то осуши два рога.

Сосруко и глазом не моргнув, осушил второй рог. Но тут же по-

дошел к нему грузный Пшая с третьим рогом, и был третий рог еще больше второго.

— Есть такой обычай, — с кичливым превосходством сказал грузный Пшая. — Кто впервые вступает в бой, должен победить трех противников, чтобы заслужить звание нарта. Пир, конечно, не сражение, не хотим тебе, мальчуган, задавать трудную задачу, многого от тебя не требуем: осуши три рога, раз уж ты пожелал восседать на Хасе нартов!

Так сказав, обвел Пшая всех богатырей довольным взглядом, как бы вызывая их на то, чтобы они восхитились его умом. Но глава пира, Назрен Длиннобородый, не принял его слов:

— Сосруко осушил два больших рога, и хватит. Третий рог считаю лишним. Сердце и кости юного нарта еще не окрепли. Хмель его осилит, свалит с ног. Образумьтесь, воины!

Сосруко, хотя и понимал притворство и лицемерие злоедущных, помнил и другое: если не осушит он третий рог, то потеряет уважение старших нартов, прослышет робким, слабым. Таковы люди: забудут нарты, что уничтожил Сосруко владыку бескормицы и недорода, а вот что он отказался от третьего рога, не забудут никогда! И Сосруко осушил третий рог. Запылала, запела, заиграла в нем душа. Он вскочил на круглый столик и пустился в пляс. А попробуйте плясать, когда столик под ногами маленький, а сам-то он на трех ногах, а на столике яства и посуда!

Сосруко плясал, забыв обо всем на свете. Он крутился вихрем, не касаясь блюд и чащ. Но вскоре даже маленький треногий столик показался плясуну чересчур широким, и Сосруко закружился по краям чаши с острой приправой.

Что это был за танец! Это плясали горская величавость и горское озорство, веселое лукавство и тяжелый труд, плясали меткость охотника и неусыпность пастуха, плясало детство мира и древность его! Сосруко танцевал, не колебля приправы в чаше, ни одной капли не пролив. А Хаса ходила ходуном!

Сосруко спрыгнул на пол и весело крикнул:

— Поглядите, нарты: вот я весь перед вами, ни от кого не таюсь. Хотите проверить меткость наших стрел? Начиная, Гиляхсыртан, а за тобою — мой черед. Хотите проверить мощь телесную? Начиная, грузный Пшая, а за тобой — мой черед. Хотите проверить, ловок ли я в игре? Начиная, Пануко, или ты, Сырдон, или ты, Гут-

сакья, поиграем колесом. Вот я весь перед вами, ни от кого не таюсь!

Тревожно стало на душе у нартов от веселого, победного голоса юного Сосруко. Смотрят на него нарты, а он и впрямь весь перед ними, ни от кого не таится, но весь он — тайна, и разгадка тайны еще впереди!

Делать нечего, вышли нарты на двор. Пануко, надув спесью щеки, достал из колчана стрелу, приставил ее к натянутой тетиве и пустил прямо в небо. Нарты зарезали овцу, сняли шкуру — и в этот миг прилетела из-за тучи стрела и вонзилась в землю возле разделанной туши. Умение стрелка восхитило нартов.

— Теперь мой черед, — сказал Сосруко и пустил в небо стрелу. Нарты зарезали быка, разделали тушу, опустили мясо в котел, а стрелы не видно! Долго варилась бычатиная, а стрелы нет как нет.

Стал грузный Пшая издеваться над новичком:

— Ты еще не мужчина, Сосруко! Где твоя стрела? Затерялась, пропала. Рано тебе, мальчуган, состязаться с нами в стрельбе.

Развеселил Пшая нартов, раздался их дружный смех — и оборвался: стрела Сосруко слетела с заоблачной вышины, вонзилась в круглый столик, пробила его середину. И среди внезапной тишины радостно воскликнул чистый сердцем Назрен Длиннобородый:

— Слава тебе, Сосруко! Ты удивил богатырей удалством стрелы, ты принес нартскому роду счастье. А скажи, так же ли метко ты ударишь стрелою по цели?

Над родником у дома Алиджа, у самого обрыва, рос густолиственный дуб. В его листьях нарты спрятали золотое колечко. Гиляхсыртан метнул из лука стрелу. Стрела пролетела сквозь гущу листьев, но и листка не задела, не коснулась колечка. Настал черед Сосруко — и разом он сбил с дуба золотое колечко своей стрелой. Доволен был Назрен Длиннобородый, крикнул он, торжествуя:

— Сосруко, быстрокий наш, острозоркий! Удивил ты нартов, доказал свою меткость. Чем еще нас удивишь?

Рожденный из камня подошел к грузному Пшае и предложил:

— Пшая с крепкой шеей и лукавой душою! Вступим в единоборство. Попробуем вогнать друг друга в землю. Ты начни, а за тобою — мой черед.

Грузный Пшая схватил Сосруко, легко поднял его и с размаху вогнал в землю по колени. Настал черед Сосруко. Он поднял Пшаю,

хотя велик был вес толстомясого бахвала, поднял его высоко и кинул на землю, вогнал Пшаю в глубину земли по самые плечи, потом вытащил снова, снова поднял, снова кинул и вогнал его в землю так, что накрыла нартская земля голову Пшаи. Потом Сосруко вырвал Пшаю из глубины земли и поставил его на посмешище нартам. А четыре зложелателя посмотрели друг на друга и закричали в смятении:

— Разве это игра-забава? Это смертоубийство! Сосруко, пожалей наши головы! Лучше колесом поиграй, сын Сатаней!

А Сосруко:

— Вот я весь перед вами, ни от кого не таюсь. Если Хаса желает, поиграем колесом, покатаем его по Хараме-горе.

Было у нартов громадное колесо с острыми выступами. Оно имело имя Жан-Шерх и предназначалось для забавы. А забава была не для всякого. С вершины Харамы-горы пускали колесо, чей поперечник был равен расстоянию, на котором слышен человеческий крик. Не было у нартов веревки такой длины, которая могла бы обхватить колесо Жан-Шерх! Когда колесо пускали с вершины горы, богатырь, стоявший у подножия, должен был толкнуть бешено катившееся на него колесо сначала рукой, потом грудью, толкнуть с такой силой, чтобы колесо покатилося назад, наверх.

Вот и пошли нарты к Хараме-горе. Двенадцать самых сильных воинов покатали Жан-Шерх на вершину горы. С подножия донесся до них веселый клич Сосруко:

— Кто силен? Кто храбр? Начнем состязание!

Но уже хорошо поняли враги Сосруко, каков Рожденный из камня, боялись булатнотелого, медлили, не хотели начинать игру. Снова загремел клич Рожденного из камня:

— Ладно, уступаю начало состязания одному из вас. Согласен, не я первый толкну колесо с горы. А кто его толкнет на меня? Ты, Сырдон? Начинай! Вот я весь перед тобою, не таюсь от тебя.

Сырдон толкнул колесо, пустил его с вершины горы, крикнул сверху:

— Бей, худородный, как хочешь, бей, чернокостный, как можешь!

Уверен был Сырдон, что громадное колесо раздавит Рожденного из камня. Но едва оно приблизилось к Сосруко, как ударил его сын Сатаней сильной рукой, возвратил наверх. Сырдон затрепетал. Он опять крикнул с горы:

— Ты нам на погибель родился, что ли? А ну-ка, ударь колесо грудью!

Сосруко ударил Жан-Шерх булатной грудью, вернул колесо на вершину горы. Тут все нарты вздрогнули, уstraшились: победил в трудном состязании-забаве юный воин! Но Сырдон крикнул сверху:

— Ты рожден не как мы, ты рожден из камня, так ударь колесо в третий раз, ударь лбом — и мы примем тебя в нартский круг!

Не успел Назрен Длиннобородый вмешаться в игру, ибо неправильно говорил Сырдон, как огромное колесо с острыми выступами покатилося с горы в третий раз. Сосруко ударил его своим булатным лбом, вернул колесо на вершину Харамы-горы. Пятеро завистников поникли головой, бессильное молчание сковало их губы, один только Гутсакья не выдержал:

— Всегда я говорил, что Сосруко — несравненный нарт, всем говорил, что Сосруко...

Видно, длинную речь затеял болтун, но его прервал Назрен Длиннобородый. Глава нартских пиров и бесед приказал:

— Введите Сосруко под руки на Хасу нартв! Вручите могучему богатырю чашу мужества! Посадите Сосруко на почетное место! Удостойте молодого нарта великой чести — первым отведасть крутую кашу, приготовленную из нового урожая проса!

Горские богатыри накрыли девять треногих столиков. Девять суток длился пир в честь нового нарта, девять суток провозглашались здравицы: восхваляли и Сосруко, и его отца Урызмага, присутствовавшего в доме Алиджа и гордившегося необыкновенным своим сыном, и златокудрую Сатаней. На десятое утро Сосруко верхом на Тхожее отправился домой. У порога ждала его мать. Она спросила, волнуясь:

— Что ты видел, что ты слышал на Хасе нартв? Как тебя встретили прославленные богатыри? Кто тебя хвалил и величал? Мужчины ли ты вернулся к матери, ненаглядный мой?

Сосруко ответил спокойно, не торопясь:

— Я отправился на Хасу нартв как мужчина. и вернулся как мужчина. Ничего особенного не произошло. Немного мы попили, немного поели. И никто меня там не величал, не славил, да никто и не ругал, пожалуй!

КАК СОСУРКО ВВЕЛ В СТРАНЕ НАРТОВ НОВЫЙ ОБЫЧАЙ

О нартских обычаях Сосруко узнал от Сатаней еще тогда, когда мать прятала его в подземелье: Сатаней хотела, чтобы ее сын, в недалекий срок, предстал перед людьми не как невежда, а как знаток законов и правил. Нартские обычаи нравились Рожденному из камня, ибо все они, кроме одного, были порождены разумом. Ему нравилось, что истинный нарт был сметлив без коварства, отважен без заносчивости, осторожен без робости, гостеприимен без чванства. Ему нравилось, что нарты высоко чтили женщин, преклоняясь перед их мудростью, восхваляя благонаравно молчавших, трудолюбивых, нежных. Они так уважали женщин, что на любые их вопросы обязаны были ответить немедленно и правдиво, и превыше всего на свете возвышали нарты своих матерей.

Но был у нартвов один старый обычай, который не нравился Сосруко. Да и кому бы он понравился? Обычай был очень старый, но и очень плохой, и вы, внимающие нам, которые вам рассказывают только сущую правду, уже об этом обычае слышали.

Когда мужчина становился таким дряхлым, что не мог вытащить на три четверти меч из ножен, не мог сесть без чужой помощи на коня, не мог натянуть лук, чтоб подстрелить дичь, и не было у него уже силы, чтобы надеть на ноги ноговицы, чтобы держать грабли в руках, чтобы сложить копну сена, не было уже у него силы, чтобы не дремать, охраняя стада, — сажали этого дряхлого старца в плетеную корзину и выносили из селения. Выносили и поднимали на вершину Горы Старости. К плетеной корзине приделывали большие каменные колеса и пускали корзину вниз по обрыву — в пропасть. А чтобы не слишком горько и больно было старику, столкнуть корзину в пропасть поручали обычно его старшему сыну. Так поступали со всеми стариками. А со старухами так не поступали, ибо превыше всего ценили нарты Землю — начало растущего и Мать — начало живущего.

Настало время, когда вконец обессилел Урызмаг, одряхлел. Он дремал на Хасе нартвов, а если и открывал глаза, то лишь для того, чтобы беззлобно подшутить над тяжелым по весу, но легким по уму и знаниям Пшаей. А Пшая считал, что он умнее всех, вот он и предложил, осушив рог с хмельной брагой:

— Сосруко принят в нартский круг, обязан он исполнять все обы-

чаи нартские. Тому, кто соблюдает обычаи, — почет, тому, кто их нарушает, — позор. Чтобы честь его не опозорилась, пусть Сосруко столкнет в пропасть отца своего. Великим храбрецом был Урызмаг, водил он когда-то богатырей в набеги и походы, мы это не забыли, но обычаи не знает изъятия, ибо каждый нарт равен другому нарту, и что предназначено одному, то предназначено и другому.

Сосруко любил своего отца, которого он узнал не так, как все дети, не в ту пору, когда качался в люльке, а поздно, когда уже владел мечом и конем. Чувствовал Сосруко, что разум не мог родить такой безрассудный обычай, такой бесчеловечный — сбрасывать стариков в пропасть. «Я и с чужим мне человеком не вправе так поступать, — думал, негодовал, мучился Сосруко, — так неужели я должен собственными руками столкнуть в пропасть родного отца, и только потому, что он обессилел под бременем годов?»

Но хорошо знал Сосруко, что нарушение обычая — позор, а позор для нарта — страшнее смерти. Печаль поселилась в душе Сосруко, и если бы нарты не ценили превыше всего Мать — начало живущего, рассердился бы Сосруко на Сатаней, которая не старилась от движения лет и по-прежнему сверкала юной прелестью. Но не только красавицей была Сатаней — была она и предвещательницей, и утешила она булатнотелого, ненаглядного сына:

— Не тоскуй, единственный мой, пришло горе — придет за ним и радость!

Сосруко не принял утешных слов матери. Он сплел из хвороста корзину, посадил в нее отца и поднял его на вершину Горы Старости. Там он приделал к корзине два огромных каменных колеса и сказал:

— Отправляю тебя, отец, на гибель. Не меня вини, а плохой нартский обычай. Прощай!

Дряхлый Урызмаг не произнес в ответ ни единого слова, и от этого предсмертного молчания стало еще тяжелее горе Сосруко. Он толкнул корзину, и она покатилась дорогой смерти. Все ближе и ближе она опускалась на своих каменных колесах к пропасти, все чаще и чаще билось в булатной груди сердце Сосруко.

У самого края пропасти корзина внезапно остановилась, зацепившись за пень. Ветер стал раскачивать ее над бездной. Белая борода Урызмага развевалась на ветру. Старик не выдержал, рассмеялся, и предсмертный смех отца испугал Сосруко еще больше, чем предсмертное молчание. Крикнул Сосруко с вершины горы:

— Отец, чему ты смеешься?

Урызмаг ответил, не переставая смеяться:

— Я подумал, что, когда ты одряхлеешь и твой сын сбросит тебя с Горы Старости, твоя корзина тоже зацепится, быть может, за этот самый пенёк. Разве это не смешно?

Простодушный смех отца, приговоренного к смерти, ранил Сосруко в самое сердце. Он спустился по уступам скал к отцу и сказал:

— Пусть нарты делают со мною что хотят, но я не отправлю тебя по дороге смерти!

— Если желаешь знать правду, сынок, — ответил, сидя в плетеной корзине, старик, — то я не очень большой охотник болтаться без дела в Стране Мертвых. Разумеется, верно то, что бесполезная жизнь хуже смерти. Но разве я уже не в силах принести людям пользу? Я не могу воевать, не могу пахать землю, не могу пасти стадо, не могу стрелять дичь, но я могу думать!

Сосруко вытащил отца из корзины, столкнул корзину в пропасть и под грохот ее каменных колес поднял отца на руки и отнес его в горную пещеру, сокрытую от людских глаз густым лесом. Положив отца на травяное ложе, он сказал Урызмагу:

— Отец, здесь и живи, живи тайно, чтобы никто не узнал о тебе, иначе нарты разгневаются на меня за нарушение обычая, обрекут на позор. А я каждую неделю буду приносить тебе пищу.

Так шло время. Урызмаг жил тайно в пещере, занимался тем, что думал, дремал, слушал пение лесных птишек. Сосруко приносил ему каждую неделю пищу, приготовленную умелыми руками златокудрой Сатаней.

Вы, слушающие нашу повесть, понимаете ли, что это значит — жить в одиночестве, жить тайно и думать? А понятно ли вам горе сына? Приходилось ли вам прятать отца в пещере и, чтобы никто не видел, приносить ему пищу? Выпадала ли вам на долю страшная участь — отправлять родного отца по дороге смерти? Много ли вы знаете о человеческих горестях? А что вам известно о радостях человеческих?

Были, были радости у нартов, и одна из радостей именовалась золотым яблоком. Удивительная яблоня росла в нартском саду. Весной она белела, как будто мать-земля, дородная кормилица, облила ее своим грудным молоком, а летом одно только яблоко созревало каждый день на дереве, и было это яблоко золотым. Да не в золоте было

дело, а в том, что необыкновенное яблоко исцеляло людей от всякой болезни и заживало любые раны.

Но вот стряслась беда: каждый день созревало на ветви яблоко, зрело весь день, а ночью кто-то его похищал. Утром созревало новое яблоко, но и оно исчезало ночью. Нарты поочередно стерегли яблоно, а вора поймать не удавалось. И вора нет, и яблока нет!

А надо сказать, что не просто было вору забраться в нартский сад, ибо сад был огорожен оградой из оленьих рогов, и так высока была ограда, что не всякая птица могла перелететь через нее.

Сосруко приносил отцу в пещеру не только пищу, приносил ему каждую неделю и всякие новости, чтобы знал старик, что творится в Стране Нартов. Рассказал Сосруко и о пропаже золотых целительных яблок. Урызмага выслушал рассказ, подумал, сказал сыну:

— Я знаю, как помочь нартам, как спасти золотые яблоки. Пусть тот, кто стережет дерево, метнет из лука стрелу в голубку, которая перелетит через ограду, а когда он ранит птицу и та улетит, пусть он сперва соберет в платок капли запекшейся крови, а потом пойдет по кровавому следу. Пусть он отыщет ту, которую ранил, пусть приведет ее в Страну Нартов. Тогда перестанут пропадать золотые яблоки.

Сосруко, придя на Хасу нартвов, спросил у главы пиров и бесед, у Назрена Длиннобородого:

— Кому сегодня черед стеречь яблоно?

— Юноша Ахсартат будет сегодня сторожить в нартском саду, — ответил, тяжело вздыхая, Назрен Длиннобородый. — Да что толку в стороже, все равно не убережет он яблоко.

— Я помогу советом, — сказал Сосруко и повторил слова Урызмага, выдав их за свои собственные: не мог же он признаться нартам, что нарушил обычай, что не сбросил Урызмага в пропасть в плетеной корзине!

Решили нарты поступить, как посоветовал Сосруко. И вот, едва забелело утро, увидел юноша Ахсартат, стороживший сад, что поверх оленьих рогов ограды пролетела голубка, опустилась на ветви яблоно, и целительное яблоко засверкало золотым невиданным сверканием. Не успела голубка клюнуть яблоко, как Ахсартат пустил из лука стрелу, и стрела ранила голубку в шею. Птица улетела, роняя алые капли крови. По земле протянулся кровавый след.

Ахсартат, как советовал Рожденный из камня, бережно собрал

капли запекшейся крови в шелковый платок, спрятал платок за ногу и пошел по алому следу. Дорога привела юношу к берегу моря. Ахсартаг заткнул полы черкески за пояс и опустился на морское дно. А на дне моря был подводный мир, было как на земле: зеленели луга, поднимались горы, волновались долинныя травы, только над головой было не лазурное небо, а лазурное море.

Долго шел молодой нарт по подводной тверди и увидел дворец, чьи стены были из чистого жемчуга. Вошел он во дворец, а там пол из голубого хрустала, с потолка светит утренняя звезда. На сиденье из редкостных самоцветов восседал в глубоком унынии величавый старик с бороною такого же цвета, как и хрустальный пол. То был Донбеттыр, царь морей и всех соленых вод.

— Да будет счастье в твоём жемчужном дворце, — приветствовал Ахсартаг морского царя.

— Не может быть мой дворец счастливым, — ответил владыка морей.

— Неужели не только на суше, но и в море есть страдание? — от всей души удивился нартский юноша. — Я слышал, что случается горевать земным князьям. Неужели и властелин морей знаком с горем?

— Горе у меня, — сказал Донбеттыр. — Единственная дочь моя Ахумида повадилась, на свою беду, в сад нартов. Там каждый день созревало на дереве золотое яблоко. Моя дочь, преобразившись в голубку, прилетала по ночам в сад и похищала яблоко: пришлось оно ей по вкусу. Не раз я говорил ей: «Нарты не терпят воровства, а яблоко это им нужно, оно исцеляет от ран, и сурово накажут вора горские богатыри. Не летай за яблоками!» Но Ахумида не хотела слушать меня, и судьба ее наказала: сторож-нарт ранил стрелой мою дочь.

— Неужели рана так тяжела, что нет средства исцелить морскую царевну? — спросил Ахсартаг.

— Исцелило бы её золотое яблоко, — сказал Донбеттыр, — да не успела Ахумида его похитить. Есть и другое средство. Если собрать капли крови, которые уронила раненая Ахумида на землю нартов, и наложить эти капли на её рану, то дочь моя будет спасена. Я вижу, ты не здешний житель, ты обитаешь на суше. Не могу понять, как ты нашел дорогу в мой подводный дворец, но могу понять, что нет у тебя капель запекшейся крови моей несчастной Ахумиды.

— Как наградишь ты, владыка морей, того, кто исцелит твою дочь?

— Я выдам Ахумиду замуж за ее спасителя, — обещал Донбеттыр.

— Тогда позволь мне переступить порог ее покоя, — сказал Ахсартаг. — Я исцелю Ахумиду.

Печальное лицо властелина морей и всех соленых вод засветилось свечением надежды. Он позволил нарту перешагнуть порог того покоя, где лежала морская царевна. Обомлел Ахсартаг, когда увидел Ахумиду: как волны морские, ниспадал с ложа красавицы поток ее волос, звезды смеялись на ее щеках, луны сияли на ее груди, рана аела на шее.

Ахсартаг достал из-за ноговицы шелковый платок, развернул его и наложил на рану Ахумиды запекшиеся капли ее крови, и зажила рана, даже следа от нее не осталось на белоснежной шее. Исцелилась морская царевна, стала в семь раз краше прежнего. В тот же день в подводном дворце сыграли свадьбу. Ну и плясал же Ахсартаг на хрустальном полу, ну и восхитил же он подводных жителей буйной горской пляской!

Неделю молодые прожили в доме морского царя, а потом простились они с Донбеттыром, выбрались из пучины моря на сушу. Привел Ахсартаг в Страну Нартов красавицу жену. Обрадовались нарты новой невестке, обрадовались и тому, что отныне перестанут пропадать из нартского сада золотые целительные яблоки. И родство с владыкой морей и всех соленых вод было нартам по душе, и восхваляли богатыри булатнотелого Сосруко за его мудрый совет.

Но прошло время, и опять горе постигло нартов: начался у них небывалый падеж скота. В живых осталось только несколько овец. Страх объял нартов: погибли все бараны, как же дадут потомство овцы? Исчезнут они с лица земли!

Собрались богатыри на свой сход, но ничего не могли придумать. Несколько раз открывал рот Пшая, но тут же закрывал его, ибо когда у народа горе, бахвалу и краснобаю нечего сказать. Тревога омрачила Страну Нартов. Эту тревогу увидел Урызмаг в глазах Сосруко, когда тот принес ему пищу. Старик спросил:

— Почему так пасмурен твой взгляд, Сосруко? Может быть, тебе надоело заботиться обо мне?

— Мне отрадна, отец, забота о тебе, — ответил Сосруко. — Но

безотрадно ныне в Стране Нартов. От падежа погиб скот, осталось только несколько овец, но как они дадут потомство, если нет баранов?

— Почему начался падеж скота? Разве бог — покровитель животных не охраняет больше ваши отары?

— Видно, не охраняет, — сказал Сосруко.

Урызмаг стал думать: другой работы ведь у него теперь не было. Подумав, старик рассмеялся, посоветовал сыну:

— Сходи к Ахсартагу, посмотри, как живет на поверхности земли его жене, морской царевне. Известно мне, что давно уже владыка животных неравнодушен к Ахумиде.

Сосруко спустился с горы и направился к жилищу Ахсартага. Не знал он, что молодой нарт уехал на охоту, что странные дела творятся в его доме.

Когда Ахсартаг гнался в лесной чащобе за ланью, его увидел бог — покровитель животных и подумал: «Я охраняю домашних животных, а не диких зверей. Добудь эту добычу, охотник, а я попытаюсь погнаться за другой добычей!» И вот на закате дня прискакал к дому Ахсартага неизвестный всадник. Острый рог, серебрясь, высывался из гущи его волос, а волосы, черные как уголь, спадали с его головы и сливались с черной бородой, доходившей до ног его коня. А под бровями, нависшими над волосами, которыми поросли его щеки, хитрым и хмельным блеском блестели его оленьего разреза глаза. Всадник спешил и сказал хозяйке дома, Ахумиде:

— Да не померкнет красота твоя, морская царевна! Ты отвергла меня, владыку и покровителя домашних животных, и ради кого? Ради юноши, ничем не примечательного. Да и что он за нарт, если только тем и славится, что ты его жена? Ладно, не стала ты женою мне, который не раз тебя просил об этом, так исполни мою другую просьбу, прими меня как гостя, расчеши мне волосы гребнем, погладь нежной рукою мой острый серебряный рог.

Как тут быть Ахумиде? Муж далеко, а с богами разве поспоришь? Впустила она в дом незваного гостя, расчесала гребнем его густые, жесткие кудри, провела рукой по острому его рогу. Разомлел бог, заснул покровитель животных. Ахумида положила его, сонного, в сундук и плотно прикрыла крышкой. Пусть вперед знает, как вести себя в гостях!

Так оказался владыка животных в доме нарта, и рог его, пробив

крышку сундука, серебрился своим острием. Не подумала Ахумида, родившаяся в море и плохо знавшая дела земли, что без покровителя тяжело придется мирным четвероногим, а в особенности слабым барашкам и овечкам. Кто их убережет от болезней, от метелей, от дикого зверья? Начался падеж скота, и не догадывалась морская царица, что надо выпустить из сундука влюбленного бога, чтобы спасти баранов и овец нартских.

Когда Сосруко пришел к Ахумиде и приветствовал ее, как велит обычай, Ахумида встретила его с почетом, а потом попросила:

— Помоги мне, благородный нарт, пособи мне, Рожденный из камня! Незванный гость у меня в сундуке, незванный да дерзкий. Как мне от него избавиться? Ахсартаг мой на охоте, только на тебя вся надежда!

Открыла Ахумида крышку сундука, и увидел Сосруко: лежит как чурбак владыка животных, тело его распухло, мало сказать, что распухло — покрылось оно ржавчиной, а борода его, еще недавно черная как уголь, посерела как зола. Почуввав дыхание свежего воздуха, покровитель животных открыл оленьего разреза глаза, вылез из сундука, разгладил бороду, поправил жесткие кудри, сказал:

— Это ты, нарт Сосруко? А я засиделся в гостях, заснул. Пора мне обойти дозором луга-пастбища, посмотреть, как живут мирные четвероногие твари, не обижают ли их буран, да метель, да дикий зверь.

Владыка животных вышел из дому, не глядя на хозяйку, сел на своего коня, стоявшего у коновязи, и поскакал на луга-пастбища. А Сосруко отправился к своему отцу, в горную пещеру. Поздоровавшись с сыном, Урызмаг спросил его:

— С пищей ты пришел ко мне или с рассказом? И то и другое мне по вкусу.

— С рассказом, — ответил Сосруко...

Ох и смеялся же Урызмаг, услышав от сына рассказ о неудачливом влюбленном боге, спрятанном в сундуке! Насмеявшись досыта, старик сказал:

— Смех смехом, а по вине Ахумиды начался падеж скота. Но не горюй, Сосруко. Погони оставшихся в живых овец на то место, где покровитель животных пас перворожденных баранов. Увидишь, что через год эти овцы дадут хорошее потомство.

Девет Златоликий однажды показал Рожденному из камня то

пастбище, где давным-давно, когда на земле появились первые бараны, свою отару пас покровитель животных, густоволосый бог с острым рогом и хмельным, хитрым взглядом. На это высокогорное пастбище и пригнал Сосруко бедных нартских овечек. Овцы понюхали землю, на которой паслись перворожденные бараны, предки всех нынешних баранов, и спустились в селение. На следующий год каждая из них принесла по три, по четыре, а то и по пять ягнят. Так в Стране Нартов опять появились отары овец, и люди были благодарны Рожденному из камня.

Прошло много времени, и снова горе посетило нартов: во время уборки урожая выпал небывалой силы град и побил весь ячмень. Остались нарты без ячменя, даже без семян ячменя. Не знали богатыри-землепашцы, как помочь своему горю. У Сатаней осталось еще с прошлого года немного ячменя. Она поджарила его и отправила Сосруко к отцу. Старый Урызмаг уже несколько лет жил в пещере без друзей, вдали от жены, вдали от жизни нартов, и потому каждое посещение сына было для него радостью. Но, увидев, что сын принес ему так мало ячменя, старик огорчился и сказал с обидой:

— Видно, я тебе надоел да и матери твоей надоел, если ты принес мне такую крохотную горсточку ячменя.

— Не обижайся, отец, — промолвил Сосруко, — у нартов — горе: град побил весь урожай ячменя, даже семян у нас не осталось. Не знаем, как нам быть, что делать.

Урызмаг подумал — полюбилось ему это занятие: думать — и ответил:

— Не надо горевать. Запряги волов и вспаши первый ток бога плодородия.

Сосруко запряг волов и поехал на ток бога плодородия. Зерна ячменя, которые рассыпались в давнишние времена, после первой на земле молотбы, дали теперь урожай. Снова появился в Стране Нартов ячмень, и, собрав его, устроили нарты пир. Первую здравицу провозгласили в честь Сосруко, спасшего нартскую землю от гибели золотых целительных яблок, от гибели овец, от гибели ячменя. Воздав хвалу Рожденному из камня, богатыри спросили его:

— Скажи нам теперь, Сосруко, как ты узнал, что золотые яблоки похищает морская царевна? Как ты устроил так, что овцы дали потомство, хотя все бараны погибли? Как ты получил обильный урожай ячменя, не посеяв зерен?

Сосруко вышел на середину Хасы и сказал:

— Нарты, не моя это заслуга.

— Чья же? — удивились нарты.

— Поклонитесь, что не разгневайтесь, не предадите меня позору, и я расскажу вам всю правду.

Эти слова еще более удивили нартов, и они дали ту клятву, которую потребовал Сосруко. И тогда Рожденный из камня сказал:

— Во мне так сильна любовь к моему отцу, что я не мог убить его. Нарушил я приказ Хасы. Я спрятал отца в пещере и стал каждую неделю приносить ему пищу. Это мой отец, дряхлый Урыз-маг, понял нестареющим умом своим, кто похищает золотые яблоки, это он меня научил, как поступить, когда был падеж скота и погиб ячмень. Если снова созревают в нартском саду целительные золотые яблоки, если снова пасутся на наших пастбищах отары овец, если снова собирают нарты обильные урожаи ячменя, то это не моя заслуга, а заслуга моего отца, вашего прежнего вожака. Я только следовал его советам. А если бы я столкнул его с Горы Старости в пропасть, то мы бы лишились и золотых яблок, и овец, и ячменя.

Выслушав Сосруко, нарты воскликнули:

— Да продлятся годы твои, Рожденный из камня! Ты был загадкой для нас, а теперь мы ее отгадали: ты — опора нартов, ибо ты — опора добра.

Нет, еще не отгадали до конца нарты, в чем тайна Сосруко. Но порешили они отменить старый обычай, ибо он плох. Порешили впредь не сбрасывать слабых стариков в плетеной корзине с Горы Старости в пропасть, а лелеять их поздний возраст, ибо если молодость действует, то старость мыслит, а только то деяние хорошо, которое следует за благой мыслью.

Так ввел Сосруко, опора добра, новый обычай в Страну Нартов. Это был славный обычай, и старики жили с тех пор до самого предела своих лет, наставляя нартов опытом и благословляя Сосруко.

Но сам Сосруко не дожил до старости. Может быть, не надо было вам, слушающим нашу повесть, говорить об этом прежде времени, огорчать вас, но ведь наш рассказ — суцая правда, а как бы ни была правда горька, она не огорчает человека, она возвышает его, ибо не только богатырский подвиг, но и душевная боль, рожденная правдой, есть проявление мужества и силы.

КАК СОСРУКО ПОХИТИЛ ОГОНЬ У БОГА ОГНЯ

Миновал год с того памятного дня, как Сосруко ввел в Страну Нартов новый обычай. За этот год вырос Рожденный из камня на три локтя и три вершка, стал настоящим воином-богатырем, хотя, по сравнению с другими нартами, росту он был невысокого. Зато высока была слава Сосруко, опорой добра называли его в нартских селениях. Немало воинов завидовали его славе, и, быть может, поэтому, когда задумали нарты двинуться в поход на чинтов, не взяли они с собою Сосруко. Видимо, завистники боялись, что в первом же сражении озарится новым блеском имя Сосруко, и оно, сверкая, затмит имена других воинов.

Когда нарты вступили в пустынные Гумские степи, настиг всадников лютый мороз. Весь мир, казалось, заоченел в ледяных оковах. Ноги лошадей приросли к мерзлой земле. А как назло, ни один из нартов не захватил с собой кресала, чтобы высечь огонь, развести костер, обогреться. Всадник спрашивал всадника:

- Эй, Ашамез, есть огонь?
- Нет, огня, нет огня!
- Эй, Сибилчи, есть огонь?
- Нет огня, нет огня!
- Эй, Сырдон, есть огонь?
- Нет огня, нет огня!
- Эй, Уахсит, есть огонь?
- Нет огня! Нет огня!

«Нет огня!» — повторяла и гудела вьюга в Гумских степях. Кто же отправляется в поход без огнива-кресала? Беспечными оказались на этот раз нарты. Сквозь гудение вьюги слышали они слово Назрена. Трудно было говорить главе пиров, ибо его длинная борода оледенела вместе с шелковой гривой его коня:

— Горе нам, нарты! Смертный холод окутывает нас! Ох и глупы мы, нарты, до чего же мы глупы! Надо было нам взять с собою Сосруко, уж он-то умен, сметлив, он без огнива никогда не поскачет в поход. Но мы позавидовали его славе, пустились в путь без него и теперь погибнем в холодных и пустынных Гумских степях!

Так, дрожа от стужи, запорошенный снегом, говорил Назрен Длиннобородый, но лишь то слово согревает, которое сказано в нужный срок, а позднее слово тепла не дает... В ту пору, когда не только нар-

ты и их гривастые кони — даже слова замерзали в Гумских степях, Сосруко, оставшийся в родном селении, спрашивал у своей золоволосяй матери:

— Почему нарты отправились в поход на чинтов?

— Потому что князя чинтские похищают у нартов скот, похищают девушек наших и продают их на невольничьих рынках, — ответила сыну златокудрая Сатаней.

— А разве и нарты не похищают скот у чинтских пастухов, не устраивают набеги на чинтские племена? Где же правда?

— Нарты считают, что правда там, где терпит поражение враг, ибо только правому достается победа.

— Разве победа человека над человеком есть правда? Разве правда не там, где мир между людьми, где человек побеждает одноглазых нелюдей?

— Сядь на коня, догони нартов и скажи им эти слова.

— Не взяли меня нарты с собою в поход, так пристало ли мне унижаться, напрашиваться к ним в соратники? Не хочу их догонять!

— Ради того, чтобы сказать людям слово правды, никогда не зазорно помчаться им вслед.

Уговорила Сатаней своего сына. Надел он высокий шлем на голову, прикрыл грудь кольчугой, вооружился копьем, мечом и луком и помчался по следам нартов в Гумские степи. Вьюжный гуд гудел в тех степях, морозная ночь лютовала на ровном просторе. В холоде-тумане увидел острозоркий Сосруко: нарты прижались друг к другу так тесно, что можно было набросить на всех одну папаху. Бороды их обросли сосульками, а длинная борода Назрена примерзла к обледеневшей гриве его коня.

— Что с вами, братья-нарты? — спросил Сосруко, и донеслись до него сквозь снежную метель голоса нартов:

— Морозная ночь хочет погубить нас в Гумских степях! Спаси нас! Дай огня! Разведи костер!

— Да будет вам удача, братья-нарты! Почему вы не захватили с собой огнива? Я-то в огниве не нуждаюсь, мое тело — булат, холода не боится. Но я вам помогу, сейчас вы обогреетесь.

Сосруко достал из колчана стрелу, приставил ее к тетиве лука, прицелился в звезду, которая горела на ночном студенom небе ярче всех других звезд. Стрела Рожденного из камня сбила звезду, и звезда упала на твердую, мерзлую землю, шумно рассыпая искры. Оттая-

ли нарты, протянули окоченевшие руки над пылавшей посреди степи звездой, обогрелись немного — а тут звезда и погасла. Решили нарты вернуться домой: кто же отправляется в дальний и трудный поход, не захватив с собой огнива? Конечно, стыдно было нартам возвращаться ни с чем, даже не доскавав до рубежей неприятеля, никогда еще нарты не знавали такого позора — но до почета ли им было? Не о победе над врагами теперь мечтали нарты, а мечтали о том, чтобы обогреться у домашнего очага, насладиться теплом жилья.

Вернулись нарты в родные места, но уже на окраине селения почувляли недоброе. Серая мгла низко нависала над крышами домов. Ни одной звезды не было на небе ночи, а ведь как хороша бывает ночь, когда звездный свет мирно льется над обиталищем людей, а свет очага разговаривает со светом звезд на искрящемся языке пламени! Могло показаться, будто вражеское полчище мглы, не встретив сопротивления, захватило Страну Нартов. Могло показаться, будто Страной Нартов овладела та немота, которая была до начала времен, если бы не слышался то в одном доме, то в другом плач ребенка. Когда конский топот прошумел на онемевшей земле, женщины и старики выбежали на улицу навстречу всадникам. И нарты узнали: нет огня в нартских селениях, нет огня! Очаги погасли, они стали похожи на могилы, и остывший пепел серел, как мгла. Ни одно огниво, как ни старались нарты, не способно было высечь огонь. Ни один котел не кипел в Стране Нартов, ни один светильник не пылал, ни один очаг не грел жильё: нет огня в Стране Нартов, есть только холод, тьма и страх!

Так, во тьме, холоде и страхе, провели нарты эту ночь в своих домах. Проснулись — очаги не горят, женщины в смятении, дети плачут, старики умоляют бога огня:

— Смилуйся над нами, владыка пламени, верни нам огонь, верни жизнь, ибо мир без огня — темная могила!

Не только люди — травы поникли в горе, деревья в бессилии опустили ветви, плоды увяли, сморщились листья: нет огня в Стране Нартов!

Многомудрая Сатаней сказала сыну:

— Ты решил стать воином правды, но твоя стрела принесла нам горе: ты сбил самую яркую звезду, ту самую, которую зажжет владыка огня себе и другим небожителям на радость. Бог разгневался, и не только на тебя, а на весь нартский род, и погасил огонь в наших очагах и светильниках, сделал бессильными наши огнива-кресала.

Сосруко, единственный мой, понимаешь ли ты, какая беда обрушилась на нас по твоей вине: мы погибнем без огня!

— Понимаю, мать, велика моя вина перед Страной Нартов. Мнесто, булатному, огонь не нужен, я холода не боюсь, но роду нартскому беда без тепла и света.

— Огонь и тебе нужен, сын мой. Необходим огонь человеку, чтобы жить, а жить нужно человеку, чтобы мыслить, чувствовать, светить миру, а можно ли светить миру, если в душе человека не будет огня? Ты должен добыть огонь, чтобы живущее продолжало жить.

— Где же я добуду огонь? — спросил Сосруко у матери.

— У бога огня. Ты видел, как по утрам из-за двуглавой вершины Эльбруса загорается ослепительный свет? Это на рассвете бог огня зажигает свой светильник. Ты видел, как ярко озарена вершина Эльбруса на закате? Это перед наступлением ночи разводит бог огня свой костер. Как хочешь — с помощью просьб или молений, с помощью меча или копья, — а раздобудь огонь у бога огня. Это вечный огонь, и он никогда не погаснет в наших очагах и светильниках, если ты принесешь хотя бы одну головню.

Сосруко надел высокий шлем, прикрыл булатную грудь кольчугой, составленной из железных колец, вооружился, оседлал коня, вскочил в седло и погнал верного Тхожея на вершину Эльбруса.

Нелегко был подъем. Пришлось всаднику преодолеть и глубокие пропасти, и скалистые кручи, и густые туманы, и лесные чащобы, и град, и выюгу, и камнепад. Но Тхожей перелетал через пропасти как птица, сквозь дебри лесные двигался как бурелом. Так выбрался Тхожей на долину, согретую Солнцем. Захотелось коню отдохнуть. Но Сосруко спешил и в гневе огрел коня плетью. Разгневался и Тхожей, ударил землю копытами, хотя копыта, как вы позднее узнаете, были его уязвимым местом, и вода, одетая в голубизну, поднялась из глубины земли. Вы, внимающие нашей повести, видели ли Голубое Озеро на пути к вершине Эльбруса? Да будет вам ведомо, что озеро возникло, когда Тхожей ударил копытами землю. А бывали ли вы в Чегемском ущелье? Так знайте, что Тхожей пробил это ущелье в горах, когда Сосруко мчался к богу огня, и земля вздрогнула под копытами коня, и низверглись водопады, — и поныне шумят они в Чегемском ущелье. Прислушайтесь к ним — водопады рассказывают о могучем беге необыкновенного коня.

Так доскакал Сосруко до двуглавой вершины Эльбруса. Но ока-

залось, что на горе была иная гора, и была та гора алого цвета. Понял Сосруко: то возвышалась гора пламени, то пылал исполинский костер, разведенный повелителем огня. Сосруко сказал:

— Тхожей, предстоит нам тяжкое испытание. Помни, что мы друзья-сотоварищи, помни, что конь есть часть существа всадника: не боится всадник — не боится и конь.

— У нас один путь, одна битва, одна дума, — ответил Тхожей коротко, и короткий ответ коня удесатерил силы всадника. Поскакал Рожденный из камня к Горе Огня, а из сердцевины алой горы прогремел голос. Увидел Сосруко, что сквозь пылающую громаду огня проступает лик еще более огненный, чем сам огонь. То был лик бога огня. Голос бога был громом, а слова — молниями:

— Чего тебе здесь надо, уголек серый, пепел остывший, пыль земная?

Крикнул Сосруко снизу:

— Да веки ты не погаснешь, повелитель пламени! А я не уголек, не пепел, не пыль, я — человек. Зовут меня Рожденным из камня. Я тебе не чужой, бог огня. Меня закалил Девет, первый нартский кузнец, а не от тебя ли родила Девета богиня земли? С просьбой я к тебе, всемогущий бог. Говорят, что ты добр, ибо только доброта светится, а ведь ты — свет наших светильников. Говорят, что ты отзывчив, ибо только отзывчивость греет, а ведь ты — тепло наших очагов. Почему же ты отнял у людей огонь? Погасли наши очаги, не кипят наши котлы, темны светильники наши. Мы погибнем, если ты нам не поможешь. Дай огня людям, дай огня!

От слов Сосруко так разгневался бог огня, что не только горы — своды небесные задрожали, и пожар охватил облака, и слова-молнии упали с высоты:

— Ты, значит, Сосруко, тот самый, кто сбил самую яркую мою звезду? Уходи, погибни внизу от холода и голода, ибо не достоин ты даже того, чтобы сгореть в моем огне!

— Согласен, всемогущий бог, виноват я перед тобою, хотя не со злым умыслом сбил я твою звезду, — я только хотел обогреть очо-ченевших нартов. Я виноват, меня и накажи. Но другие люди ничего дурного не совершили, почему же ты их обрекаешь на смерть? Разве дети кузнеца Девета — не твои потомки? А ведь и они принадлежат к людскому роду. Почему же ты хочешь гибели своих потомков?

— Потому что вы, люди, серая зола, забыли обо мне. Когда ваши

треногие столы уставлены яствами и напитками, когда вы поднимаете заздравную чашу, вспоминаете ли вы обо мне? Когда собираете обильное просо, отдаете ли мне часть урожая? Когда идете на рать, делитесь ли вы со мной ратной славой? Смотрю я — всех богов чтите вы: и нашего главу, давно уже почившего от трудов Тха, и дряхлого бога плодородия, и враждебную мне многоречивую богиню воды, и непутевого остророгого бога — покровителя животных, а мною, который нужнее вам всех богов, пренебрегаете вы, — мною, без которого не может жить живущее! Так ступай прочь, развейся, пепел серый, пыль земная!

— Дай огня, всесильный бог, дай огня людям! — не отступал Сосруко. — Не хочешь дать добром, так вступим в поединок. Если победа будет моя, то пусть и огонь будет моим.

— Хорошо, вступим в поединок, — захохотал бог огня. И смех его был громом, и громом загревели железные цепи, которые сами упали с вершины Эльбруса и сами обхватили тело Сосруко. Бог огня спустился вниз, вырвал Сосруко из седла и привязал нарта железными цепями к скале. Решил повелитель пламени: «Голод и жажда будут мучить его, но смерть, боясь моего огня, не приблизится к прикованному к скале. Будут у него и другие муки: пусть погибает этот человек, но, не погибнув, останется. Пусть не будет он в числе живых, но пусть и не числится мертвым».

Сосруко, прикованный богом огня к скале, крикнул Тхожею:

— Беги вниз, верный мой конь, пусть узнают братья-нарты о моей участи!

...Дни и ночи протекали над скалой, к которой прикован был Сосруко. Порою протяжно выли над ним ураганы, порою снегопад обрушивался на него, а иногда над ним Солнце сияло и ласкала его лучистым взглядом милоокая Луна. У подножия скалы плескался ручей, прозрачный, студеный, но и капелькой его влаги не мог утолить свою жажду Сосруко. Полно было ягод в горном лесу, но и малой ягодкой не мог утолить свой голод прикованный к скале нарт. И хотя голод и жажда мучили его, смерть боялась подступить к нему, ибо ее страшила Гора Огня. И стало так, что и не умер Сосруко, и в числе живых его не было. Только и было нарту радости, что изредка ветер весны дышал ему в лицо или дождь падал ему на губы. Оттуда, сверху, где пылал исполинский костер, ежедневно слетал орел, прислужник бога огня. Орел клевал булатную грудь Сосруко, хотел добраться

клювом до сердца Сосруко. Яростно клевал кроважадный хищник грудь нарта, и Сосруко даже иногда жалел, что смерть боится приблизиться к нему, — так страдал Рожденный из камня. Однажды Сосруко сказал прислужнику бога огня:

— Кто сильнее, ты или я?

— Глуп ты, Сосруко, — ответил орел. — У меня могучие крылья, а ты в цепях. Я лечу над горами, а ты навеки прикован к скале. Я клюю твою грудь, а ты ничего не можешь мне сделать.

— Равен ли ты, орел, каждому орлу?

— Есть орлы послабее меня, а их немало, есть и такие, но их число невелико, чьи крылья мощнее моих.

— У всех ли орлов есть господа?

— Нет, один только я изо всего орлиного рода слуга бога огня.

— Значит, не каждому орлу ты равен, ибо все они, и те, кто слабее тебя, и те, кто сильнее, ничьей власти над собою не признают. А я — человек, и даже прикованный к скале, терзаемый тобою, я равен любому человеку, и каждый из людей равен мне, и ничьей власти нет надо мной. Я сильнее тебя, орел!

Прислужник бога огня задумался, перестал клевать грудь Сосруко, взмахнул крыльями, поднялся ввысь. На другой день он снова прилетел с вершины горы и снова, но с еще большей яростью стал клевать булатную грудь Сосруко. Утомившись, орел сказал:

— Не сегодня, так завтра доберусь я до твоего сердца. Я сильнее тебя.

Прикованный к скале ничего не сказал в ответ орлу, но вы, слушающие наш сказ, могли бы так ответить прислужнику бога:

«Тебе кажется, орел, что ты сильнее Сосруко, потому что тело его — в железных цепях и ты безнаказанно можешь клевать его грудь. Твоя сила, глупец, не сила, а насилие, то есть видимость силы. Только Время — истинная сила. А Время не сегодня началось и не завтра кончится. Посмотри, как безнадежно движется твое время, орел! Оно движется в рабстве. Рассердится твой хозяин и сожжет тебя в своем огне, возьмет вместо тебя другого слугу. Значит, есть у тебя сегодня, есть у тебя, может быть, и завтра, а что у тебя за завтрашним днем? Ничего у тебя нет за завтрашним днем, ибо нет у тебя силы Времени. А у Сосруко есть сила Времени. Пусть он в твоей власти сегодня, пусть ты будешь клевать его грудь завтра, но придет Время, его Время, и он будет, а тебя не будет, потому что ты живешь для хозяина,

а он живет для равных, для людей. Время — это и судья, и воин. Время — это слезы людей и торжество людей. Время — это такая сила, которая не знает видимости или краткости существования. Глупец думает, что он силен насилием, ибо слабость трепещет перед ним, а мудрый знает, что он силен мощью Времени, ибо тот, кто слаб сегодня и слаб завтра, — слаб кажущейся слабостью, видимостью слабости, но могуч истинной силой, а имя этой силы — Время».

Между тем Тхожей, преодолев сотни преград, прибежал в Страну Нартов. Мучились люди без огня, темно и холодно было в их домах, темно и холодно было в каждом сердце. Но еще тяжелей стало горе нартов, когда они увидели Тхожея без всадника в седле. Знали нарты, что отправила многомудрая Сатаней своего сына за огнем к самому владыке пламени, и вот вернулся конь без всадника и поведал нартам, что бог огня приковал Сосруко железными цепями к скале и орел терзает грудь Рожденного из камня. Неужели погибнет Сосруко? Даже зложелатели славного богатыря приумолкли. А Страну Нартов охватило отчаяние, ибо она лишилась опоры добра — отважного Сосруко.

Нарты собрались на свою Хасу. Долго думали, долго спорили: всем ли вместе двинуться на выручку Сосруко, всем ли войском поскать или послать кого-нибудь из тех богатырей, кто имеет обыкновение странствовать по лицу земли в одиночестве? Считали себя нарты сильнее воинств чинтских князей, не боялись они битвы и с од-ноглазыми, но трепет внушал им бог огня.

Тогда выступил вперед мощный воин. Был он молод, но имя его уже гремело в Стране Нартов. Один взмах его меча был равен ста ударам. На коне он возвышался как шатер. Его бранный клич приводил в содрогание скопища врагов. Его завтраком был бык, его обедом был олень. Его звали Бадынóко, сын Бадына. Он сказал:

— Братья-нарты, я отправлюсь на выручку Сосруко. Когда-то Сосруко вызволил моего отца Бадына из позорного плена у бога бес-кормицы и недорода. Будет справедливым, если я помогу Рожденно-му из камня освободиться от власти бога огня. Это не только мой долг богатырский, — это мой долг сыновний.

— И я поеду с тобою, — сказал нарт Батра́дз, ловкий наездник, сильный и статный, удачливый в охоте, дерзкий в набеге, смелый в сражении, верный в дружбе. Как и Бадыноко, он часто в одиночестве странствовал по просторам земли.

Отправились вдвоем. Едут-скачут. Позади — ущелья и перевалы, хребты и утесы. Посмотрели вверх — высоко блестит инеем двуглавый Эльбрус. Оглянулись назад — догоняет их ездок на арбе. Потом они вспомнили, что приметы ездока были такими: конь впряжен в арбу сухопарый, справа от арбы — две борзые, слева от арбы — две борзые, сама арба — огромная, в арбе — множество кустов терновника. Кольчуга на ездоке светлая, лицо закрыто забралом, которое золотой запоной прикреплено к сверкающему шлему.

— Кто ты, богатырь? Ты сидишь на арбе как землеша, а одет как воин. Из какой ты страны? — спросил Батрадз.

— Я из той страны, где нет огня, — ответил богатырь с забралом. — Вас двое, буду третьим. А где мне лучше сидеть — в седле или на арбе, это покажет наша общая битва с врагом.

Услышав ответ неведомого ездока, Батрадз обрадовался, а Бадыноко вздрогнул. Стали подниматься к вершине втроем. Опять услышали позади топот. Неужели четвертый воин скачет им на подмогу? Да, это был воин, но не в кольчуге и в шлеме: огнецветный Тхожей примчался, чтобы помочь Сосруко, ибо оба они, конь и всадник, были друзьями-сподвижниками.

Так и поднялись к вершине Эльбруса, Бадыноко и Батрадз — верхом, неизвестный ездок с забралом — на арбе, а Тхожей — без всадника в седле. На двуглавой вершине Эльбруса вздымалась другая гора, Гора Огня. Она обдавала жаром все, что было кругом, и разбрасывала исполинские искры. Внизу, под Горой Огня, увидели нарты прикованного к скале железными цепями Сосруко. Непомерной величины орел клевал его булатную грудь. Сквозь громаду огня проступал лик еще более огненный, чем сам огонь. То был гневный лик повелителя пламени.

Бадыноко крикнул:

— Эй ты, бог, оскрамивший божье звание! Что ты прячешься в гуще огня? Выходи на бой! Ты отнял огонь наших очагов и светильников, ты сделал бессильными наши огнива-кресала, ты заковал в цепи и привязал к скале нашего Сосруко, но мы, нарты, не боимся тебя. Либо отдай нам огонь и отдай, освободи Сосруко, либо, если ты не трус, начнем битву!

Гром раздался в ответ на слова Бадыноко, повеление-молния вылетела из уст бога огня. А повелел хозяин своему кровожадному слуге, повелел орлу отпрянуть от груди Сосруко и ринуться на воинов.

Орел расправил огромные крылья — и настал мрак: этими крыльями был сокрыт свет Солнца. Батрадз, ничего не видя во внезапной тьме, метнул наугад копьё, и оно пронзило крыло орла. Показалось, будто в темном доме распахнулось окно: сквозь крыло орла, пробитое копьем, пролился на землю солнечный свет. Послышался орлиный клекот, и был этот клекот предсмертным.

Батрадз при свете Солнца взлетел на коне, вонзил в орла второе копьё, опустил копьё острием книзу и, сжимая одной рукой древко, другой обнажил меч и отсек орлу голову. Так кончился последний день жизни орла-хищника, ибо нет завтрашнего дня у того, кто служит злу, нет у покорного раба силы Времени. Обезглавленное тело орла упало, и от его падения покачнулись утесы и скалы, и черная тень мертвого хищника пронеслась над землей.

У владыки пламени был еще один слуга — его телохранитель-дракон. Чудовище вбирало в себя влагу родников и озер, иссушало их, и влага превращалась в пасти дракона в туман, и туман, извергаясь из пасти, окутывал землю, чтобы никто не видел пути к богу огня. И вот дракон, по приказу своего повелителя, пополз вниз. Он полз по горам, а из его пасти низвергался туман. Батрадз пустил в чудовище две стрелы сразу. Первая прошла сквозь драконий хвост и упала в пропасть, вторая застряла в пасти чудовища, стала в ней стоймя, не давая ей закрыться. Дракон яростно бил хвостом, от его дыхания поднялись вихри. Тогда воин с забралом, неведомый ездок, начал бросать в раскрытую пасть дракона снопы терновника, которыми была наполнена его арба. Дракон задохнулся, и туман перестал выползать из его пасти. Батрадз приблизился к телохранителю бога огня и обезглавил чудовище.

Необыкновенно светло стало вокруг, прозрачная тишина легла на горы, и увидели воины далеко за горой Черное море, а высоко над горой — жителей неба. Сошли на вершину Эльбруса и глава богов Тха, и бог плодородия, и бог ремесел, и бог — покровитель животных, и украшенная голубым водопадом волос богиня воды, и в цветочном убранстве богиня земли. Тха стал увещевать владыку пламени:

— Стыдись, неразумный! Ты всегда был добрым, ты давал людям свет и тепло, а теперь осрамил божье звание! Не ты ли враждовал с богами засухи и недорода, а теперь ты решил враждовать с людьми. А из-за чего? Из-за какой-то звездочки, сбитой без дурного умысла.

Мало, что ли, на небе других звезд? Или ты скуп? Или ты отверг добро и выбрал зло?

Бога огня смутили слова Тха. Он поник пылающей своей головой. А неведомый владелец арбы с неслыханной быстротой подъехал к скале, к которой железными цепями был прикован Сосруко, обнажил меч и стал разбивать мечом цепи. Борзые, две справа и две слева, начали с неистовством грызть железо цепей, и цепи распались, рухнули в пропасть, и Сосруко, познав свободу, спрыгнул на землю. Сила Времени была у Сосруко, и не стал нарт, познавший волю, тратить свое Время даром. Он вырвал из земли дерево, вскочил на Тхожея, поднялся к Горе Огня, погрузил дерево в пламя и с горячей головней помчался вниз, к людям. Вот он мчится, вот он весь перед нами: огонь — цвет его коня, огонь в его руке, огонь в его душе!

Бадыноко, Батрадз и владелец арбы опасались, что владыка огня пустится вдогон за Сосруко, и стали заслоном, готовые к битве с богом. Но повелитель пламени, пристыженный многознающим Тха, решил не преследовать Сосруко. Он сказал — и упали с высоты слова-молнии:

— Я выбираю добро, а не зло. Ступайте с миром. Пусть пылает огонь в очагах и светильниках ваших.

Воины двинулись в обратный путь. Легко было у них на сердце, сила Времени принадлежала им. Увидели они, что человек может одолеть не только человечесью ненависть, но и вражду бога, если есть в человеке любовь, если борется он ради огня в светильниках и очагах.

Едут-скачут. Бадыноко обратился к владельцу арбы:

— Теперь, когда нам сопутствует победа, когда рассеялся туман, что клубился из пасти дракона, когда крылья хищной птицы не закрывают свет Солнца, подними забрало, славный муж, скажи нам, кто ты.

Ездок поднял забрало, и Бадыноко увидел с детства ему дорогое и милое женское лицо. То была мать Бадыноко. То ее голос слышался ему в первых словах владельца арбы. Женщина в одежде воина сказала:

— Я знала, что мы тогда победим дракона, телохранителя бога огня, когда заберем его пасть снопами терновника. Я знала, что мои борзые помогут нам освободить Сосруко, перегрызут железные цепи отважного узника. А я, как и ты, мой сын, только и думала о том, как помочь Рожденному из камня, ибо он когда-то вызволил из позорного

плена моего мужа, твоего отца Бадына. Я отправилась вместе с вами, и сердце жены и матери билось под кольчужой воина.

Мать Бадыноко сняла шлем с забралом. Иней был на ее голове, как на вершине Эльбруса. А в это время Сосруко примчался в Страну Нартов. В его левой руке пылала головня. Он скакал верхом на Тхожее, сердце его пылало, и казалось, что оно, как светильник, озаряло горный путь. Услышав топот огнецветного коня, проснулись нарты. Вышли на улицу — видят: скачет Сосруко, пылающая головня — в его левой руке. Старики благословили того, кто похитил огонь у бога. Опять молодо и радостно запылало пламя в очагах и светильниках, опять обрели силу огнива-кресала, опять закипели котлы, опять стало жариться турье мясо, опять стали горячими камни очагов и нагрелись остывшие стены домов.

Всадники с головнями скакали по всей земле, из селения в селение. «Есть огонь! Есть огонь!» — говорил на искрящемся языке очаг очагу, светильник светильнику. Нарты собрались на великий пир. Первую благодарную чашу богатыри преподнесли Сосруко, и такую здравицу произнес Рожденный из камня:

— Да будет наш огонь вечным!

И мы, сказывающие этот сказ, пожелаем вам: «Да светятся ваши сердца, как светильники, озаря людские пути!»

СИЛЬНОРУКИЙ И СВЕЛТОРУКАЯ

Высоко в горах, над крутым обрывом, у верховья бурной реки, стояла на утесе башня-крепость. Надо сказать, что многие нарты жили в башнях: в тех селениях, что граничили с землями чинтов, было небезопасно, и башни-крепости защищали от нападения неприятеля. Может быть, вам, внимающим нашему рассказу, захочется услышать о том, как строили в старину высокие башни?

Так знайте же: ту землю, на которой собирались возводить башню, сперва трижды поили густым, жирным молоком. Затем срывали почву вместе с травой и клали первые камни — восемь гранитных глыб, чтобы они образовали четыре угла. Каждая глыба весом была в восемь быков и ценою в восемь быков. Двенадцать волов тащили каждый камень с горных вершин, увенчанных голубым льдом. Затем две-

надцать искусных и сильных каменотесов тесали эти глыбы, и бывало так, что тёсла крошились о ребра камней, будто липовая кора. И вот камни становились гладкими как зеркала, и четыре старца, осмотрев их придирчиво, с великим тщанием изрекали приговор:

— В камнях не видно трещин, нет и зазоров. Пусть же крепость-башня поднимется среди гор, сама крепкая, словно гора, пусть она будет неодолимой, как сила Времени. Скрепим гранитные глыбы кровью точно так же, как единой кровью скрепляется племя-потомство!

Приводили барана и заставляли его проделать вокруг камней два неторопливых круга. Старейший в роде обнажал нож, острый, как слово, — и камни окроплялись кровью жертвенного барана. Тогда-то и приступали к возведению башни, тогда-то и приглашали горбоногого, ястребиногоглазого Янда и его восьмерых помощников. Короткое имя — Янд — было у нарта, а живет это имя длинные века долгой жизнью! И другое имя донесли до нас прошедшие века — имя женщины Фатимат. Она была искусной рукодельницей, она изготовляла кошму, а кошма нужна была для того, чтобы вокруг нее воссели перед началом возведения башни воины и строители.

Рано утром поднималась Фатимат в горы и собирала нужные ей цветы. Утомившись, ибо множество лет отягощало ее, она садилась на пенек, закрывала глаза, и в ее воображении возникал узор: шесть звезд, шесть подружек, тихо мерцают вокруг Луны, а под ними — цветы, те самые, что собрала утром Фатимат.

Спустившись в селение с охапкой горных цветов, мастерица начинала свою затейливую работу. Она трижды стлала овечью полсть на полсть, а потом искусница, поглядывая на цветы, выводила сухощавой рукой на этой толстой, плотной ткани узор, который утром возник в ее воображении. Как пуг по горной луговине, проходил нож по овечьей полсти и вырезал рисунок. Шесть дочерей Фатимат помогали мастерице, они дважды по шесть дней обводили кошму каймой. На тринадцатые сутки горские юноши, развернув кошму, видели: сияет Луна, вокруг нее шесть звезд, шесть светлооких подружек, а под ними — лес, в листе мелькает олень, а рядом горячо пестреют цветы, и закат обнимает их алой каймой.

Нарты садились вокруг несравненной кошмы, а на кошме — золотой, как утро, мед, золотой, как полдень, хлеб, розово-белое, как небо, мясо, и на самом почетном месте — горбоносый Янд, строитель

башен. Таков был этот нарт: любил он песни, любил хмельную брагу, а если строил башню, то строил навеки!

«Будь счастлив, Янд-строитель, да не стареют руки твои!» — приглашал здравицу старейшина рода. Восемь помощников Янда приготавливали известь. Она пенилась, густела, становилась вязкой, как туман между скал. Янд брал камни, добытые в горных ущельях, ударял их друг о друга, связывал известью, и два камня становились нераздельной четой. Скрипел вóрот, натягая канат, скрученный из восьми ремней, и камни легко и дружно поднимались вверх. Добытые в разных ущельях, будучи разной породы, эти камни становились единым целым: так из разных родов становится единым целым племя-народ.

Густая известь скрепляла глыбы, камень ложился на камень — да берегут потомки то, что сделали предки!

Людям казалось, что камни пели: «Горцы, мы станем для вас прочным сводом и незыблемой стеною, бойницами вашей твердыни и кладовой вашего зерна, оплотом воинов и защитой женщин и детей. Помните, горцы: реки уходят, а камни — никогда. Верьте своим камням, горцы!»

И вот башня-крепость готова. Первый ярус — кладовые, чтобы хранились там на черный день запасы пищи. Второй ярус — для семьи, здесь, во время осады-битвы, будут спасаться женщины и дети. Здесь и очаг, и очажная цепь. А ярусы третий, четвертый и пятый с бойницами — для битвы, для того, чтобы защитить семью от нападения врагов. Из окон этих верхних трех ярусов был виден мир, а над бойницами плавно и нежно скользили облака...

В одной из таких башен, построенных знаменитым Яндом и его помощниками, жили муж и жена из рода нартвов. Имя мужа было Псабыда, что означает «Крепкий в жизни», а имя жены было Адюх — «Светлорукая». Они были женаты второй год. У Псабыды было раньше другое имя, теперь позабытое, но когда он женился на Адюх, его прозвали Крепким в жизни, и вот почему. Как только Псабыда отправлялся в поход, Адюх садилась у окна пятого яруса башни и протягивала в окно свои белые, сияющие руки. В самую темную ночь, когда человеку не могут помочь его зоркие глаза, в самый пасмурный день, когда мир исчезает в тумане, протягивала в окно Адюх свои руки, льющие свет, и темная ночь превращалась в лунную, а пасмурный день — в солнечный. С утеса, где стояла башня-крепость, Адюх перебрасывала через бурную реку на пологий берег полотняный мост.

Когда Псабыда, преследуемый врагами, возвращался ночью, пригоняя табуны вороных коней, Адюих протягивала в окно свои сияющие руки, и они были для Псабыды путеводным светочем.

Так поступала Адюих, потому что жена горца — помощница горца; но долго не понимала она, что добрый свет ее рук помогает злому делу. Псабыда перегонял по полотняному мосту захваченные табуны, и Адюих снимала мост и прятала свои сияющие руки. Наступала кромешная тьма, и преследователи Псабыды, не видя друг друга, не находя брода, не зная, как переправиться через реку, возвращались в бессильной ярости назад. А что им оставалось делать в кромешной тьме ночи? Не броситься же в бурную реку и утонуть!

От постоянных удач Псабыда преисполнился гордыни. Однажды он расхвастался:

— Удивительно, до чего я удачлив, до чего хитер и ловок! Даже из логова одноглазых я возвращаюсь с богатой добычей, даже из страны чинтов пригоняю коней, не сбиваясь с пути. А о своих нартах и говорить нечего: ни разу им не пришлось меня настичь, — так быстро и умело я переправляюсь через бурную реку. Воистину правы нарты, когда утверждают, что мужество способно творить чудеса. Если посмотреть на весь мир, то найдется ли равный мне по отваге? Я сам спрашивал у грузного Пшай, у важного Сырдона, у хитрого Гиляхсыртана: «Каков я, по-вашему?», и они отвечали: «Ты храбрец, Псабыда!»

Долго так хвастался Псабыда, и его хвастовство сперва надоело, а потом рассердило светлорукую Адюих. Она не сдержала гнева:

— Бахвал, разве нарты подобает хвастаться? Разве не мог ты упомянуть имя той, кто делит с тобою все невзгоды и тревоги?

Но Псабыда, начав бахвалиться, уже не мог остановиться:

— Я всегда действую один, нет со мной спутника, который разделит бы мои тревоги и невзгоды. Не спорю, есть среди нартов такие, которые искуснее меня владеют мечом или луком, но ни один из них не подобен мне в набеге!

Адюих горестно покачала головой. Долгими были ночи ее одиночества, когда она ждала возвращения Псабыды, было у нее время для размышлений, и постепенно открылось ей, что нехорошим делом занимается ее муж. Она сказала:

— Недаром люди говорят: «Только тот себя считает храбрым, чья отвага не была испытана в трудный час». Я думаю, что ни один из

нартов, чья храбрость проверена в битвах и всем известна, не стал бы хвастаться, говоря с женщиной. А среди этих богатырей немало таких, которые во много раз мужественнее и сильнее тебя. Вспомни хотя бы о Сосруко, о великом нарте, которого люди прозвали опорой добра, который похитил огонь у самого бога огня. Воистину, нет ему равных, но кто слышал от Сосруко хотя бы одно слово хвастовства? К тому же, если всю правду сказать, нет у тебя совести, грабишь ты даже своих нартов. Ты только и делаешь, что хвалишь себя, и я сгораю от стыда, слушая тебя и видя, как ты пригоняешь скот, отнятый у братьев-нартов. Второй год мы живем вместе, и тоска у меня от жизни с тобой!

Псабыда обиделся на слова жены, и, ничего не сказав ей в ответ, он сел на коня и поехал. Но, выехав за ворота башни-крепости, он запрокинул голову и крикнул Адюх, сидевшей у окна:

— Ты никогда в глаза не видела Сосруко, ты не знаешь, что он-то и есть хвастун! А я покажу тебе, каким мужеством обладает настоящий нарт!

И вот Крепкий в жизни отправился в путь, вымещая злобу на своем коне. У развилины трех дорог конь остановился, не решаясь, куда скакать. Странное дело! Всегда конь безошибочно угадывал желание хозяина, а на этот раз он застыл на месте. Псабыда трижды огрел его стальной плетью, и конь нехотя двинулся по одной из дорог. А против охоты — какая езда?

Долго ехал-скакал Псабыда и вступил наконец в страну черноволосых чинтов. Такой туман одел эту страну, что всадник не видел даже ушей своего коня. Вдруг полил дождь, и такой сильный, что по его струям, как по веревкам, можно было взобраться на небо. Земля потонула во влажном мраке.

— Не слишком хороша погода, но мы и худшее переносили. Дал бы только Тха, глава богов, долголетия моей старой бурке!

Так воскликнул Псабыда и накинул на себя бурку. Эта бурка была сделана сияющими руками Адюх, и ни одна капля влаги не проходила сквозь нее. Можно сказать, что в дождь она была домиком для всадника. А теперь она как бы стала ситом, и дождь лился сквозь нее. Если бы Псабыда не обидел свою жену, бурка не пропустила бы ни одной капли дождя. А может быть, бурка негодовала и на то, что Псабыда назвал ее старой?

Вдруг донеслось до Псабыды громкое ржание. «Вот наконец то,

что мне нужно!» — подумал он, поняв, что перед ним — большой табун коней. Дождавшись ночи, когда утих дождь, Псабыда погнал табун к своей крепости. Но дороги не было видно, ибо ночь была черным-черна, и не сиял Псабыде путеводный светоч — белые руки Адиюх. Табун коней разбежался, потерял его Псабыда. Он долго еще скакал по стране черноголовых чинтов, но не было ему удачи. Ни одна птица не подпускала его к себе на полет стрелы. Поспешил Псабыда направить коня из этой страны в пределы рыжеголовых чинтов.

Оказалось, что в державе рыжеголовых Солнце пекло так сильно, что трескались камни, плавилась земля. Суховой носился по степным просторам, погребая под песком все живое. Псабыда очутился в печаном плену, он не мог двигаться. К концу дня суховой ослабел, но зато еще более нестерпимой сделалась жара: раскались воздух и песок, земля и небо. Псабыда воскликнул в отчаянии:

— Эй, старая бурка, спаси меня от жары и песка, и я выберусь из этой проклятой страны рыжеголовых чинтов!

Все знают, что сквозь бурку не проходят солнечные лучи. Но для человека старость — украшение, а для вещи — обида. Обиделась бурка на то, что Псабыда назвал ее старой, обиделась за себя и за Адиюх, чьи руки, льющие свет, сотворили ее, и стала пропускать через себя солнечные лучи. Псабыда погибал от жары. Только поздно ночью, когда жара немного спала, он выбрался, полуживой, из державы рыжеголовых чинтов.

Не знал Псабыда, что давно уже издали следят за ним крепко вооруженные отряды чинтов — и черноголовых, и рыжеголовых. Много лет чинтские племена воевали с нартами. Чинты угоняли нартских юношей и девушек и продавали их на невольничьих рынках, а наарты угоняли в отместку у чинтов отары овец и табуны коней. Чинты выставляли на своих рубежах охрану, и так долго она стояла, что у молодых воинов поседели усы, а все же наарты проникали в пределы чинтов, и чаще всех — Псабыда, под покровом ночи, ибо ему помогали сияющие руки Адиюх. Богатырей-нартвов было на земле немного, а сколько было чинтов — и сосчитать невозможно, и не раз случалось, что чинты грабили нартские селения, требовали дани, а дань брали девушками, ибо не было среди существ женского рода красивей нартских дочерей.

В то время как Псабыда скакал по чинтским землям в дождь и в суховой, а за ним издали следили чинтские воины, намереваясь пле-

нить его и убить, другое войско чинтов, многочисленное, как песок в степи, напало на одно из нартских селений, которое было малолюдным, разграбило его и увело юношей и девушек. Весть о несчастье дошла до всех нартвов. Собрались они на совет. Выслушав старших, Сосруко сказал:

— Нарты были истинными нартами, когда среди них не было жадных, корыстных, себялюбивых, когда они знали, что каждый нарт равен другому нарту, когда только правда была на устах у нартвов, когда не горем, а величайшим счастьем почиталась смерть за нартскую вольность. В ту пору чинты не осмеливались врываться в наши селения, в ту пору даже небо не смело греметь над головою нарта. Камни скрепляет известь, и они становятся крепостью, которая возвышается над землей. Людей скрепляет правда, и они становятся народом, который высоко держит голову и ни перед кем не склоняет ее. Если вдуматься, то не чинты наши заклятые враги, а неправда и корысть. Дошло до того, что нарт грабит нарта, как это делает Псабыда, а женщина, чьи светоносные руки созданы для добра, помогает ему совершать зло. Вот мое слово, великие нарты: поедem к чинтам, установим между нартами и чинтами мир навеки веков. Пусть чинты вернут нам пленников, пусть люди не продают людей на невольничьих рынках. А мы не будем угонять стада и табуны чинтов.

После долгих споров нарты решили: «Отправимся к пределам чинтской земли с трех сторон тремя войсками. Во главе первого войска поставим Назрена Длиннобородого, во главе второго войска — Батрадза, а третье войско пусть поведет Сосруко». И еще решили нарты: «Прекратят чинты свои бесчинства, перестанут похищать людей и продавать их, как рогатый скот, — хорошо, будет мир. А нет, — будет война, ибо для вольных нартвов злейший враг — неволя».

Вот и отправились три войска тремя путями. Войско Назрена Длиннобородого двинулось к стране черноголовых чинтов, войско Батрадза — к державе рыжеголовых, а войско Сосруко — в пределы самого многочисленного из чинтских племен, в государство крохотных чинтов. Крохотны они были, но сильны, и не только числом, но и отвагой, и заслуживали уважения эти маленькие люди, ибо, будучи маленькими, они были честны и трудолюбивы. Как и у нартвов, не было у них ни князей, ни больших слуг, ни средних, ни малых, а страна, в которой они обитали, была благословенным краем. Всюду цвели плодовые деревья: самые высокие в мире де-

ревя были у самых маленьких в мире людей! Зеленели в стране крохотных чинтов обширные пастбища, бурно текли многоводные реки. А на поемных лугах умножались тучные стада, паслись неисчислимые табуны коней. И день был хорош в стране крохотных чинтов: долгий, солнечный, не очень жаркий и не слишком прохладный.

Псабыда, не зная о том, что нарты идут на неприятельную землю тремя войсками, забрался, в поисках добычи, в глубь государства крохотных чинтов. Медленно продвигаясь на усталом коне, он думал:

«Разве справедливо, что крохотные чинты, еле заметные, владеют таким добром? Богатство должно принадлежать только рослому и мощному, и я угоню стада и табуны крохотных чинтов, ибо я — рослый и мощный!»

Псабыда ударил коня поводьями, чтобы тот поскакал быстрее. Поводья разорвались, но конь не двинулся. Псабыда схватил его за гриву и ударил стальной плетью. Плеть сломалась, а конь продолжал стоять на месте, даже головы не поднимал: изголодавшись, он жевал траву. Псабыда крикнул:

— Проклятый, что же ты не трогаешься с места в день, который должен стать днем моего торжества!

Но старый конь был недвижим. В ярости Псабыда ударил его рукоятью меча, но меч сломался, а конь все жевал высокую траву. Вокруг было столько табунов, столько стад, лютая жадность сжигала душу Псабыды, а конь стоял как вкопанный. Видя, что удары не помогают, Псабыда взмолился:

— Что же ты с места не трогаешься, верный мой конь! Или ты забыл, что нас ждет Адиух, скучает по нас!

И коню послышалась в словах Псабыды не жадность, а любовь к Адиух. Случается, что и людей обманывают лживые слова, когда слова мягкие, а ведь лошади еще более доверчивы, чем люди. Конь приподнял уши, заржал победным ржанием и полетел как молния. Псабыда сбил в кучу табуны коней и стада рогатого скота и потнал их в сторону своей башни-крепости. Когда он уже покидал пределы государства крохотных чинтов, услышал Псабыда позади громкий топот. Оглянувшись, он увидел множество коней, скачущих за ним. Кони, казалось, были без всадников, и Псабыда сначала решил, что к угнаным табунам прибавился новый табун, сам в добычу просится, но когда эти кони приблизились, увидел Псабыда, что верхом на них сидят крохотные чинты, преследовавшие похитителя их табунов и стад.

Наступила ночь, беззвездная, безлунная. В такой темени и раскаленное железо не увидишь! Испуганно ржали угнанные кони, мычали коровы, тихо, готовые к смерти, но еще не понимающие ее, блеяли овцы. Тщетно пытался Псабыда найти полотняный мост, чтобы переправиться через бурную реку в Страну Нартов; моста не было. Река скрылась во тьме ночи, и только тяжелый гул обозначал ее течение. Вдруг этот гул заглушился громким топотом: то прискакали крохотные чинтские всадники, дотоле невидимые на своих рослых скакунах. Велика была сила крохотных всадников! Если бы Псабыда попался им в руки, они разрубили бы его на мелкие куски, уже давно разъяренные его грабительскими набегами. Псабыда хорошо это знал и, охваченный страхом, скакал вдоль берега ревущей реки. В яичную скорлупу готов он был залезть со страху! Его покуда спасал всеобщий мрак, иначе крохотные чинты настигли бы его.

Одна была у Псабыды надежда, что Адюих протянет из окна башни свои руки, перекинет через бурную реку полотняный мост. Он вспоминал эти заботливые, белые, сияющие руки, он вспоминал, как удивительно прекрасны тонкие пальцы этих рук, и в отчаянии смотрел вверх, туда, где, как он предполагал, должна была возвышаться его башня. На миг он устыдился своего страха и сказал себе:

«Говорят, что Сосруко, не нуждаясь в броне, умеет переправляться через любую реку, даже самую бурную. Чем я хуже Сосруко?»

Так уговаривал он себя в своем безумии, порожденном страхом, и, крича с притворным весельем, погнал угнанные стада и табуны в реку, и сам ринулся в ее ревущие воды на усталом коне. Но не такая это была речка, чтобы можно было переправиться через нее! Потонули в ее пучине лошади, потонули коровы и овцы, и сильная, как камень, волна сбила Псабыду с коня, и оба они, и конь и всадник, разъединенные водой, потонули в ней.

Долго несла разбушевавшаяся река тело жадного нарта. Волны двигались, подобные скопищу извивающихся змей, волны кипели, как будто под ними пылал огонь! Но вот река достигла низменности. Здесь она, разделяясь на рукава, мелела и медленно бежала по степному простору, умеряя свой яростный бег. Столь гневная у подножия Псабыдовой башни, река в низинах бережно и незлобно положила мертвого Псабыду на прибрежный камень.

Вдруг стало светло как днем: Адюих протянула в окно свои руки.

Хотя Псабыда оскорбил ее, хотя она стыдилась его жадности, его воровских набегов на жилища нартов, она жалела его, ибо он был ее мужем. Она решила ему помочь. Увидела Адиюх из окна, что берег был пустынным. В предчувствии несчастья Адиюх спустился по ступенькам башни вниз, покинула крепость, поднялась на высокую гору и стала озиаться. Она заметила далеко внизу черное пятно на прибрежном камне. Адиюх побежала вдоль берега бушующей реки. Чем дальше бежала река, тем тише она становилась, чем дальше бежала Адиюх, тем сильнее волновалось ее сердце. Адиюх увидела прибрежный камень и на нем — мертвого Псабыду. Что оставалось ей делать? То, что велит обычай нартов: похоронить мужа, воздвигнуть на его могиле курган и плакать на кургане. И Адиюх похоронила мужа возле башни-крепости, возвела на его могиле курган и оплакивала Псабыду, оплакивала свою судьбу, сидя на кургане.

Тем временем, рано утром, к верховью бурной реки подошли с трех сторон три нартских войска. Впереди одного войска — Назрен Длиннобородый, впереди другого войска — Батрадз, впереди третьего войска — Сосруко, Рожденный из камня. На противоположном берегу бурной реки тоже виднелось три войска: войско черноголовых чинтов, возглавляемое князем, окруженным большими, малыми и средними слугами, войско рыжеголовых чинтов, возглавляемое точно так же, и многочисленное, никем не возглавляемое войско вольных крохотных чинтов. Назрен Длиннобородый, по праву старшинства, первым повел слово. Он спросил:

— Воевать будем или говорить будем?

— Воевать будем! — ответил зычно и властно князь черноголовых чинтов, и его ответ повторили с бездумным единодушием большие, средние и малые слуги. Заглушая гул реки, гудели слова: «Воевать будем!»

— Воевать будем! — сказал и молодой князь рыжеголовых чинтов, но уверенности не было в его ответе, ибо он помнил, как его отец был убит, да еще с позором, в своей собственной стране, старым нартом Урызмагом. Главный Большой Слуга, которого в свое время пощадил вожак нартов, что-то произнес вслед за своим молодым господином, но нельзя было разобрать, что он сказал, — то ли «воевать будем», то ли «воровать будем».

— Говорить будем! — ответили крохотные всадники, самые сильные и самые разумные из чинтов, и было их так много, что показав-

лось, будто не маленькие воины, а великая река грохочет: «Говорить будем!»

От войска крохотных чинтов отделился старейший из воинов, среди которых были его внуки и даже правнуки. Он бесстрашно приблизился к берегу, ударил маленькой плеточкой своего огромного коня, и конь взвился над рекой и перенесся через ее бушующие, ревущие волны на то место высокого берега, где стояло войско Рожденного из камня. Старичок, крохотный чинт, обратился к Сосруко:

— Ты истинный богатырь. Мои сподвижники уважают тебя. Пламя, которое ты похитил у бога огня, пылает и в наших очагах и светильниках. Слаб мой голос. Если я заговорю с тобой, как ты услышишь меня: слухом или сердцем?

— И слухом, и сердцем, да умножатся твои годы, — ответил Сосруко крохотному старому воину. А тот продолжал, белея, как зернышко, на своем огромном коне:

— Ты, который принес людям огонь, ответствуй: гонят ли нарты с порога своего дома того, кто просит огня?

— Не гонят нарты того, кто приходит за огнем, — сказал Рожденный из камня.

— А гонят ли нарты с порога своей страны того, кто просит мира?

— Не гонят нарты просящего мира, — с еще большей твердостью сказал Сосруко, и казалось, что свой ответ он произносит на незыблемом языке горского камня.

— Тогда заключим навеки веков мир, — предложил старейшина войска крохотных чинтов. И хотя он говорил слабым голосом, показалось, что голос бурной реки слабее, ибо река бушевала воинственно, а человек говорил о мире. Все три чинтских войска услышали его. Князь черноголовых крикнул:

— Воевать будем!

— Воевать будем, — повторил Сосруко. — Воевать будем с туманами и лавинами, гудящими и сползающими с гор, с жаркими суховеями в степях, когда земля горит, с морозами, когда водопады превращаются в ледяные столбы, воевать будем с одноглазой нелюдью!

И такая сила была в словах Рожденного из камня — нет, нет, не насилье, которое есть обман, видимость силы, а сила истинная, сила Времени, — что все чинты, воины всех трех войск, даже князья, даже слуги большие, средние и малые воскликнули с надеждой и вспыхнувшей верой:

— Да будет навеки мир между всеми людьми!

Три войска нартов и три войска чинтов спустились к низменности. На широком степном приволье, на чинтской стороне, устроили пир. Воины пили мед, золотой как утро, ели хлеб, золотой как полдень, хмельная брага пенилась в чашах, и холмы бело-розового мяса возвышались на скатертях среди травы. Решили воины уничтожить на просторах земли невольничьи рынки, прекратить набеги, никогда больше не угонять чужие стада и табуны. Пленники получили свободу, земля обрела покой. Много здравиц было сказано, а последнюю провозгласил Назрен Длиннобородый:

— Да не будет отныне человек убивать человека. Пусть каждый отдает свои лучшие одежды и лучшую пищу тому, кто победнее. Пусть никогда не разлучаются свод неба и прелесть земли. Пусть каждому ребенку пойдет впрок материнское молоко — будь то молоко женщины из рода нартов или женщины из рода чинтов!

Заклучив мир на все времена, воины стали возвращаться по домам. Сердце Сосруко волновалось волнением, естественным светлomu волнению травы и воды. В этот день не войско над войском, а добро над злом одержало святую победу. Земля, казалось, пела под ногами Тхожея, и счастливый Сосруко не заметил, что он ускакал от своего войска. Так домчался Рожденный из камня до верховья реки. Лицо молодого нарта было смуглым, а шлем его светился как заря. Сосруко подъехал к кургану и увидел на нем плачущую женщину. От ее рук исходило сияние. У кого еще из нартских женщин были сияющие руки? Понял Рожденный из камня, что это Адюх оплакивает своего мужа. Вдова плакала неслышно, а река ревела сердито и громко. Сосруко спешил и взбежал на курган.

— Какое горе тебя гнетет, красавица? Кого ты оплакиваешь? — спросил Сосруко. Но Адюх молчала, ибо всего лишь больше года была она замужем и не вправе была, по нартскому обычаю, разговаривать с посторонним мужчиной. Сосруко знал этот обычай, успокоил ее: — Ты можешь говорить со мной, ибо не праздный разговор поведем, горе у тебя.

— Моего горя ты не развеешь, — отвечала Адюх. — Не прерывай, всадник, из-за плачущей женщины своего пути.

— Нарты говорят: «Если мужчина поможет женщине в ее горе, то путь мужчины будет счастливым», — сказал Сосруко. — Я должен вернуться к своему войску, но скоро мы увидимся опять, я прискачу

сюда. Подумай до нашей второй встречи: могу ли я тебе помочь? Прошу тебя, сделай мой путь счастливым!

Сказав так, Сосруко сбежал с кургана, взлетел на бегу на коня и помчался к берегу бурной реки: он решил переправиться на противоположный берег, а потом спуститься к низменности, где его войско устроило краткий привал. Адюих следила за всадником. Не утруждая себя поисками брода, он ринулся в реку.

«Судьба Псабыды ждет его, он утонет! — подумала Адюих, но вдруг увидела, что всадник благополучно переправился на другой берег. Адюих удивилась: — Псабыда хвастался, что нет ему равных среди нартов, однако он переправлялся через нашу бурную, сердитую реку только по моему полотняному мосту. Впервые за время нашего супружества я не перекинула мост через реку, и вот я теперь сижу на кургане и оплакиваю мертвого мужа».

Адюих не могла оторвать глаза от всадника, чей шлем светился как заря. Она поклялась в сердце своем: «Клянусь Донбеттыром, властелином морей и всех соленых вод, клянусь богиней рек, родников и озер, я испытаю мужество неизвестного всадника!» И, решив так, Адюих воскликнула:

— Донбеттыр, властелин морей и всех соленых вод! И ты, богиня рек, озер и родников, ты, которая, помогая людям, вертишь днем и ночью колеса наших мельниц! Умоляю вас: превратите ясный день в темную ночь, поднимите бури и ураганы, чтобы река затопила землю, чтобы небо разрывалось на части от грома и молнии!

Властелин морей и богиня рек снизили к просьбе Адюих. Ясный день превратился в темную ночь, река разгневанно затопила берега, небо разрывалось от грома и молнии. Казалось, рушится мир. Все в нем содрогалось и падало. Среди грома и молнии послышался топот коня: то вернулся всадник.

— Зачем ты вернулся? — спросила Адюих.

— Мог ли я скакать дальше, оставив тебя одну в такую ненастную ночь? Не к лицу мне покидать на произвол судьбы одинокую женщину, плачущую на степном кургане.

— Но ты ведь уже переправился через реку. Разве ты не боялся переправиться через нее снова, возвратиться назад? Посмотри, как река сердится, как она злится!

— Не я переправился через бурную, сердитую реку, а мой конь. Там, где мой конь не боится, нечего бояться и мне.

Такой ответ понравился Адюох. А так как гром продолжал греметь, ураган ревел, лил сильный дождь, то всадник сел рядом с Адюох и укрыл ее своей буркой. И едва Адюох оказалась под буркой нарта, ночь превратилась в солнечный день, река вошла в свои берега, небо стало голубое, земля расцвела. Один лишь могильный курган был черен, ни одной травинки не возшло на нем.

— Посмотри, — сказала Адюох, — земля кругом расцвела, радуясь жизни, и только на кургане нет ни единой травиночки, хотя весь мир сияет в цветах. Почему так случилось?

— Тот, кто лежит под этим курганом, любил, видно, только самого себя, не любил жизни, цветущей вокруг него, потому-то ни одна травинка не возшла на его кургане.

Сказав так, нарт взглянул Адюох в глаза. Адюох отвела их и тихо промолвила:

— Тот, кто лежит под этим курганом, любил меня. И я его любила: он был моим мужем.

Молодой нарт сказал:

— Тот, кто лежит под этим курганом, делал зло. Он грабил даже своих сородичей. Только дурная женщина могла его любить. А разве ты дурная женщина? Нет, не любила ты его, и он тебя не любил. Если бы вы любили друг друга, то этот курган покрылся бы сияющими цветами.

Сердце Адюох загорелось. Загорелось и сердце нарта. Такое пламя охватило его, что Адюох воскликнула, отодвигаясь:

— Ты пылаешь, как Сосруко, Рожденный из камня и закаленный Деветом, первым нартским кузнецом!

— Я — Сосруко, — ответил Сосруко и снова взглянул Адюох в глаза, а она опустила их.

Долго они сидели рядом, Светлорукая и Сильнорукий, а потом Адюох вышла из-под бурки и стала разгребать курган, говоря:

— Не хочу, чтобы мои руки возвели курган над могилой того, кто не любил жизни, не любил меня, кто любил только себя самого.

Но Сосруко сказал ей:

— Напрасно ты трудилась, когда воздвигала курган, напрасно трудишься сейчас, когда разгребаешь его. Пусть останется этот курган на земле. Пусть, глядя на него, устыдятся те, кто не любит жизни, а любит только себя.

И поныне стоит полуразметанный и голый курган в степи, ни еди-

ной травинки нет на нем, а кругом земля сияет цветами. Если же говорить об Адиях, то она стала женой Сосруко, и хороший дом построили для них горбоносый Янд и его помощники, и хорошую кошму сделала для них Фатимат, и на кошме были нарисованы Солнце и Луна и те два луча, которые упали с высоты, ослепительно соединившись, и вывели на камне образ ребенка. До сих пор стоит среди Кавказских гор дом-башня, в которой жили Адиях и Сосруко, ибо то, что строил Янд, он строил навеки, — да охраняют потомки сотворенное предками!

СОСРУКО В ПОДЗЕМНОМ МИРЕ

Хороши были богатырские доспехи Сосруко, но сильнее их были его доброта, отвага и чистое сердце. Люди благословляли его имя, и много друзей нашел он среди чинтов, прежних недругов нартского рода, не раз бывал он у них в гостях. Жаловались ему кунаки-чинты на одноглазых. Мало осталось на земле этих чудовищ-людоедов, но великие беды были от них чинтам. Один из новых друзей Сосруко, черноголовый чинт по имени Толумба́к, был такого высокого роста и такой толщины, что бурку ему делали из шерсти пяти бурок, черкеску — из сукна пяти черкесок, а когда он дома снимал с ног чуваки, то в каждый из них, играя в прятки, забирались его двенадцатилетние дети. Однажды Толумбак сказал своему кунаку:

— Благодаря тебе, Сосруко, пылает в очагах огонь, золотится колос на поле, зреют виноградные лозы в спокойствии и мире. Но еще не истреблены все одноглазые, и они — горе земли. Возьми меня с собой в поход на одноглазых, пусть это будет последняя битва с чудовищами. Я ничего и никого не боюсь.

— Доброе у тебя желание, — похвалил Сосруко своего приятеля. — Хорошо, что ты никого и ничего не боишься. Отправимся в поход на одноглазых.

Сосруко потому так охотно согласился на просьбу Толумбака, что и сам давно уже хотел освободить землю от оставшихся в живых чудовищ. Да и любопытство его разбирало: каковы они, одноглазые? Вот и поехали: Сосруко, Толумбак и еще девять чинтов из рода Толумбака. Ехали долго. Миновали дремучие леса, переплыли через

бурные реки, одолели скалистые горы, спустились в ущелье. Увидели черный холм, а то был одноглазый, он отдыхал в ущелье. Волосы у него на спине и на груди были словно колючки, зубы — как ломы железные. Из рта у него вырывалось зловонное дыхание, которое гнуло деревья к земле.

— А, человечки, сами к нам пришли, так будьте нашими гостями! — сказал одноглазый и привел одиннадцать всадников вместе с их конями в пещеру, где обитали его сородичи.

В пещере пылал очаг. Одноглазый повесил над огнем девять котлов, в каждый котел положил угощение: мясо черного зубра, огромного, как курган в степи. Когда мясо сварилось, вернулись с охоты другие одноглазые. На их мохнатых плечах висели туши убитых ими туров, зубров, маралов. У этих чудовищ, как и у людей, были луки и колчаны со стрелами. Одноглазые и их гости сели за трапезу. Длилась она девять дней. На десятую ночь старший одноглазый сказал:

— Теперь, людишки, вы убедились в том, что удачливые мы охотники, гостеприимные, приветливые хозяева. Неправильно идет о нас дурная слава. Хорошо мы вас угостили, теперь настала ваша очередь нас угощать.

Сосруко ответил:

— Вы гостеприимны, спору нет, но человеческих обычаев не знаете. Если бы мы принимали вас у себя, то устроили бы в вашу честь пиршество, угостили бы вас как должно. А здесь что зарежем? С нами здесь нет ни быков наших, ни баранов.

— Лошадей своих зарежьте, — предложил глава одноглазых. — Мы любим конину.

— Кони — наши друзья-сподвижники. Не в обычае у людей уничтожать сподвижников. Сами видите — скота у нас нет, здесь мы не можем вас угостить.

— Не беда, — возразил старший одноглазый. — Нет скота, есть люди. Вас мы и съедим. Для начала зарежем самого толстого. — И одноглазый показал поросшей густой шерстью рукой на Толумбака.

Весело мурлыча, будто кот какой, глава одноглазых достал нож из красной меди, длиною в пять вершков, шириною в три вершка. На камень, на котором чудовища свеживали скот, потащили Толумбака. Двое одноглазых связали его руки и ноги веревками, скрученными из шкуры зубра. «До чего толст, до чего жирен!» — радовались чудовища. Сосруко краем глаза поглядывал на несчастного Толумбака: не

поддается ли он страху? А тот и в самом деле от страха пожелтел и дрожал, как желтый лист на осеннем ветру. Сосруко сказал ему чуть слышно:

— Успокойся, Толумбак, не дрожи, не бойся.

А Толумбак прошептал:

— Как тут не бояться, когда ты брошен на камень, на котором тебя собираются зарезать, как тут не дрожать, когда сейчас ты будешь съеден!

— Вот и не говори впредь никогда, что ничего и никого не боишься, — тихо поучал Сосруко чинта. — Много на свете может внушить страх богатырю.

Глава одноглазых, наточив нож, приблизился к жертве, к дрожащему Толумбаку, но Сосруко остановил его:

— Не спешите, почтенные одноглазые. Ножи у вас длинные, котлы у вас отменные, мясо варится у вас быстро, успеете поесть. А у меня к вам слово. Говорят люди, что вы, одноглазые, самые умные из земных существ, самые знающие. Особенно, говорят, вы сильны в счете. Вот и послали нас люди к вам с великой просьбой, чтобы вы, мудрые, рассудили, кто из нас прав, кто ошибается. До сих пор вы нас ни о чем не спрашивали, и мы разговора не затевали: так ведут себя люди в гостях.

Одноглазые заспорили. Одни утверждали, что людей и слушать не надо, а надо покончить с Толумбаком — когда-то еще, мол, выпадет такая редкая удача, причем в тяжкую для одноглазых пору: всего-то горстка их на земле осталась; другие возражали: съедим толстого человечка, а потом и просьбу выслушать можно; третьи, польщенные хвалебными словами Сосруко, требовали: сперва, мол, надо людишкам дать ответ, научить разуму, а потом уже съесть всех, начиная с самого толстого. Съесть людей, а закусить кониной! В конце концов, третьи-то и победили в споре, ибо падки на лесть были одноглазые! Они завалили вход в пещеру абра-камнем, и Сосруко начал:

— Был в нашем селении пастух. Он пас на склонах Эльбруса овец всего селения, а число овец равнялось трем тысячам. В глаз пастуха попала соринка. Вечером пастух пригнал отару в селение, пошел к матери и сказал:

«Мать, в глаз мне попала соринка. Проведи по глазу своим языком — извлечешь соринку».

А мать в ответ:

«Нельзя мне в вечернюю пору касаться твоего глаза: это дурная примета. Лучше сходи к нашей знахарке Айргав, она что-нибудь придумает: искусство ее известно всем нартам, она врачует людей от любой болезни».

Пастух пришел к знахарке. Прославленная целительница увидела в его глазу нечто серое. Старуха стала заговаривать больного: «Хути, хути, уалкватас, пусть в этот час исцелится твой глаз!» Но заговор не помог, соринка оставалась в глазу. Тогда седая Айргав позвала девяносто девять нартов, и они, кто с лопатой, кто с железным ломом, кто с деревянным, а кто с метлой, вошли в глаз пастуха. Все вместе, немало потрудясь, выгребли, как снег выгребают, соринку и уши, забыв на улице одну лопату.

Рано утром какой-то мальчуган, выгоняя телят, наткнулся на лопату, поднял ее и отбросил подальше в сторону, чтобы прохожим не мешала. Прошло много лет, на лопате осела пыль, образовался на ней толстый слой земли, покрытый дерном. Облюбовав это место, поселились там люди. Однажды они заметили, что по утрам их окна и двери смотрят не в ту сторону. Смятение овладело жителями. Решили они выставить дозорных. В одну из ночей дозорные увидели, что некая рыжая лиса грызла на краю селения, на обрыве горы, белый камень. Дозорные метнули стрелы и убили рыжую лису. Жители селения содрали с нее шкуру с одного боку. Хотели содрать и с другого боку, но, как ни старались, не сумели повернуть мертвую лису на другой бок. Так и осталась на лисе половина шкуры. А другую половину жившие на лопате разделили между собою поровну, и каждый мужчина получил по куску меха на папаху и на воротник для шубы.

В один из дней женщина из соседнего селения гнала телят на выпас, крутя на пути веретено, и наткнулась на мертвую лису, с которой снята была половина шкуры. «Очень хотелось бы мне узнать, — подумала женщина, — почему не тронута шкура на другой стороне?» Кончиком веретена она легко перевернула лису на другой бок, сняла оставшуюся половину шкуры и сказала:

«Быть может, хватит меха на тулью для шапки моему озорнику сыну».

Придя домой, женщина принялась квасить и мять шкуру. Окончив свою скорняжную работу, увидела она, что половины лисьей шкуры не хватит на тулью для шапки ее мальчика. С тех пор мы и спорим — кто больше всех: то ли соринка, попавшая в глаз пастуха, то ли сам

пастух, то ли рыжая лиса, то ли женщина с веретеном, то ли сын женщины? И почему половины лисьей шкуры хватило на папахи и воротники для мужчин всего селения, но не хватило на тулью одной шапки для одного мальчика? Споры пошли жаркие, перешли в драку, драка — в побоище. В конце концов люди разделились на две враждующие стороны, и началась между нартами война. Старейшины наши, видя, что люди истребляют друг друга, собрались на совет и решили отправить нас как послов к вам, ибо сообразительней вас, одноглазых, нет никого на земле, никто не сильнее вас в счете. Только вы сумеете разрешить наш спор, и тогда между нартами прекратится губительная война.

Сосруко замолк. Чудовища, насупив мохнатые брови, посмотрели друг на друга. Им очень понравилось, что люди наконец-то признали их ум и сметку, их превосходство над собою, но и задача казалась им нелегкой. Головы у них заболели от многословного рассказа Сосруко, все перепуталось — конец и начало. Один одноглазый говорит: «Соринка больше всех!» Другой: «Нет, больше всех лиса!» А третий: «Мальчик — вот кто больше всех!»

Спор ожесточился. Распалась, одноглазые бросились друг на друга с криками, воплями, с бранью. Пошла потасовка. Когда потасовка перешла в настоящее побоище, когда одноглазые сцепились друг с другом, кто-то из них задел огромный камень, которым они завалили вход в пещеру. Камень выкатился из пещеры. Одноглазые — за ним. Тогда Сосруко освободил от пут связанного Толумбака, воины сели на коней и выехали из пещеры. Одноглазые, охваченные безумным пылом побоища, не замечая всадников, вырвали деревья из земли, стали наносить один другому страшные удары. Опять кто-то из них нечаянно задел ногой камень, камень двинулся на одноглазых, отбросил их к краю пропасти, низверг в бездну всех одноглазых и сам рухнул туда вслед за ними. Но и в пропасти кто-то из одноглазых кричал: «Соринка больше всех!» Одноглазые погибли на дне пропасти, раздавленные сорвавшимся огромным камнем. Земля с облегчением вздохнула: теперь не было на ней ни одного чудовища! Сотворенная из желчи Тха, главы богов, была ныне до конца уничтожена человекоподобная нелюдь, поедавшая людей!

Одиннадцать всадников пустились в обратный путь. Они скакали быстро, но еще быстрее мчалась по земле слава об их подвиге, и чинты выходили им навстречу и благодарили богатырей, навсегда изба-

живших землю от одноглазых чудовищ. И в нартских селениях, куда Сосруко въехал один, простившись со своими спутниками-кунаками, было ликование, и казалось, что не только люди, но и деревья, и реки, и горы благословляют Рожденного из камня. Лишь пятеро ненавидели по-прежнему Сосруко, ибо чем больше разгоралась на земле слава Сосруко, тем больше они ей завидовали, а известно, что зависть — мать злобы. Имена тех пятерых вам известны: тонкогубый Гиляхсыртан, грузный Пшая, надутый спесью Пануко, козnelюбивый Сырдон и болтун Гутсакья. Они издали увидели возвращающегося домой Сосруко и остановились под скалой, и тень от скалы упала на них. Сырдон сказал:

— Вот он едет, этот безродный! Слава о нем гремит в мире, а наша слава утекает из мира, как вода из дырявого котла. Поверьте мне, великие храбрецы, уничтожит нас проклятый Сосруко! Так не лучше ли нам уничтожить его?

— Обезглавим его мечом, — сказал багровощекий Пануко.

— Нельзя: кровь на мече будет овидетельствовать против нас, когда боги призовут нас на суд, — возразил грузный Пшая. — Ведь не божителн на стороне Сосруко.

— Умертвим его стрелой, — предложил Сырдон.

— Нельзя, — опять возразил Пшая. — И кровь на стреле восстанет против нас.

— Отравим его, — уронил ядовитые слова Гиляхсыртан.

Но и с этим не согласился грузный Пшая:

— Видите, могучие храбрецы, пропасть? Через нее проложен узкий мост. Подрубим этот мост и уговорим Сосруко пройти по подрубленному мосту. Худородный непременно свалится в пропасть. Как знать, может, и жить останется, всякое бывает. А погибнет — так сам виноват: зачем согласился по мосту пройти?

Пятеро завистников подрубили мост. Когда Сосруко приблизился к ним, он услышал их громкое приветствие:

— Да будешь ты с великой судьбой, Сосруко! Слава о твоём мужестве растёт, ей уже тесно в пределах земли. Все мыслимые подвиги ты уже совершил, кроме одного подвига.

— О каком подвиге вы говорите? — спросил Сосруко.

— Видишь мост через пропасть? Большой подвиг — прыгнуть на этот мост со скалы, под которой мы остановились, но ещё больший подвиг — удержаться на ногах, а потом пройти по мосту.

Мог бы понять Сосруко, что ничтожен этот подвиг по сравнению с теми, которые прославили нарта, ничтожен, ибо не нужен, мог бы понять Сосруко, что слышит сейчас он вероломные слова, но забыл Сосруко о вероломстве этих пятерых, ибо с добротой всюду встречали его люди, и привык он в каждом видеть добро. Он подъехал на Тхожее к мосту, спешился, взбежал на скалу и прыгнул. Как только его ноги коснулись моста, подрубленный мост рухнул. Бревна полетели в пропасть, полетел в пропасть и доверчивый Сосруко.

Пятеро завистников повернули своих коней и помчались домой. Песня победы была на их лживых устах, но звуки не ладились, ибо песне нужны уста правдивые. Тхожей подошел к краю пропасти, заглянул в ее глубину: его хозяин, его сподвижник летел вниз, в бездонную бездну. Он летел, ударяясь об уступы скал, срывая на лету камни, сдирая себе кожу. Наконец замолк погибельный гул его падения: Сосруко упал на небольшой выступ земли между скалами. Узенькая тропинка неуверенно висала над самой бездной. Внезапно послышался женский голос:

— Идем, говорю же тебе, идем быстрее, держись за подол моего платья!

Сосруко открыл глаза. Женщина, держа на руках грудного ребенка, осторожно двигалась по выступу скалы и торопила своего старшего, трехгодовалого. Увидев лежащего над бездной человека, одетого, как воин, она удивилась:

— Как ты попал сюда? А я-то иду и браню своего старшего. Мы живем в селении недалеко отсюда, близко над нами — земной мир, а глубоко-глубоко внизу — мир подземный. Здесь и свалиться недолго, разбиться насмерть. Вот я и приучаю с малолетства мальчиков к нашим опасным тропам. А ты, вижу, здесь чужой, не знаю, как ты выберешься отсюда, непривычен ты к выступам скал над бездной. Слышишь стук рогов? Это вступили в схватку два драчливых барана из нашей отары, приближаются сюда два самца, черный и белый. Когда они бросятся друг на друга, ухватись за рог белого барана. Белый баран тебя подбросит вверх, и ты окажешься над пропастью. А если ухватишься за рог черного барана, то баран тебя толкнет вниз, и ты окажешься в другом мире, в подземном.

Сказав, женщина с двумя мальчиками своими пошла к себе в селение и скрылась за выступом скалы. А на другом выступе, на котором лежал Сосруко, раздалось: «Зурх-зурх! Зурх-зурх!» Два барана

бросились друг на друга. Рожденный из камня ринулся к белому барану, но тот отвернулся, и уже на краю бездны пришлось нарту ухватиться за рог черного барана. Черный баран отбросил его, и Сосруко полетел вниз, в глубокую пропасть...

Когда Кытаван впоследствии пел о подвиге Сосруко, сказитель нартский подсчитал, что Сосруко летел в подземный мир на протяжении семи дней и семи ночей. Сказители новых поколений утверждали, что, пока Сосруко летел вниз, дважды зима серебрила землю. Но их слова были неправильными, а правильно сказывал Кытаван: семь дней и семь ночей продолжалось падение Сосруко в бездне, и попал нарт в другой мир, в подземный.

Ничего не подделаешь, пошел Сосруко по дороге подземного мира, и дорога привела его в селение. Думал при этом Сосруко: «К счастливой козе травинка сама тянется. Так и со мной вышло: летел в пропасть, а жив остался, попал в другой мир».

Сосруко вошел в первый дом на краю селения. Там жила одинокая пожилая женщина. Сосруко приветствовал ее, как велит обычай, и оказалось, что и в подземном мире понимают нартскую речь. Ибо так же, как один язык у всех костров, очагов и светильников, и у всех соленых и пресных вод, и у всех камней земли, и у всех растений, был тогда единым язык всех существ человеческого рода. Рассказал Сосруко хозяйке, что он из племени нарттов, поведал, как попал в подземный мир. Хотя горцу не пристало, придя в гости, просить пищу или питье, попросил Сосруко воды, ибо измучился он, падая семь дней и семь ночей в пропасти, и жажда терзала его. Женщина горестно вздохнула:

— Прости меня, гость, а напоить не могу тебя. Нет у нас воды. Жителям нашего селения грозит гибель. Верховьем реки завладел девятиголовый дракон, и не дает он людям ни капли воды. А как сладка наша вода — слаще молока, клянусь богиней рек и озер! Если какой-нибудь юноша решается вступить с девятиголовым в битву, то дракон съедает смельчака. А не съедает, так убивает: необыкновенный это дракон, колчан с ядовитыми стрелами у него! Скоро обезлюдеет наше селение, никого в живых не останется.

Посмотрел Сосруко на женщину — высохла она от жажды, стала похожа на старый мельничный жернов. Жалость заговорила языком Сосруко:

— Что же, мать, так и быть, обойдусь без воды. Но попрошу те-

бя, сделай мне восемь голов-чучел. Попытаюсь я справиться с девятиголовым чудовищем. Трудно мне биться без моего коня-сподвижника, но пока со мной мои стрелы и меч, я — воин.

Женщина сделала головы-чучела, четыре прикрепила к правому плечу Сосруко, четыре к левому, на всех чучелах папахи. Испросив благословения подземной женщины, отправился Сосруко на битву с девятиголовым драконом. Вскоре он достиг верховья реки. Перегородив ее своим непомерным туловищем, лежал дракон, властно раскинув девять голов. Из восьми его глоток вырывался огонь, а из девятой — крипый крик:

— Новый явился? Смерти желаешь? Бороться будем или стрелы метать начнем?

— Сперва стрелы, потом борьба, — сказал Девятиголовому Рожденный из камня и метнул стрелу.

Слетела одна из голов дракона с его правого плеча. Дракон решил, что и противник его — о девяти головах, не такой, как прежние, и метнул стрелу в одну из голов-чучел, и чучело слетело с правого плеча Сосруко. Так дракон свалил своими стрелами наземь все восемь голов-чучел, а Сосруко снес с плеч непомерного чудовища все девять его голов. С трудом оттащил Сосруко мертвого дракона от верховья реки, и освобожденная вода шумно и быстро хлынула по истосковавшемуся по ней руслу.

Сосруко устал. Напившись воды, он прислонился булатным телом своим к стволу дуба. Отдышась, он взглянул вверх и увидел на вершине дуба гнездо. Из гнезда робко выглядывали орлята. Они давно уже следили за борьбой Сосруко с девятиголовым драконом. Сначала, когда вооруженный человек приблизился к дракону, они перепугались, но, увидев, что человек уничтожил дракона, орлята обрадовались и позвали Сосруко в свое гнездо. Нарт взобрался на вершину дуба. Орлята стали к нему ласкаться. Вдруг на весь подземный простор упала огромная тень. Сосруко спросил:

— Что это, орлята? Не затмение ли началось?

Орлята в ответ:

— Это мать-орлица спешит к нам, распластав крылья и закрывая Солнце.

Вскоре хлынул теплый дождик. Сквозь струи дождя проглядывало солнышко.

— Как это понять? — спросил Сосруко, и орлята ему ответили:

— Наша мать приближается к гнезду. Она, бедная, думает, что мы погибли, как и прежние ее птенцы, и плачет она. Каждый год, пока мать летала в горах в поисках пищи для детей, девятиголовый дракон вытягивался вдоль ствола дуба и поедал орлят. Он разрушал гнездо и уползал к реке. Дождик, который сейчас полился, это слезы орлицы. Она думает, что и мы погибли в пасти дракона. И все же надеется мать-орлица, что ее дети живы, и солнышко, сияющее сквозь дождевые струи, — это свет материнской надежды.

Прошло еще некоторое время, и подул сильный ветер. Деревья пригнулись к травам, травы — к почве. Не гнулся только дуб, на вершине которого было орлиное гнездо. Орлята сказали:

— Мать спускается с выси. Спрячясь, богатырь, под нашими крыльями, не то матушка, не зная тебя, подумает, что ты хочешь нас погубить, ринется на тебя.

Орлица несказанно обрадовалась, увидев, что дети ее живы. Она спросила у орлят:

— Кто ваш избавитель? Каждый год я вывожу птенцов, и каждый год их поедает дракон. У орлов и у людей — один враг. Кто же убил дракона, как вы живы остались, мои светлкрылые?

— Вот наш избавитель, — сказали орлята и приподняли крылья.

Орлица увидела нарта. И счастливая мать прижалась к спасителю ее детей своим крылом, начала его ласкать своим клювом, говоря:

— Да стану я жертвой за тебя, да падут на меня твои недуги! Какую твою просьбу исполнить? Какое у тебя заветное желание?

— Я — нарт, — сказал Сосруко. — Я житель земного мира. Сосруко — имя мое...

— Не тот ли ты Сосруко, которого клевал мой сородич, прислужник бога огня? Не нарт ли, твой сородич, убил моего сородича? — перебила речь Сосруко подземная орлица.

Сосруко не стал скрывать правду:

— Нарт Батрадз, мой сородич, примчался к вершине Эльбруса, чтобы освободить меня от цепей, когда я был прикован к скале, и обезглавил орла — слугу властелина пламени.

— Я знала об этом, — сказала орлица. — И хотя мой сородич опозорил честь орлиного рода, став слугою-рабом, я возненавидела род человеческий, ибо люди погубили орла. Но здесь, в подземном мире, у людей и у орлов оказался один враг, и ты избавил моих птенцов от гибели, и теперь я — твой друг. А это величайший из подвигов —

превратить врага в друга своего, и ты, Сосруко, совершил такой подвиг. Теперь скажи мне: каково твое заветное желание?

— Мое заветное желание — воля, — сказал Сосруко. — А воля моя там, где нарты. Вызови меня из подземного мира, мать-орлица, помоги мне вернуться на родину!

— Я помогу тебе, — ответила нарту орлица. — Ты обретишь волю, ты вернешься на родину. Пойди к людям подземного мира. Благодарные тебе за то, что ты убил дракона, за то, что к ним потекла вода с верховья реки, сладкая, как молоко, они захотят тебе подарить несметное количество золота и серебра. А ты им скажи: «Не надо мне золота, не хочу серебра, а вот что надобно мне: зарежьте девять буйволов. Из шкур буйволов изготовьте два бурдюка. Один бурдюк наполните мясом буйволов, другой — кровью буйволов. Привяжите бурдюки к спине орлицы». Когда люди исполнят твою просьбу, ты сядешь на меня и мы полетим. Как только заклеочу я: «Карк!» — ты отрежешь и дашь мне кусок буйволиного мяса. Заклеочу: «Курк!» — зачерпнешь ладонью буйволиную кровь и дашь мне глоток.

Сосруко пошел к людям. Народ подземного мира восторженно встретил своего избавителя. Мужчины и женщины подходили к нему и целовали его в левое плечо в знак великого уважения. Старейшины подземного мира сказали:

— Мы решили построить для тебя, богатырь-избавитель, золотой дворец, а столы и скамьи сделать из серебра, и коновязь тоже сделать из серебра. Мы решили дать в жены тебе самую красивую из наших девушек. Живи с нами, радуя нас.

Рожденный из камня ответил старейшинам, ответил почтительно и ласково:

— Мне, нарту, не надо ни золота, ни серебра. И жена мне из числа ваших дочерей — да сияют они вечной красотой! — не нужна, ибо я женат на светлорукой Адиюх. И коновязь мне не нужна без моего коня-сподвижника Тхожея. Мне, нарту, нужна воля, а воля моя там, где я родился. Если же вы хотите мне помочь, то просьба моя такова. — И Сосруко передал подземным людям слова матери-орлицы.

Жители селения приготовили все, что нужно было орлице, нагрузили на нее два бурдюка с мясом и кровью девяти буйволов. Сосруко сел на орлицу. Все подземное племя, исполненное благодарной

любви к нарту, вышло, чтобы проводить своего избавителя в далекий, им неведомый путь. И таково было пожелание подземных людей:

— Счастливого тебе пути, нартский сын. Мы никогда не забудем твоей доброты! Помни и ты о нас, когда вернешься туда, где родился, где твоя воля.

А орлица, совершая круг за кругом, поднималась все выше со своей необычной ношей и наконец стала невидимой для подземного племени. Вскоре она достигла того места, где начиналась пропасть, через которую попал Сосруко в подземный мир, когда его падение длилось семь дней и семь ночей.

Орлица взвилась вверх среди выступов скал. Сосруко то кормил ее мясом, то поил буйволиной кровью. Когда показалось нарту, что орлица вот-вот вырвется из пропасти на поверхность земли, вот-вот достигнет милого земного мира, могучая птица, изнемогая от усталости, в последний раз попросила: «Карк!» Заглянул нарт в бурдюк, а мясо кончилось. Между тем орлица начала слабеть. Еще мгновение — упадет она, бессильная, на дно пропасти, разобьется вместе с богатырем. Тогда Сосруко отрезал мечом кусок мякоти от своего бедра и дал орлице. Поев и набрав силы, орлица взметнулась вверх. Глаза ее увидели свет земного мира. «Курк!» — заклекотала она. Сосруко заглянул в другой бурдюк, а там ни капли. Тогда нарт зачерпнул чашечкой ладони кровь из своего израненного мечом бедра и дал орлице испить. Орлица, утолив жажду, вынесла Сосруко на поверхность того мира, где он родился из камня, где была его воля.

На земле вечерело. Вся поверхность земли была похожа на зеленую кошму, обведенную темно-алой каймой заката. Сосруко слышал радостное ржание Тхожея: дни и ночи стоял у подрубленного моста конь-сподвижник, ждал возвращения друга-сотоварища. Сосруко сошел с орлицы, ступил на землю, поцеловал коня. Орлица сказала:

— Хорошо ты кормил меня, Сосруко, вовремя поил, но самым лучшим оказался мне последний кусок мяса, самым вкусным — последний глоток крови.

— Спасибо тебе, мать-орлица, — промолвил в ответ Сосруко. — Я сделал все, что мог, ибо стремился туда, где моя воля, а воля моя там, где я родился.

— Попробуй-ка шагнуть, — посоветовала орлица. — Не разучился ли ты ходить по родной земле.

Сосруко, сильно хромая, с трудом сделал два шага. Орлица увиде-

ла, что бедро его ранено, что из бедра течет кровь, и догадалась, откуда взялись последний кусок мяса для нее, последний глоток крови. Она припала к бедру Сосруко, ласково прикоснулась к нему несколько раз клювом, и бедро его зажило, стало крепким, раны как не бывало.

— И тебе пора домой, и мне пора домой, — сказала мать-орлица. — Без ноши полечу быстро, вернусь в гнездо скоро.

Орлица опустила в пропасть, полетела вниз, в подземный мир, к своим птенцам. Сосруко сел на Тхожея и направил коня в родное селение, и Луна озаряла его путь.

Каким чудом показалась нарту родная, с детства ему знакомая кавказская земля! «Есть жизнь и на морском дне, и в подземном мире, — думал он, — но нет мне жизни без Кавказа!» Он увидел хребты гор в белых папахах, увидел пихты, и эти деревья, как копыеносцы, вонзали свои копыя в небесную высь, он увидел озеро, неподвижно голубевшее в каменной чаше, он увидел целые державы облаков, парящие над лугами и лесами! Все это увидел Сосруко словно впервые, и удивился молодой нарт живой красоте земли. Луна тоже с удивлением смотрела на сына своей дочери, и так велико было ее удивление, что запечатлелся на ней образ всадника на коне, как некогда запечатлелся на камне образ дитяти. Вы, внимающие нашей повести, не раз, конечно, видели на Луне какие-то тени. Поднимитесь на вершину Кавказа в лунную ночь, посмотрите внимательней: на Луне запечатлен образ Сосруко верхом на коне.

ТАЙНА СОСРУКО

Процветала в горах Страна Нартов. Каждый нарт был равен другому нарту, и дыхание воли делало жителей этой страны могучими и добрыми. В довольстве и счастье жили Сосруко и Адиох, Сильно-рукий и Светлорукая.

Однажды знаменитый нарт, именуемый повсюду опорой добра, оседлал Тхожея, чтобы отправиться в путь неблизкий, но нетрудный. Некий чинт, его кунак, пригласил Сосруко на пир в честь праздника Весны. Когда Сосруко вдел ногу в стремя, прибыла в его дом Сата-ней. Не старилась дочь Солнца и Луны, среди бурного движения лет она оставалась такой же молодой и красивой, как в тот день, когда

она впервые пришла в Страну Нартов. В постоянстве ее молодости было постоянно цветения земли, постоянство зерен и всходов. Но в ее всегда сияющих глазах теперь темнела тревога. Сатаней сказала:

— Не уезжай сегодня, сынок. Мой золотой перстень стал цвета крови. Это твой путь отражается в перстне кровавой полосой, твои окровавленные доспехи отражаются в перстне. Не уезжай сегодня. Если поедешь, тебе не миновать беды.

— Ну что же, так и быть, жизнь дается нам не навеки, — ответил матери, улыбаясь, Рожденный из камня. — Но сама посуди, откуда может прийти беда? Нет у меня врагов. Одноглазые истреблены все до одного, с племенами чинтов у нас мир и согласие, а нарты мне братья.

— Все ли нарты братья тебе? Вспомни, сколько зла причинили тебе пятеро завистников! Но я знаю, мой мальчик, — продолжала свою речь Сатаней, — раз ты решился на что-нибудь, то будешь стоять на своем. Об одном прошу тебя: если увидишь на дороге находку, не подбирай. Даже если моя голова, сын мой, будет валяться в пыли, не поднимай ее, заклинаю тебя!

— Почему же я не должен ничего подбирать на дороге?

— Потому что в кровавом блеске моего перстня я различаю какие-то предметы.

— Все это, мать, пустые сны. Не бойся, я вернусь домой целым и невредимым.

— Не пустые это сны, возлюбленный мой, — вмешалась в разговор Адиух. — Послушайся вещих слов матери, не уезжай сегодня.

Многое знал Сосруко, но не знал он, что предчувствие матери и жены сильнее уверенности мужчины, и ускакал на своем Тхожее.

Долго ехал, и вот увидел посреди дороги высокое плодовое дерево. У подножия дерева простые сыромятные чуваки вели борьбу с нарядными чуваками из сафьяновой кожи. Сыромятные чуваки рвались к вершине дерева, а сафьяновые их не пускали. Едва лишь сыромятные вырывались к плодам и листьям, сафьяновые их догоняли и стаскивали вниз. И вот что удивительно: добирались до вершины дерева сафьяновые — листья начинали опадать, плоды сохнуть. А если хоть одному из сыромятных чуваков удавалось добраться до вершины дерева, оно снова расцветало. Пораженный Сосруко приблизился к дереву и рукоятью плетки разбросал чуваки в разные стороны, но чуваки сошлись опять и продолжали свою яростную борьбу.

Сосруко поехал дальше. Долго он думал об этом чуде, пока не увидел другое, не менее удивительное. Он увидел на дороге две старые кадки. Одна была полна светлой хмельной браги, которая переливалась через край, другая кадка была пустая, и кружилась она вокруг кадки, наполненной хмельной брагой. Кружилась, вертелась, переворачивалась, нагибалась к кадке, а та стояла неподвижно, как будто не замечала пустой кадки. Сосруко поднял полную кадку и опрокинул ее над пустой, но ни одна капля хмельной браги не вылилась из полной кадки в пустую.

Сосруко поехал дальше, пораженный этим чудом, но вскоре набрел на новое чудо, не менее удивительное. Он увидел веревку. То она растягивалась во всю длину, то завязывалась в узел. Когда Сосруко приблизился к ней, веревка растянулась, преграждая всаднику путь, но как только нарт поехал дальше, веревка опять завязалась узлом. Сосруко наклонился с седла, схватил веревку за конец и потащил за собою, а потом бросил. Веревка снова завязалась узлом и легла перед Сосруко.

Долго думал Рожденный из камня об этом чуде, пока не увидел новое чудо, не менее удивительное. На дороге он услышал громкий лай. Около кизилового куста лежала старая собака и спала. Кто же лаял? Лаял еще не родившийся щенок, лежавший в утробе матери. Всадник наклонился с коня, чтобы внимательней посмотреть на необыкновенную собаку. День был ясный, весенний, время шло к полудню, но вдруг небо заволокло тучами, поднялась буря, черные вороны слетелись на кусты кизила и стали бить эти кусты своими крыльями. Тяжелый мрак опустился на землю. Куда ехать, где дорогу найти? Зорек был всадник, зорек был и его конь, но ничего они не видели во внезапной всеобщей тьме. Тогда-то два ослепительно белых луча рассекли тьму, и Сосруко и Тхожей увидели путь назад, к своему дому. Догадался Сосруко, что Адиох протянула из окна свои светоносные руки, чтобы ее муж нашел дорогу домой среди неожиданно наступившего мрака. Делать нечего, иного пути не видно было, поскакал Сосруко в ту сторону, откуда начинали светиться ослепительно белые лучи.

Так, не доехав до страны чинтов, Сосруко вернулся домой. И как только он вернулся, развеялся мрак, опять стал ясным весенний день, только на лице Сосруко были тревога и смятение. Адиох, накормив мужа, напоив его брагой, сказала:

— Возлюбленный мой, чем ты огорчен, чем озабочен?

— Если бы ты знала, светлорукая жена моя, сколько странного, непонятного, тревожного встретил я на своем внезапно прервавшемся пути! — ответил Сосруко.

— Что же тебя удивило? Нарты говорят, что самое удивительное на земле — это ты, Сосруко.

Рожденный из камня рассказал светлорукой Адиху о плодовом дереве, у подножия которого сыромятные чувяки вели борьбу с сафьяновыми.

Выслушав мужа, Адиху сказала:

— Ты видел два враждебных рода. Чувяки из сыромятной кожи — бедный род, чувяки из сафьяновой кожи — богатый род. Вершина плодового дерева, достичь которого стараются чувяки, — сама Жизнь. Предстоит, значит, война между бедным родом и богатым. Пусть дрожат, пусть страшатся князья чинтской земли: победит бедный род, ибо когда сафьяновые чувяки достигают вершины дерева, плоды гибнут, а когда вершины дерева достигают сыромятные чувяки, деревья расцветают.

— Как ты мудра, любимая жена моя! — воскликнул Сосруко. — Теперь объясни мне другое чудо, не менее удивительное.

И Сосруко рассказал о двух кадках — о пустой и полной. Адиху объяснила и это чудо:

— Пустая кадка кружится, вертится, а кадка, полная хмельной браги, неподвижна, не хочет к ней наклониться. Это значит: тот, кто живет в богатстве, не понимает бедняка и не хочет ему помочь.

Рожденный из камня восхитился умом своей жены. «Не потому ли руки ее светятся, что ум ее — источник света?» — подумал Сосруко и рассказал жене о веревке. Нашла Адиху объяснение и этому чуду:

— Ты выехал в путь против желания твоей матери, и Сатаней, охваченная дурным предчувствием, как бы говорит тебе этой веревкой, то растягивающейся, то связывающейся узлом: «Не удаляйся от матери, Сосруко!»

— Я понял, — сказал Сосруко. — Вережка — знак, что я прочно связан с матерью. Теперь объясни мне, что означает старая спящая собака, что означает щенок, лающий в ее утробе?

— Это означает вот что: дети превзойдут своих родителей, потом-

ки будут созревать раньше, чем созревали предки, будут умнее и сильнее предков.

— А что означает крошечная тьма, внезапно наступившая среди ясного весеннего дня, что означают вороны, которые били тяжелыми крыльями по кустам кизила?

Долгим, как жизнь, и печальным, как смерть, взглядом посмотрела Адиух в глаза возлюбленного мужа и произнесла медленно и тихо горькие слова:

— Вороны — это дурное предзнаменование. Ты цветешь, мой Сосруко, словно куст горного кизила, а кто-то замыслил против тебя зло. Ты погибнешь, возлюбленный мой. Однажды сделал меня вдовой нелюбимый муж, теперь я буду оплакивать вдовьими слезами того, кто открыл мне разум и душу любви. Послушай меня, Сосруко. Я знаю, ты упрям. Раз уже ты решил отправиться в путь, то решения не изменишь. Но прошу тебя, не в чинтскую страну поезжай а к своей матери, к многомудрой Сатаней.

Сосруко сказал:

— Ты ведь знаешь, возлюбленная жена моя, что я не из тех мужей, которым мать говорит: «Не уезжай!», а жена: «Поезжай к матери!» Я повинуюсь только долгу сердца, а долг велит мне ехать в страну чинтов. Пусть лучше я погибну, но не соглашусь хотя бы один день прожить в бессмысленном страхе. Страх превращает живущего в животное, а я хочу до конца дней своих остаться человеком.

Сказав так, Сосруко вышел из дому, вскочил на Тхожея, пустился в путь. Решил он, однако, заехать сперва в дом Алиджа. «Может быть, — думал он, — отправится вместе со мной кто-нибудь из братьев-нартов к чинту-кунаку — вдвоем ехать веселее». Долго ли, коротко ли скакал Сосруко, но вам, кто слушает нашу повесть, и вашим сыновьям и внукам мы желаем всегда скакать с такой же быстротой!

На дороге Сосруко увидел золотой шлем. Так понравился всаднику этот шлем, остро сверкавший, что наклонился он к находке, хотел поднять шлем. Тхожей проржал:

— Разве ты забыл просьбу матери — ничего не подбирать на дороге?

Но Сосруко все же поднял шлем и надел его, а коню ответил так:

— Я не могу оставить его на дороге. Этот шлем кажется мне сделанным из лучей Солнца. Не печалься, конь-побратим, я не боюсь битвы с врагом. Меня закалил Девет, первый нартский кузнец, и те-

ло мое стало булатным. Девет держал меня клещами за бедра, поэтому одни только бедра мои уязвимы. Я могу толкать огромное колесо с острыми выступами, забаву нартов, и рукою, и грудью, и даже лбом, но если мне скажут: «Толкни бедрами», то колесо отрежет мне ноги. Вот где мое слабое место, Тхожей. А где твое слабое место?

Конь проржал с укоризной:

— Не должен ты был, Сосруко, называть громко посреди дороги свое уязвимое место. И меня не заставляй делать это!

— Я давно уже взрослый, — выпалил Сосруко, — а все меня поучают! Чего только не приходится мне выслушивать от моих близких — от матери, от жены и от коня!

— Хорошо, я скажу, — ответил Тхожей, не желая обидеть всадника-побратима. — Мои уязвимые места — мои копыта. Ни одно животное в мире не в силах состязаться со мной в беге, смерть победит ва мной — не догонит, но долго скакать по камням я, рожденный на дне моря, не могу. Копыта мои разобьются, и я из быстрого скакуна превращусь в ползающую тварь.

Как только Тхожей произнес эти слова, золотой шлем слетел с головы Сосруко, слетел и исчез. Тхожей спросил:

— Все еще ли при тебе твоя находка? Все ли еще на твоей голове золотой шлем? Поверь мне, злой блеск исходит от него!

И когда Сосруко понял, что шлем исчез, он вздрогнул, и дрожь его почувствовал Тхожей. Верный конь сказал:

— Предупреждала тебя твоя мать: «Если увидишь на дороге находку, не подбирай». И я тебя предупреждал: не следовало громко говорить о своих уязвимых местах.

Сосруко ничего не ответил коню и продолжал свой путь. Охваченный неясной, как мгла в горах, тревогой, он прискакал к дому Алиджа. Оказалось, что почти никого из нартов не было на Хасе: они уехали к новым друзьям своим, к чинтам, на праздник Весны. Только пятеро завистников остались в доме Алиджа. Не было у них друзей среди чинтов, никто их не пригласил на праздник. У них и среди нартов не было друзей, ибо они дышали не светлым дружеством, а темной враждой. Они сидели, пятеро, на одной скамье, томились от скуки, и томление скуки еще больше увеличивало их злобу. Грузный Пшая сказал:

— Слышу топот коня. Так может скакать только Сосруко на своем огнецветном. Тхожее.

— Надоел мне Сосруко, опротивел мне он, худородный и черно-костный! — крикнул Сырдон. — Только о нем и говорят люди, только его одного хвалят и величают, будто нас на земле и не было никогда! А в чем тайна его славы, понять не могу. И ростом он ниже нас, и не может он похвастаться числом убитых врагов или угнанных стад, и по уму он уступает нам, а по родовитости — и говорить нечего, не нартского он корня, неизвестно как рожденный сын пришлой матери. Нет сил моих больше терпеть его! Не быть ему на земле!

— Не быть ему на земле! — повторил Гиляхсыртан.

Но когда Сосруко вступил в дом Алиджа и поздоровался со всеми почтительно, как подобает здороваться со старшими, потекла сладкая, ядом напоенная речь с тонких губ Гиляхсыртана:

— Да не затмится твоя слава, Рожденный из камня! А мы здесь ржавеем от скуки. Все нарты, кроме нас, поехали к чинтам на праздник, но мы с чинтами не знаем, не водимся. И ты не водись. Может быть, доблестный брат, разведем нашу скуку, поиграем в колесо, покатаем Жан-Шерх с горы?

Не хотелось Рожденному из камня задерживаться, собирался он к чинтам на праздник Весны, но и отказать пятерым в их просьбе не хотел он — помнил слова орлины из подземного мира: «Величайший подвиг — превратить своего врага в друга». Хотел сын Сатаней, чтобы и эти пятеро стали его друзьями, и согласился он поиграть с ними, покатать с горы да вернуть наверх огромное колесо с острыми выступами.

Поехали к Хараме-горе. Пятеро взобрались на вершину, Сосруко остался внизу. Тхожей недалеко жевал траву. Завистники столкнули с вершины горы колесо Жан-Шерх. Оно полетело вниз так же быстро, как в тот день, когда Сосруко впервые появился на Хасе нартов, и с той же силой, как в тот день, Сосруко оттолкнул его ладонью. Жан-Шерх возвратилось назад, и снова его сбросили злоедущие вниз, но Сосруко оттолкнул колесо булатной грудью и с силой вернул наверх, на вершину Харамы-горы. В третий раз пустили завистники стальное колесо по обрыву, и в третий раз возвратил его Сосруко наверх, оттолкнув булатным лбом.

Пришли в смятение завистники, трепет обуял зложелателей. Вдруг появилась на вершине Харамы-горы странная всадница. Конем ей служил петух, стремени — колючки, плеткой — змея. То была старая бесовка, ведьма. Ненавидела она все людское, всех людей, но

больше всего ненавистен ей был Сосруко, ибо ненависть была ее ремеслом, ее призванием, ее сладостью, ее восторгом, а Сосруко уничтожал ненависть на земле. Сосруко был и Любовью земли, а ведьма со своей ненавистью повсюду незримо следовала за Любовью земли. Это она, исчадие зла, превратилась в золотой шлем, и поднял находку Сосруко и надел на голову. Шлем исчез, когда Сосруко и Тхожей называли свои уязвимые места, — только это и нужно было ненавистнице людей.

— Хе-хе! — захихикала тонким голоском старая бесовка, приблизившись к пятерым завистникам. — Удачливого дня вам, детки мои, одной мы с вами породы — породы ненависти. Порода одна, а сметка разная у нас. Того не знаете, что я знаю. Если вы хотите умертвить Сосруко, то скажите ему, чтобы он оттолкнул Жан-Шерх своими бедрами!

Ведьма ударила ядовитой змеей, будто плеткой, своего петуха и скрылась за вершиной Харамы-горы. А пятеро зложелателей, отпрыски ненависти, обрадовались, крикнули сверху:

— Эй, Сосруко, эй, булатный нарт, чей удар ладонью достоин удивления, чей удар грудью достоин почести, чей удар лбом достоин песни! Теперь ударь колесо бедрами!

Крепко задумался Рожденный из камня. Отказаться от вызова злоедущных? Последует за отказом позор. Ответить согласием? Последует за согласием гибель. Посмотрел Сосруко вверх, увидел, что к нему ближе всех на обрывистой почве растет ольха. Спросил ее Сосруко:

— Ольха, удержишь ли ты колесо с острыми выступами, когда его толкнут на меня?

— Боюсь колеса, не задержу его, — ответила ольха, и прокляла ее Сосруко:

— Отныне люди, чтобы делать краску, будут обдирать с тебя кору!

Повыше росла липа. А надо сказать, что в те далекие времена липа была плодоносна. Обратился к ней с той же просьбой Сосруко. Липа сказала:

— Я толста, но мягка. Не сумею задержать колесо.

— Так будь же и ты проклята! — крикнул Сосруко. — И к тебе будут люди приходить только ради твоей коры. Цвести будешь красиво, а плода не дашь: на бесплодие обрекаю тебя!

Еще выше росла белая береза. И в ответ на просьбу Сосруко она сказала:

— Тот, кто тебе враг, тот и мне враг. Разве я забыла, что на моем стволе плыла твоя мать, когда бежала к людям от дракона — повелителя тумана? Не знаю, сумею ли, но постараюсь задержать колесо.

И Сосруко благословил березу:

— Лучшим из деревьев назовут тебя люди, о белая береза! Твои сучья будут собирать горцы, чтобы делать из них вертела, когда захотят жарить мясо!

Еще выше рос орешник, обвитый хмелем. Услышав просьбу Сосруко, ответили так орешник и хмель:

— Сил у нас немного, что сумеем, то и сделаем, чтобы тебя защитить, великий нарт, опора добра!

Тогда благословил их Сосруко:

— Отныне, орешник, люди будут приходить к тебе за вкусными плодами и благодарить тебя. А ты, кудрявый хмель, будешь людской радостью!

Узнал Сосруко, что есть у него друзья даже среди растений. Благодарным растениям за дружбу, в гнев на завистников, в упоении своей силой, Сосруко поднял голову. Правый гнев раскалил его, он пылал.

— Толкайте, — крикнул Сосруко, — толкайте стальное колесо, а я оттолкну его бедрами! Вот я весь перед вами, ни от кого не таюсь!

Пятеро злоедушных столкнули колесо вниз. Оляха его не остановила, липа от него отшатнулась. Загородила путь колесу береза, но колесо рассекло ее пополам. Обвили колесо побеги хмеля, но колесо разрезало побеги своими острыми выступами. Попытался задержать Жан-Шерх орешник, но колесо раздавило его. И когда колесо подлетело к Сосруко, он, разъяренный гибелью невинных растений, ударил колесо бедрами — сначала одним бедром, потом другим, — и колесо отрезало ему обе ноги. Сосруко пополз по земле и позвал:

— Тхожей, верный мой конь, где ты?

Тхожей упал рядом с побратимом, лег спиной к нему и сказал:

— Взберись на меня, Рожденный из камня! Пятеро зложелателей с обнаженными мечами бегут с вершины Харамы-горы, чтобы тебя убить. Скорее, Сосруко!

Сосруко собрал свои силы, напряг их, взобрался на спину Тхожея, и верный конь унес безногого всадника. Пятеро завистников пустились вдогон за Сосруко, но Тхожей бежал быстрее ветра. Внезапно рядом с погоней оказалась ведьма верхом на петухе. Она крикнула пятерым:

— Что вы мечетесь без толку? Загоните лучше Тхожея в реку, заставьте его скакать по каменистому руслу!

Удалось зложелателям их злодеяние: принудили они Тхожея бежать по каменистому руслу реки. Мяжки, словно шерсть, мяжки были подошвы могучего коня, и трудно стало Тхожею: он в реке, словно рыба на земле! Копыта его разбились, он обессилел. Но сила его духа была сильнее силы его тела, и конь скакал на своих спотыкающихся копытах, пока не свалился на берег. Упав, он сказал:

— Сейчас я умру. Прощай, нарт-сподвижник. Оставайся, и обезноженный, опорой добра!

Так умер Тхожей, огнецветный сын морской кобылицы. Он умер, ибо конь есть часть существа всадника, ибо если конь и всадник — друзья-сотоварищи, то конь и всадник рождаются и умирают в один и тот же день...

Пятеро завистников, глядя сверху на мертвого коня, подумали: «Подох конь, подохнет в один день с ним и безногий всадник!» — и ускакали с людских глаз долой. А Сосруко лежал, грудью к небу, кровь его покрыла красной пеленой траву, стекала тонкими струйками в каменистое русло реки. Вдруг появилась, угрюмо паря, самка коршуна. Она опустилась к истекающему кровью Сосруко и сказала:

— Теперь я напьюсь твоей крови досыта!

— Пей досыта, — ответил Сосруко, — только с этого дня, едва наступит летняя жара, будешь ты мучиться нестерпимой жаждой, будешь выводить коршунят у себя во рту!

Напилась тогда богатырской крови самка коршуна, но проклятие богатыря сбылось: ныне в самые жаркие месяцы лета самка коршуна изнемогает от жары и выводит коршунят у себя во рту.

Прилетел ворон, закаркал:

— Сосруко, Сосруко, скоро выключю твои острозоркие глаза!

А Сосруко:

— Стыдись, ворон, я еще жив, как же смеешь ты выклевывать мои глаза?

И безногий нарт проклял ворона:

— Пусть отныне ты не знаешь покоя, пусть птенцы твои всегда летают за тобой, чтобы выклевывать ненавистные твои глаза!

Как сказал Сосруко, так с той поры и повелось: едва только самка ворона выведет птенцов, они устремляются за матерью, чтобы выклевывать у нее глаза.

Прилетел к Сосруко голубь и присел к его изголовью. Умиравший нарт сказал ему:

— Голубь мой, брат мой, самый добрый из крылатых, полети к моей матери Сатаней, самой мудрой из женщин, поведай матери, что обе ноги мои отрезаны нартским колесом, что я здесь лежу, истекая кровью.

— Сейчас полечу, брат мой, Рожденный из камня, самый справедливый из людей.

— Спасибо тебе, голубь, — поблагодарил Сосруко. — Твои лапки, когда ты около меня присел на землю, окрасились моей кровью. Пусть у всех голубей лапки будут красными до тех пор, пока на земле существует вражда. Но в тот час, когда вражда на земле исчезнет, навеки, пусть лапки голубей станут светлыми!

Голубь расправил сизые крылья, полетел к Сатаней, сказал:

— Твой сын лежит, истекая кровью, и пьют его кровь трава у подножия горы и каменистое русло реки.

Сатаней собрала братьев-нартов, и люди двинулись туда, где лежал Сосруко. В слезах наклонились над умирающим златокудрая Сатаней и светлорукая Адиюх. Велико горе жены, когда умирает ее возлюбленный муж, но что сравнится с горем матери, когда умирает ее единственный сын! Окружили Сосруко и Назрен Длиннобородый, и Девет, первый нартский кузнец, и Бадын, и Батрадз. Сосруко сказал им:

— Когда я умру, опустите меня туда, откуда берет начало все, что растет и обновляется.

Когда так сказал Сосруко, прискакал Бадыноко, сын Бадына. Он приблизился к Рожденному из камня и промолвил твердо и внятно:

— Люди не должны убивать людей — это твои слова, Сосруко, и они верны. Но люди обязаны убивать нелюдей, врагов жизни, и я уничтожил тех пятерых, тех злоедушных, тех ненавистников жизни, кто повинен в твоей гибели, брат мой Сосруко!

Это были последние слова, которые услышал Сосруко на земле. А потом отошло от его уст последнее дыхание, и тело нарта зарыли

в землю. Над могилой возвели курган, и едва возвели его, как покрылся он сияющими цветами. На курган поднялась Адиух, чтобы оплакивать возлюбленного мужа. Она протянула вперед свои светоносные руки — и застыла, застыла навеки, стала недвижным изваянием, и навеки застыл свет ее рук, и поныне, застывший, он освещает могилу Рожденного из камня.

Лежит Сосруко там, откуда берет начало все, что растет и обновляется. Каждый год, как только на землю снова приходит тот день Весны, когда Сосруко зарыли в землю, просыпаются животные, реки освобождаются от ледяных оков, оживают деревья и травы и радостно тянутся к свету земли.

О, не думайте вы, слушающие нашу повесть, что Сосруко растаял со своей душой: его душа живет в народе, и пока жив народ, жив и Сосруко, он тоже тянется к свету земли, и в этом — его тайна, его загадка, которая теперь отгадана! «Сосруко не умер и умереть не может!» — говорят кавказские горцы. Он рвется вверх, на свет, но не может сквозь подземную толщу пробиться туда, где все растет и обновляется, и невольно льются слезы из его глаз. Родники, бьющие из подножия Эльбруса, — это горячие слезы Сосруко. Бегут родники к людям, и в их влажном шуме слышатся слова:

— Да исчезнет на земле вражда и да станут светлыми красные лапки голубей, окрашенные моей кровью!

Это говорит Сосруко, Рожденный из камня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Кайсын Кулиев. Книга о мудрости и мужестве . . .</i>	3
Дочь Луны и Солнца	7
Гибель красноликого Фука	12
Как Сатаней обманула Урызмага	17
Белая лань и черная лисица	21
В пещере одноглазого	29
Ох-ох-ох!	36
Как родилась песня о нартах	47
Девет Златоликий	52
Как брат нечаянно убил брата	59
Рождение Сосруко	63
Возвращение Урызмага	69
Меч и конь Сосруко	75
Как Урызмаг узнал о своем сыне	84
Как Сосруко вернул богатырям семена проса и впер- вые появился на Хасе нартов	95
Как Сосруко ввел в Стране Нартов новый обычай . .	113
Как Сосруко похитил огонь у бога огня	123
Сильнорукий и Светлорукая	135
Сосруко в подземном мире	149
Тайна Сосруко	161

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу: Москва, А-47,
ул. Горького, 43. Дом детской книги.*

Для среднего и старшего возраста

Семён Израилевич Липкин

РОЖДЕННЫЙ ИЗ КАМНЯ

Ответственный редактор Г. Р. Каримова.
Художественный редактор В. А. Горячева.
Технические редакторы Е. М. Захарова и
Г. В. Лазарева. Корректоры В. Е. Кали-
нина и Н. А. Сафронова.
Сдано в набор 5/VII 1973 г. Подписано к печа-
ти 19/XII 1973 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 2.
Печ. л. 11,13. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л.
10,12+1 вкл.=10,21. Тираж 75 000 экз. А14004. За-
каз № 541. Цена 49 коп. Ордена Трудового Крас-
ного Знамени издательство «Детская литература»,
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калинин-
ский полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Гос-
комиздата СМ РСФСР, Калинин, проспект 50-ле-
тия Октября, 46.

Липкин С. И.

**Л61   Рожденный из камня. Повесть. Оформление
Л. Фейнберга. М., «Дет. лит.», 1974.**

174 с. с ил.

Повесть написана по мотивам нартского эпоса народов Кавказа — абхазцев, адыгейцев, балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин, черкесов.

СФ

